

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Т. 14, № 1 (2023)

EASTERN ANALYTICS
Vol. 14, No 1 (2023)

ISSN 2227-5568 (Print)
DOI 10.31696/2227-5568-2023-01

EASTERN ANALYTICS

Vol. 14, No 1 (2023)

Information about the journal

The journal *Eastern Analytics* is a print peer-reviewed academic journal
The Journal is being published since 2010. Since 2015 it has annually 4 issues.

Form of distribution – print media, journal.

Registration number and decision date on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor):
PI No. FS77-82197 dated October 26, 2021.

Registered in the ISSN National Centre of the Russian Federation, Russian Book Chamber:
ISSN 2227-5568 (Print). Dated December 14, 2015. Title proper: Vostochnaâ analitika.
Parallel title: Eastern Analytics.

The media founder & Publisher

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Website: www.ivran.ru

Address of the Editorial Office

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Website: <https://analitika.ivran.ru>. E-mail: analitika@ivran.ru

The journal articles do not necessarily reflect the official views of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, the editorial board and the editorial staff of the journal. The editorial staff is not responsible for the accuracy and reliability of the information provided by the authors.

The articles published in the journal "Eastern Analytics" have passed the procedure of anonymous peer review and expert selection.

© "Eastern analytics", 2023

© IOS RAS, 2023

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Т. 14, № 1 (2023)

Информация об издании

Рецензируемый научный академический журнал.
Печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.
Издается с 2010 г., с 2015 г. – 4 раз в год.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-82197 от 26.10.2021 г.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации:
ISSN 2227-5568 (Print). От 14.12.2015 г. : Vostochnaâ analitika.
Параллельное название: Eastern Analytics.

Учредитель, Издатель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Адрес: 107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Веб-сайт: www.ivran.ru

Редакция

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12, ком. 408.
Веб-сайт: <https://analitika.ivran.ru>. E-mail: analitika@ivran.ru

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН,
редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность
и достоверность сведений, приводимых авторами.

Опубликованные в журнале «Восточная аналитика» статьи прошли процедуру
анонимного рецензирования и экспертного отбора.

© «Восточная аналитика», 2023

© ФГБУН ИВ РАН, 2023

Editorial Staff

Akimov Alexander Vladimirovich – *Editor-in-Chief*, Doctor of Economics, Head of Department of Economic Research, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Fedulov Ilya Viktorovich – *Deputy Chief Editor*, Candidate of Technical Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Shchepilova Elena Feliksovna – *Editorial Secretary*, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Editorial Board

Naumkin Vitaly Vyacheslavovich – *Chairman of the Editorial Board*, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Scientific Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

Belokremitsky Vyacheslav Yakovlevich – *Deputy Chairman of the Editorial Board*, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Vorontsov Alexander Valentinovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Voskresensky Alexey Dmitrievich – Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of Oriental Studies, Director of the Center for Integrated Chinese Studies and Regional Projects of the Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Zvyagelskaya Irina Donovna – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for Middle Eastern Studies of the E. M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Isaev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of International Economic Relations of Asia and Africa, Institute of Asian and African Countries, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Kuznetsov Vasily Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Arab and Islamic Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Faculty of World Politics of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Mamedova Nina Mikhailovna – Candidate of Economic Sciences, Head, Iranian Sector, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Melyantsev Vitaly Albertovich – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of International Economic Relations of Asia and Africa, Institute of Asian and African Countries, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Mosyakov Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head, Center for the Study of Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Panarin Sergey Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Head, Center for the Study of General Problems of the Modern East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Streltsov Dmitry Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Head of the laboratory "Center for Japanese, Korean and Mongolian Studies", Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Ulchenko Natalia Yurievna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Economic Geography of Asia and Africa, M.V. Lomonosov Moscow State University; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Shaumyan Tatiana Lvovna – Candidate of Historical Sciences, Head, Center for Indian Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Редакция

Акимов Александр Владимирович – главный редактор, д-р экон. наук, зав. отделом экономических исследований, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Федулов Илья Викторович – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Щепилова Елена Феликсовна – отв. секретарь редакции, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Редакционная коллегия

Наумкин Виталий Вячеславович – председатель редакционной коллегии, академик Российской академии наук, д-р ист. наук, проф., Научный руководитель Института востоковедения РАН.

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич – заместитель председателя редакционной коллегии, д-р ист. наук, проф., заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Воронцов Александр Валентинович – канд. ист. наук, заведующий отделом Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Воскресенский Алексей Дмитриевич – д-р полит. наук, проф., профессор кафедры востоковедения, директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Звягельская Ирина Доновна – член-корр. Российской академии наук, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра ближневосточных исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Исаев Владимир Александрович – д-р экон. наук, проф., профессор кафедры международных экономических отношений стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Кузнецов Василий Александрович – канд. ист. наук, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, доцент факультета мировой политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Мамегова Нина Михайловна – канд. экон. наук, зав. сектором Ирана, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Мельянцева Виталий Альбертович – член-корреспондент Российской академии наук, д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Мосяков Дмитрий Валентинович – д-р ист. наук, проф., зав. центром изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Панарин Сергей Алексеевич – канд. ист. наук, зав. центром исследования общих проблем современного Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Стрельцов Дмитрий Викторович – д-р ист. наук, проф., заведующий кафедрой востоковедения, руководитель лаборатории «Центр японских, корейских и монгольских исследований», Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Ульченко Наталия Юрьевна – д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономики и экономической географии стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Шаумян Татьяна Львовна – канд. ист. наук, зав. центром индийских исследований, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

CONTENTS

ECONOMICS

L. Aristova

The impact of the Covid-19 pandemic
on tourism in Central Asia 9

V. Dvoichenkov

Grain crops balances (wheat, rice)
in the People's Republic of China: 2000–2020s 19

V. Kandalintsev

Far Eastern financial centers 36

U. Okimbekov

The Afghan Economy:
A Year and a Half of the Taliban Rule 52

N. Semenova

On the way to carbon neutrality:
"smart" ports and "green" ships of China..... 69

POLITICS

V. Komleva, M. Nessar

The potential of the network approach in the study
of the dynamics of the political order of Afghanistan..... 90

B. Kushkhov

Protests in Mongolia in 2022 and the reaction
of the authorities to them: elite consensus democracy?..... 104

A. Makhlaiuk

Constructing the image
of the Pakistan armed forces in the 21st century..... 112

A. Sarabiev

"Fraternal" Labor Migrations: The Scandinavian Experience 125

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

<i>Л. Б. Аристова</i> Влияние пандемии COVID-19 на туризм в странах Центральной Азии	9
<i>В. О. Двойченков</i> Балансы зерновых культур (пшеница, рис) в КНР: 2000–2020-е гг.	19
<i>В. Г. Кандалинцев</i> Дальневосточные финансовые центры	36
<i>У. В. Окимбеков</i> Афганская экономика: полтора года правления талибов	52
<i>Н. К. Семенова</i> На пути к углеродной нейтральности: «умные» порты и «зеленые» корабли Китая	69

ПОЛИТИКА

<i>В. В. Комлева, М. О. Нессар</i> Потенциал сетевого подхода в исследовании динамики политических порядков Афганистана	90
<i>Б. Х. Кушхов</i> Протесты в Монголии 2022 года и реакция властей на них: демократия консенсуса элит?	104
<i>А. N. Makhelaiuk</i> Constructing the image of the Pakistan armed forces in the 21st century	112
<i>А. В. Сарабьев</i> «Братские» трудовые миграции: скандинавский опыт	125

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

Научная статья. Экономические науки
УДК 339.48
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-009-018>

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ТУРИЗМ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Людмила Борисовна Аристова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
aristova3@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7583-7452>

Аннотация. После начала пандемии COVID-19 в 2020 г. в государствах Центральной Азии, как и во многих других странах мира, произошло закрытие многих туристических маршрутов и центров. В настоящее время в странах ЦА принимаются меры по восстановлению отрасли. Разрабатываются новые маршруты и формы развития туризма с учетом текущих реалий.

Ключевые слова: Центральная Азия, пандемия, туризм, новые маршруты

Для цитирования: Аристова Л. Б. Влияние пандемии COVID-19 на туризм в странах Центральной Азии. *Восточная аналитика*. 2023;14(1):9-18. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-009-018>

Original article. Economics studies

THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON TOURISM IN CENTRAL ASIA

Ludmila Aristova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
aristova3@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7583-7452>

Abstract. After the start of the COVID-19 pandemic in 2020, many tourist routes and centers were closed in the Central Asian states, as in many other countries of the world. Currently, measures are being taken in the Central Asian countries to restore the industry. New routes and forms of tourism development are being developed taking into account current realities.

Keywords: Central Asia, pandemic, tourism, new routes

For citation: Aristova L. B. The impact of the Covid-19 pandemic on tourism in Central Asia. *Vostochnââ analitika = Eastern Analytics*. 2023;14(1):9-18. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-009-018>.

В 2020–2021 гг. туризм в Центральной Азии, как и во многих других странах мира, оказался под влиянием пандемии, произошло закрытие многих туристических маршрутов и центров. Вводились ограничения и отмены авиарейсов, работы компаний, на большое время закрывались страны, области и города. Пандемия COVID-19 ударила по туризму

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

во всем мире. Так, если в I кв. 2020 г. глобальные показатели въездного туризма уступали данным предыдущего года всего на 28,6%, то уже во II кв., когда по всему миру вводились самые жесткие карантинные ограничения, вплоть до полного локдауна, мировой поток интуристов сократился сразу в 18,4 раза. В целом за 2020 г., согласно данным Всемирной туристской организации, мировой поток иностранных туристов уменьшился в 3,8 раза¹.

В республике Казахстан (РК) в тот же период туристический поток сократился в 16,7 раз. Количество гостиниц отелей санаториев за весь 2020 г. уменьшилось на 3,9% (3,5 тыс. единиц к концу 2020 г.). Заполненность отелей упала до 16,7% (в 2019 г. она составляла 24%)². При этом потенциал сферы туризма в РК, как и в других странах ЦА достаточно высок. Так, по международным рейтингам до 2019 г. РК занимал по туризму 80-е место, Киргизия – 110 (далеко не последнее). По данным британской компании Brand Finance уровень туристической отрасли всех стран ЦА растет, являясь важным источником доходов въездного туризма. В настоящее время в странах ЦА (как и в РФ) принимаются меры по восстановлению отрасли. Разрабатываются новые маршруты и формы развития туризма с учетом текущих реалий.

Пандемия дала возможность всем странам ЦА осуществить трансформацию туристической сферы, провести необходимые реформы для укрепления повышения производительности труда. В новых условиях укреплялись и новые международные связи (упрощение правил пограничного таможенного и приграничного контроля, введение единой региональной визы, развитие транспорта и информационных технологий, введение единых стандартов, туристических услуг и др.). Разработаны меры дополнительного стимулирования отрасли до 2025 г., а именно: возмещение затрат части бизнеса при строительстве отелей и объектов придорожного сервиса, возврат 25% затрат на покупку горнолыжного оборудования, транспортных средств туристического назначения и др.³.

Учитывая спад пандемии, с помощью финансовой поддержки государства, туризм будет возрождаться. Появятся новые, ранее неизвестные направления. Это относится, прежде всего, к внутреннему туризму для

¹ Как пандемия повлияла на туризм. <https://inbusiness.kz/ru/last/kak-pandemiya-povilyala-naturizm> (дата обращения: 15.12.2022).

² Как пандемия повлияла на туризм. <https://inbusiness.kz/ru/last/kak-pandemiya-povilyala-naturizm> (дата обращения: 15.12.2022).

³ Как пандемия повлияла на туристическую отрасль в Казахстане. https://forbes.kz/news/2021/01/19/newsid_242087 (дата обращения: 15.12.2022).

граждан стран. Если в России вырос спрос на поездки в Крым, на Кавказ, Алтай, то в странах ЦА появились маршруты по местам истории, культуры, лечебные центры. Так, в РК наряду со старыми центрами отдыха и лечения (например, санаторий Боровое) организуются трекинговые маршруты по Джунгарскому Алатау и казахскому Алтаю. Проводятся охотничьи поездки на горных козлов и баранов. В Туркменистане в условиях сухого и жаркого климата создается лечебный курорт для лечения почечных заболеваний. В Киргизии отдых и оздоровление туристов происходит в горах Тянь Шаня (горный туризм) и на озере Иссык-куль⁴. Это развитие туризма получит широкую поддержку у населения.

Государственная политика стран ЦА направлена на оказание помощи туристическому бизнесу, особенно среднему и малому. Проводится дополнительное инвестирование туристических компаний⁵. Финансирование будет направлено в рекреационные зоны с дифференциацией: будут предлагаться более дорогие курсы бизнес-класса, а также маршруты с сервисом эконом-класса. В условиях нового времени страны ЦА находят новые решения в сфере туризма. Учитывая общность культур, схожесть языков, исторических мест, традиций, обрядов, веры и др. было решено организовывать общие маршруты по ряду стран ЦА, что может быть экономически выгодным. Еще в декабре 2019 г. представители туристической отрасли ЦА (Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана) подписали соглашение о взаимном сотрудничестве и создании регионального туристического продукта⁶. Как и в России, в Казахстане есть более дорогой и более дешевый туристический сервис. До сих пор в Казахстане, как и других странах ЦА слабо развита маркетинговая сторона туризма, слабая реклама внутри-страновых маршрутов, баз отдыха и оздоровительного туризма. В настоящее время предполагается оказывать помощь турагентствам путем субсидирования и компенсации программ. Будут реализованы программы межнациональных маршрутов, что привлечет туристов всех стран ЕАЭС.

Еще в декабре 2019 г. в Алматы на семинаре по туризму Центрально-Азиатского Регионального Экономического Сотрудничества (ЦАРЭС) бизнес-сообщество Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана подписало соглашение о взаимном сотрудничестве в области

⁴ Туризм в Центральной Азии, горы, альпинизм, пустыни, памятники древности. <http://kstovocotur.ru/stranovedenie/azyatur/centralnaya-aziya-turizm.htm> (дата обращения: 15.12.2022).

⁵ Будет ли внутренний туризм ЕАЭС востребован после пандемии? <https://central-asia.institute/budet-li-vnutrennij-turizm-eaes-vostrebovan-posle-pandemii/> (дата обращения: 15.12.2022).

⁶ Как предлагают восстанавливать туризм в Центральной Азии. <https://cabar.asia/ru/kak-predlagayut-vosstanavlivat-turizm-v-tsentralnoj-azii> (дата обращения: 15.12.2022).

туризма и создании регионального туристского продукта, в рамках которого можно инициировать множество турмаршрутов по Центральной Азии с посещением сразу нескольких стран⁷.

В феврале 2021 г. прошел виртуальный круглый стол с участием руководителей туристических ассоциаций стран Центральной Азии. Цель – обсуждение сложившейся из-за пандемии ситуации на рынке туризма и выработка совместных мер по скорейшему восстановлению туристического сектора экономики⁸, где обсуждалась обстановка в сфере туризма ЦА и возможные выходы из сложившейся сложной ситуации. Поднимался вопрос, как улучшить работу туристической отрасли стран ЦА и сделать ее привлекательной для других стран. Участники были едины во мнении, что сложившаяся ситуация заставила туроператоров более креативно подойти к созданию туристических продуктов и использовать по максимуму все доступные для индустрии инновации, а также отметили необходимость интеграции рынков. Нужны сквозные туристические маршруты и продукты, объединенные под общие стандарты. Дискуссии были продолжены в мае 2021 г. на туристическом форуме в Самарканде⁹.

По словам заместителя премьер-министра Узбекистана, министра туризма и спорта А. Абдухакимова: «Туризм является стратегической отраслью экономики Узбекистана»¹⁰. По мнению зампреда госкомитета Узбекистана Ф. Даврукова «республика будет уделять большое внимание международному туризму. Такой подход представит гостям страны лучше познакомиться с образом жизни, быта, культуры в разных районах ЦА»¹¹. Для этого предполагается тесное сотрудничество всех стран ЦА в совместных экспедициях по изучению транспортных маршрутов, состояния дорожной инфраструктуры, отелей, автобусных парков,

⁷ Содействие региональному сотрудничеству в области туризма в рамках ЦАЭЭС 2–30. Предварительное исследование. Март 2019 г. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/497081/carec-2030-regional-tourism-cooperation-study-ru.pdf> (дата обращения: 15.12.2022).

⁸ Руководители крупнейших туристических ассоциаций обсудили пути выхода из кризиса. https://24.kg/ekonomika/183374_rukovoditeli_krupneyshih_turisticheskikh_assotsiatsiy_obsudili_puti_vyhoda_izkrizisa/ (дата обращения: 15.12.2022).

⁹ Международный туристический форум прошел в Туркестане. <https://khabar.kz/ru/news/obshchestvo/item/133824-mezhdunarodnyj-turisticheskij-forum-proshel-v-turkestane> (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁰ Туризм. Новые идеи Узбекистана. Приложение к республиканскому деловому еженедельнику «Курсив». Апрель 2021. https://kursiv.kz/sites/default/files/users/user24/BG_12_1.pdf (дата обращения: 15.12.2022).

¹¹ Копжасарова Л. Как предлагают восстанавливать туризм в Центральной Азии. <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:HneP7mjPf8MJ:https://cabar.asia/ru/kak-predlagayut-vosstanavlivat-turizm-v-tsentralnoj-azii+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 15.12.2022).

маршрутов между городами стран ЦА. Предполагается внедрение единой визы Silkway Visa для проезда по всем областям.

Опыт в развитии туризма в Казахстане будет основой для работы соседних стран ЦА. Так, ещё в декабре 2019 г. в Алма-Ате на семинаре по туризму ЦАРЭС¹² было подписано соглашение о взаимном сотрудничестве в этой сфере¹³ и создании единого маршрута по странам ЦА. Было предложено создать Совет по туризму стран ЦА по примеру Ассоциации туризма Азиатско-Тихоокеанского региона, намечено оформить информационную сеть туристического бизнеса.

Пандемия 2019–2021 гг. резко снизила поездки по странам ЦА. Идет спад заболевания и туризм начинает возрождаться, но есть и проблемы. Так, необходимо упростить правила пограничного, таможенного миграционного контроля с помощью единой визовой карты Silkway Visa. Необходимо ввести единые стандарты обслуживания туристов во всех странах ЦА. Будет осуществлять единая подготовка кадров, единая обработка статистических данных, формирование единой базы данных о туризме и маршрутах ЦА. По предложению директора Департамента туризма Киргизии К. Кенжематовой «в условиях нового времени следует принять общую программу восстановления отрасли в странах ЦА»¹⁴. Больше использовать цифровизацию при создании маршрутов по странам ЦА. Необходимо усилить рекламный бизнес с большим потенциалом стран на мировом рынке. Сегодня о странах ЦА мало известно. После спада пандемии и ограничений в поездках во всем мире туристы могут больше использовать новые регионы.

В Казахстане, как и в других республиках ЦА активный отдых, зимний и летний, вполне возможен. Контакт с прекрасной природой может быть лечебным. По словам директора киргизской компании «Ак-Сай Тревел» Е. Калашниковой «Пандемия изменила роль туризма, он перестал быть лакшери и стал необходимостью». Из-за изоляции работы людей в режиме онлайн, отсутствия положительных эмоций, растет ценность поездок в прекрасные природные места. Это относится и к внутреннему,

¹² Отправной региональный семинар «Устойчивое развитие туризма в регионе Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС) 3–4 декабря 2019 года. <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:evltNWiHIdYJ:https://www.carecprogram.org/uploads/2019-CAREC-Tourism-Inception-Workshop-Agenda-ru.pdf+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 15.12.2022).

¹³ Соглашение о сотрудничестве в области туризма. <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:ablYowX8uoUJ:https://docs.cntd.ru/document/1902888+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁴ Копжасарова Л. Как предлагают восстанавливать туризм в Центральной Азии. <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:HneP7mjPf8MJ:https://cabar.asia/ru/kak-predlagayut-vosstanavliyat-turizm-v-tsentralnoj-azii+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 15.12.2022).

и к международному туризму. Следует открывать новые пути гламурного кемпинга на отдыхе и природе со всеми удобствами, с хорошими отелями обслуживания. Такой вид отдыха привлекает новых туристов. Расширяется экотуризм, включающий походы и проживания в палатках. По оценке экономистов 4 туриста экомаршрутов приносят такой же доход отрасли, как 100 туристов крупного лайнера. От приключенческого маршрута в стране остается 65% затрат, от массового туризма – 15%¹⁵.

В декабре 2021 г. в Душанбе главы МИД стран Центральной Азии и Индии заявили о необходимости совместно развивать туризм, в том числе медицинский и историко-культурный¹⁶. Было принято решение по укреплению связей в этой отрасли. В Индии и странах ЦА будет больше медицинских маршрутов, учитывая богатый опыт в сфере лечения людей народными средствами и старейшей медициной этих стран. Развивается также историко-культурный туризм, так как и страны ЦА, и Индия имеют богатейшую историю и древнюю культуру. Было принято совместное заявление стран о сотрудничестве, по которому число маршрутов будет увеличено, привлекаются инвестиции в сферу туризма, инфраструктуру (отели, кемпинги, сфера обслуживания, подготовка кадров и др.).

В период 2019–2021 гг. при спаде туристической активности выявились все недостатки отрасли. Спад поездок использовался странами ЦА для улучшения сферы туризма в будущем. Анализ работы отрасли показал, что в странах ЦА существует большая нехватка гостиниц современного уровня (отелей, кемпингов, плохая логистика). Так, например, в Узбекистане в начале 2020 г. насчитывалось 1,2 тыс. объектов инфраструктуры (гостиниц) общей номерной фонд составлял 26,1 тыс. единиц, 54,8 тыс. койкомест¹⁷. В 2019–2020 гг. было принято постановление о субсидировании строительства отелей. Государство покрывает расходы застройщиков: до 4,2 тыс. долл. за один номер в трехзвездочной гостинице, 6,8 тыс. долл. за номер в четырехзвездочной¹⁸. В октябре 2020 г.

¹⁵ Копжасарова Л. Как предлагают восстанавливать туризм в Центральной Азии. <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:HneP7mjPf8MJ:https://cabar.asia/ru/kak-predlagayut-vosstanavlivat-turizm-v-tsentralnoj-azii+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁶ Страны ЦА и Индия делают ставку на развитие медицинского туризма. <https://tj.sputniknews.ru/20211219/strany-ca-indiy-razvitie-meditsinskiy-turizm-1044255603.html> (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁷ Как туристическая отрасль Узбекистана приходит в себя после 2020 года. <https://zen.yandex.ru/media/kursiv/kak-turisticheskaia-otrasl-uzbekistana-prihodit-v-sebia-posle-2020-goda-608a634113b13504db0751f8> (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁸ Как гостиничный бизнес Узбекистана пытается догнать растущий поток туристов. <https://kz.kursiv.media/2020-02-21/kak-gostinichnyy-biznes-uzbekistana-pytaetsya-dognat-rastuschiy-potok-turistov/> (дата обращения: 15.12.2022).

кабинет министров Узбекистана утвердил меры по поддержке туристического бизнеса путем возмещения процентных расходов по кредитам, превышающих основную ставку Центробанка (но не более 10%). Гостиницы переоборудуются, учитывая новые санитарные нормы. Для туристического бизнеса были установлены 56 видов различных льгот и преференций. К 2025 г. предполагается увеличить число гостиниц в Узбекистане до 2,4 тыс. единиц, а по номерному фонду до 64 тыс. мест. упрощен порядок получения лицензии на деятельность в туристической сфере. К 2022 г. выросло число гостевых домов, на стадии завершения находится 86 гостиниц (Hempton by Hilton в Ташкенте) японские отели (Heatt Regeuseув Бухаре). В Ташкенте предполагается строительство еще 10 отелей, вместимостью 120–150 номеров каждый¹⁹.

Во всех странах ЦА поднимается уровень рекламного бизнеса и продвижения национальных маршрутов в других странах. При продвижении рекламы должны учитываться древняя история стран ЦА, культура, безопасность для гостей, простая логистика, получение виз и др.

Остаются достаточно дорогими авиабилеты в страны ЦА. Так, авиабилет из России в Казахстан стоит около 200 долл., тогда как из Турции в Узбекистан – 250 долл.²⁰ Использование лоукостеров будет полезно. Во всех странах ЦА уделяется все большее внимание внутреннему туризму, причем предлагается ряд льгот и скидок при приобретении авиа- и железнодорожных билетов через туроператоров (скидки до 25%). Предприниматели освобождаются от земельного налога и налога на имущество. Снижен налог на прибыль (на 50%), а социальные выплаты с 12% до 1%. Приостановлено погашение кредитов.

В деле развития туризма в странах ЦА большой интерес проявляют соседние страны: Индия, Китай, Турция. Иностранный бизнес начал участвовать в организации сферы в Узбекистане. Так, 80% доли гостиницы «Узбекистан» за 29,2 млн долл. приобрела сингапурская компания Bashan Investment Group PTK Ltd. Здание гостиницы «Чолсу» купила за 17 млн долл. компания из ОАЭ. Планируется приватизация Hyatt Regency Tashkent за 110 млн долл. из инвестиционного фонда The Abu Dhabi Uzbek Fund. В стадии строительства находится отель за 13 млн долл. японской фирмой H.I.S. Всего к 2023 г. в Ташкенте намечено открыть 90 проектов, из которых 66 – гостиницы, 7050 мест) 12 торгово-развлекательных центра, 9 парков, 3 центра ремесленников и ремесел. За время панде-

¹⁹ Как туристическая отрасль Узбекистана приходит в себя после 2020 года. <https://zen.yandex.ru/media/kursiv/kak-turisticheskaja-otrasl-uzbekistana-prihodit-v-sebia-posle-2020-goda-608a634113b13504db0751f8> (дата обращения: 15.12.2022).

²⁰ Дешёвые авиабилеты Москва – Турция (MOW – TR). <https://www.aviasales.ru/routes/mow/tr> (дата обращения: 15.12.03.2022).

мии (2020 г.) число поездок за рубеж в Казахстане сократилось на 62% (269 тыс. чел.)²¹.

К 2022 г. вырос спрос на внутренний туризм. Так, в районе Алматы в горной местности уже построены туристические центры, глэмпинг отели, кэмпинги, проведены благоустроенные тропы. Проводятся работы по возведению радиорелейных станций, вертолетных площадок, создается единая система туристической навигации в горах. Проводятся занятия на курсах по переподготовке гидов, экскурсоводов, семинары для работников аэропортов, железнодорожных вокзалов. Для работников турфирм в системе онлайн организованы занятия по изучению английского языка. В результате всех мер, предполагается к 2024 г. увеличить число туристов в районе Алма-Аты до 1,2 млн чел. Однако январские события 2022 г. в Казахстане (народные волнения)²² принесли большой ущерб городу и стране, что может затормозить эти планы²³.

По оценкам экономистов стран ЦА их туристический потенциал достаточно высок. В первую очередь большим спросом может пользоваться маршрут «Великий Шёлковый Путь», а также лечебные маршруты. Индекс стран ЦА в туристической сфере мира к 2020 г. вырос и составил у Казахстана 9,7% (был 2,2%) или 80 место в мире; Киргизия – 110 место. В ближайшие годы при спокойной обстановке и соответствующих мерах туризм в странах ЦА сможет повысить свой уровень и значимость²⁴.

Карантинные меры (закрытие границ) в странах ЦА поможет справиться с пандемией. По словам руководителя компании «Travel Club Kazakhstan» Аскара Тулеева «клиенты хотят путешествовать и ждут, когда будет послабление карантинных мер. Все игроки рынка тоже с радостью вернуться в работу, лишь бы нам дали продержаться в этот трудный момент»²⁵.

²¹ Как туристическая отрасль Узбекистана приходит в себя после 2020 года. <https://zen.yandex.ru/media/kursiv/kak-turisticheskaja-otrasl-uzbekistana-prihodit-v-sebia-posle-2020-goda-608a634113b13504db0751f8> (дата обращения: 15.12.2022).

²² Хронология событий: январь 2022 года в регионах Казахстана. <https://www.zakon.kz/6380750-khronologiya-sobytyj-yanvar-2022-goda-v-regionakh-kazahstana.html> (дата обращения: 20.01.2023).

²³ Как повлияла пандемия на внутренний туризм в Алматы. https://www.coronavirus2020.kz/ru/kak-povliyala-pandemiya-na-vnutrennij-turizm-v-almaty_a3795662 (15.12.2022).

²⁴ Как пандемия повлияла на туризм. <https://inbusiness.kz/ru/last/kak-pandemiya-povilyala-na-turizm> (дата обращения: 15.12.2022).

²⁵ Левина М. Туризм после пандемии. <https://vlast.kz/biznes/39828-turizm-posle-pandemii.html> (15.12.2022).

Литература / References

1. Будет ли внутренний туризм ЕАЭС востребован после пандемии? <https://central-asia.institute/budet-li-vnutrennij-turizm-eaes-vostrebovan-posle-pandemii/> (дата обращения: 15.12.2022).
2. Как гостиничный бизнес Узбекистана пытается догнать растущий поток туристов. <https://kz.kursiv.media/2020-02-21/kak-gostinichnyu-biznes-uzbekistana-pytaetsya-dognat-rastuschiy-potok-turistov/> (дата обращения: 15.12.2022).
3. Как пандемия повлияла на туризм. <https://inbusiness.kz/ru/last/kak-pandemiya-povilyala-na-turizm> (дата обращения: 15.12.2022).
4. Как повлияла пандемия на внутренний туризм в Алматы. https://www.coronavirus2020.kz/ru/kak-povliyala-pandemiya-na-vnutrennij-turizm-v-almaty_a3795662 (дата обращения: 15.12.2022).
5. Как пандемия повлияла на туристическую отрасль в Казахстане. https://forbes.kz/news/2021/01/19/newsid_242087 (дата обращения: 15.12.2022).
6. Как предлагают восстанавливать туризм в Центральной Азии. <https://cabar.asia/ru/kak-predlagayut-vosstanavlivat-turizm-v-tsentralnoj-azii> (дата обращения: 15.12.2022).
7. Как туристическая отрасль Узбекистана приходит в себя после 2020 года. <https://zen.yandex.ru/media/kursiv/kak-turisticheskaia-otrasl-uzbekistana-prihodit-v-sebia-posle-2020-goda-608a634113b13504db0751f8> (дата обращения: 15.12.2022).
8. Копжасарова Л. Как предлагают восстанавливать туризм в Центральной Азии. <https://cabar.asia/ru/kak-predlagayut-vosstanavlivat-turizm-v-tsentralnoj-azii+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 15.12.2022).
9. Левина М. Туризм после пандемии. <https://vlast.kz/biznes/39828-turizm-posle-pandemii.html> (дата обращения: 15.12.2022).
10. Международный туристический форум прошел в Туркестане. <https://khabar.kz/ru/news/obshchestvo/item/133824-mezhdunarodnyj-turisticheskij-forum-proshel-v-turkestane> (дата обращения: 15.12.2022).
11. Отправной региональный семинар «Устойчивое развитие туризма в регионе Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС) 3–4 декабря 2019 года. <https://www.carecprogram.org/uploads/2019-CAREC-Tourism-Inception-Workshop-Agenda-ru.pdf+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 15.12.2022).
12. Руководители крупнейших туристических ассоциаций обсудили пути выхода из кризиса. https://24.kg/ekonomika/183374_rukovoditeli_krupneyshih_turisticheskikh_assotsiatsiy_obsudili_puti_vyhoda_izkrizisa/ (дата обращения: 15.12.2022).
13. Соглашение о сотрудничестве в области туризма. <https://docs.cntd.ru/document/1902888+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 15.12.2022).
14. Содействие региональному сотрудничеству в области туризма в рамках ЦАРЭС 2–30. Предварительное исследование. Март 2019 г. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/497081/carec-2030-regional-tourism-cooperation-study-ru.pdf> (дата обращения: 15.12.2022).

15. Страны ЦА и Индия делают ставку на развитие медицинского туризма. <https://tj.sputniknews.ru/20211219/strany-ca-indiy-razvitie-meditsinskiy-turizm-10442-55603.html> (дата обращения: 15.12.2022)
16. Туризм в Центральной Азии, горы, альпинизм, пустыни, памятники древности. <http://kstovoeotur.ru/stranovedenie/aziyatur/centralnaya-aziya-turizm.htm> (дата обращения: 15.12.2022).
17. Туризм. Новые идеи Узбекистана. Приложение к республиканскому деловому еженедельнику «Курсив». Апрель 2021. https://kursiv.kz/sites/default/files/users/user24/BG_12_1.pdf (дата обращения: 15.12.2022).
18. Хронология событий: январь 2022 года в регионах Казахстана. <https://www.zakon.kz/6380750-khronologiya-sobytiy-yanvar-2022-goda-v-regionakh-kazakhstana.html> (дата обращения: 20.01.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Аристова Людмила Борисовна – канд. экон. наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Россия

Aristova Ludmila B. – PhD (Econ.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 31.10.2022. Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 19.01.2023. Опубликована: 28.04.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 31.10.2022. Approved after peer reviewing and accepted for publication: 19.01.2023. Published: 28.04.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 339.9
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-019-035>

БАЛАНСЫ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР (ПШЕНИЦА, РИС) В КНР: 2000–2020-е гг.

Вадим Олегович Двойченков

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
dvovad@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3995-9000>

Аннотация. В статье проанализирована динамика производства, потребления, импорта и экспорта пшеницы и риса в КНР за период 2000–2022 гг., установлены факторы, которые обеспечивали рост производства риса и пшеницы во время рассматриваемого периода, и благодаря которым КНР удавалось удерживать необходимый уровень самообеспеченности. В заключении определяются дальнейшие перспективы развития зернового баланса пшеницы и риса и подчеркивается на что следует обратить внимание при дальнейшем изучении зернового хозяйства Китая. В докладе Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая было особо подчеркнuto, что в процессе всестороннего строительства модернизированного социалистического государства самая трудоемкая и тяжелая задача все же остается в деревне, и что необходимо продолжать отдавать приоритет развитию сельского хозяйства и сельской местности. Согласно 14-му пятилетнему плану в развитии сельского хозяйства Китая в ближайшие 5 лет упор будет делаться на повышении качества и конкурентоспособности аграрного производства, осуществлении инициатив в области сельского строительства, укреплении систем и механизмов комплексного развития городов и сельских районов, а также на эффективном возрождении сельских районов и укреплении достижений в борьбе с нищетой. Прежде чем начать изучать китайские методы достижения заявленных целей, необходимо проанализировать изменения в развитии сельского хозяйства КНР за последние два десятилетия до текущего момента, чтобы качественно сформулировать исходное состояние, определить тренды и спрогнозировать дальнейшую траекторию развития зернового хозяйства КНР.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика (КНР), сельское хозяйство, баланс зерновых культур, пшеница, рис

Для цитирования: Двойченков В. О. Балансы зерновых культур (пшеница, рис) в КНР: 2000–2020-е гг. *Восточная аналитика*. 2023;14(1):19-35. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-019-035>

Original article. Economics studies

GRAIN CROPS BALANCES (WHEAT, RICE) IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: 2000–2020s

Vadim Dvoichenkov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
dvovad@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3995-9000>

Abstract. The article analyzes the dynamics of production, consumption, imports and exports of wheat and rice in China for the period 2000–2022, identifies factors that ensured the growth

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

of rice and wheat production, and helped China to maintain the necessary level of agricultural self-sufficiency during the analyzed period. The conclusion determines further prospects for the development of wheat and rice balances and indicates what should be paid attention to in further studying of the People's Republic of China's grain economy. Xi Jinping's speech at the 20th National Congress of the Communist Party of China emphasized that the most challenging and arduous tasks in building a modern socialist China in all respects remain in the rural areas and that the development of agricultural and rural areas must continue to be given priority. According to the 14th Five-Year Plan for the Development of China's Agriculture, the next 5 years will be focused on improving the quality and competitiveness of agriculture, implementing rural construction initiatives, strengthening systems and mechanisms for the integrated development of cities and rural areas, and effectively revitalizing rural areas, as well as strengthening achievements in the fight against poverty. Before starting to study Chinese methods of achievement for the stated goals, it is necessary to analyze the changes in the development of China's agriculture over the past two decades to the present moment in order to qualitatively determine the current state, identify trends and predict the further trajectory for the development of Chinese grain economy.

Keywords: People's Republic of China (PRC), agriculture, grain balance, wheat, rice

For citation: Dvoichenkov V. O. Grain crops balances (wheat, rice) in the People's Republic of China: 2000–2020s. *Vostochnâ analitika = Eastern Analytics*. 2023;14(1):19–35. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-019-035>.

Сельскому хозяйству в КНР отводится огромная роль в планах экономического развития страны, в обеспечении населения продуктами питания и сохранении природной среды. Структура китайского агропромышленного комплекса состоит из производства, переработки, хранения и реализации сельскохозяйственной продукции. С начала XXI века произошел значительный подъем в развитии агропромышленного комплекса Китая, который становится все более инновационной отраслью экономики.

Возрастающее значение продовольственной безопасности в современных условиях оказывает влияние на экономическую политику всех стран мира, включая Китай. В настоящее время существует много факторов, как внутренних, так и внешних, влияющих на развитие сельского хозяйства Китая. В докладе Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая подчёркивается, что в процессе всестороннего строительства модернизированного социалистического государства самая трудоемкая и тяжелая задача все же остается в деревне, и что необходимо продолжать отдавать приоритет развитию сельского хозяйства и сельской местности [Xí Jīn Píng zài Zhōng Guó..., 2022].

Перед тем как начать анализировать все заявленные сельскохозяйственные нововведения и оценивать, каким образом будут развиваться сельские регионы, прежде всего необходимо изучить текущее состояние

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

сельского хозяйства Китая, понять что и в какой степени изменилось за годы председательства Си Цзиньпина, и при каком состоянии сельского хозяйства Китая он вступает на третий срок генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Китая.

Период с начала второго десятилетия XXI века представляется наиболее значимым для анализа тенденций развития китайского сельского хозяйства на современном этапе и изучения балансов зерна, в частности, ввиду наличия следующих факторов. Первое, Си Цзиньпин является действующим лидером Китайской Народной Республики с 2012 г., и изменения в сельском хозяйстве в период его председательства выступают немаловажным объектом внимания в рамках данного исследования: анализ двух десятилетий позволит в полной мере оценить все сельскохозяйственные достижения Китая. Второе, с 2010 г. Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) составляет статистику продовольственного баланса, применяя новую методологию расчёта. Таким образом, председительство Си Цзиньпина и новая методология ФАО совпадают по времени, что позволяет объективно оценивать все актуальные изменения в рамках изучаемого промежутка времени.

Баланс производства, потребления, импорта и экспорта пшеницы

В Таблице 1 представлен баланс производства, потребления, импорта и экспорта пшеницы в Китае за период 2000–2019 гг. За последние 20 лет прослеживается тенденция к увеличению производства пшеницы. Так, количество пшеницы, произведенной в 2019 г., выросло более чем на треть по сравнению с 2000 г. и достигло 133,6 млн тонн. При этом, если в период с 2005 по 2010 г. и с 2010 по 2015 г. совокупный среднегодовой темп прироста производства пшеницы составлял 3,41% и 2,86% соответственно, то в период с 2015 по 2019 г. прирост производства stagnировал на уровне 0,18% в год.

Производство пшеницы в 2019 г. увеличилось менее чем на 1% по сравнению с 2015 г. За весь рассматриваемый период 2017 г. был самым урожайным, когда было произведено 134,3 млн тонн пшеницы, после чего производство впервые с 2003 г. сократилось на 2,09% в 2018 г., а затем к 2019 г. восстановилось до уровня 2015–2016 гг. (рис. 1). Из-за неблагоприятных погодных условий и аномальной жары летом 2022 г. в некоторых провинциях Китая ожидалось, что производство пшеницы останется на уровне 137 млн тонн, однако в опубликованном в ноябре 2022 г. отчёте Продовольственного прогноза ФАО ожидаемый результат улучшился более чем на 1%, и по итогам 2022 г. производство пшеницы должно достигнуть 138,4 млн тонн [Food Outlook, 2022, p. 37].

Таблица 1

Баланс производства, потребления, импорта и экспорта пшеницы, тыс. тонн

Пшеница и продукты пшеницы	2000	2005	2010	2015	2019
Производство	99 636	97 445	115 209	132 669	133 624
Импорт	2 615	5 414	2 979	5 205	5 858
Δ Запасы	11 253	3 462	4 730	18 163	12 123
Экспорт	488	1 106	849	581	924
Внутренние ресурсы	113 016	105 216	112 608	119 130	126 435
Корма	4 058	3 864	13 285	16 032	20 574
Семена	5 000	4 600	4 690	4 219	3 979
Потери	5 624	3 803	2 591	2 920	2 941
Переработка	4	35	125	329	337
Остаток и другие виды использования	2 402	1 878	529	3 017	2 209
Продовольствие	95 927	91 036	91 387	92 613	96 395
Общее потребление	124 756	109 784	118 186	137 874	139 482
Самообеспеченность продовольствием	79,86%	88,76%	97,48%	96,22%	95,8%

Источник: FAOSTAT, Food Balances (2010-) & Food Balances (–2013, old methodology and population) [Food Balances..., 2022].

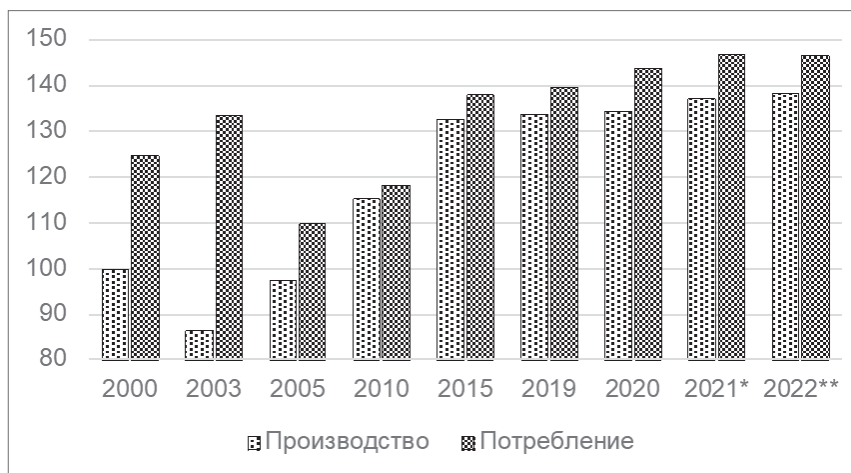

Рис. 1. Динамика производства и потребления пшеницы и продуктов пшеницы в Китае, млн тонн

Источник: FAOSTAT, Food Balances (2010-) & Food Balances (–2013, old methodology and population).

* – согласно оценкам ФАО (по состоянию на ноябрь 2022).

** – согласно прогнозам ФАО (по состоянию на ноябрь 2022).

Рост благосостояния китайского населения ведёт к увеличению общего потребления пшеницы, которое в 2019 г. находилось на уровне 139,5 млн тонн, что на 18% больше по сравнению с 2010 г. В период 2010–2019 гг. потребление пшеницы превышало производство в среднем более чем на 4,2%. Причём рост потребления обеспечивался не за счёт продовольствия, которое за рассматриваемый период находилось в среднем на уровне чуть более 93 млн тонн и только за последние три года поднялось до уровня около 96 млн тонн, а за счёт увеличения потребления пшеницы в качестве кормов в секторе животноводства.

Так, например, доля кормов от внутреннего потребления ресурсов в 2010 г. составляла 11,8%, а в 2019 г. она была уже 16,3% – прирост использования пшеницы для кормов достиг 54,9%, учитывая, что и доля внутренних ресурсов в 2019 г. увеличилась на 12,3% по сравнению с 2010 г., составив 126,4 млн тонн. В настоящее время в Китае наблюдается большая надбавка к цене на пшеницу, поэтому в прогнозном периоде на 2022–2023 г. ожидается сокращение использования пшеницы в качестве кормов ввиду высоких цен на пшеницу по сравнению с другим фуражным зерном, в частности кукурузой [Food Outlook, 2022, p. 1]. При этом в среднесрочной перспективе тренд на увеличение доли кормов будет сохраняться.

С 2010 г. доля семян от внутреннего потребления ресурсов сократилась более чем на 1 п. п. до 3,15% в 2019 г., снижаясь на 1,8% в год. Такой результат свидетельствует о постепенном внедрении наукоёмких технологических способов производства пшеницы и переходе к использованию более высокоурожайных сортов семян.

Доля потерь хотя и немного выросла в абсолютной величине, но имеет тенденцию к сокращению в процентном выражении, не превысив 3,2% в 2019 г. В сравнении с мировыми показателями, когда потери зерна в некоторых странах могут достигать до 25% от внутреннего потребления, китайская доля потерь пшеницы является хорошим показателем, который обеспечивается за счёт высокого контроля за качеством на всех этапах производства, эффективности логистических цепочек и других факторов.

Невзирая на сокращение запасов пшеницы к 2019 г. на треть от уровня 2015–2016 гг., в период 2010–2019 гг. Китай увеличил объём запасов более чем в 2,5 раза. Количество пшеницы для других видов использования постоянно колебалось на протяжении всего рассматриваемого периода, но в среднем за период 2010–2019 гг. держалось на уровне 2,4 млн тонн (рис. 2).

Важно отметить, что в период с 2010 по 2019 гг. совокупный среднегодовой темп прироста потребления составил 3,37%, превысив совокуп-

ный среднегодовой темп прироста производства, равный 3% за тот же период времени. Вследствие этого уровень самообеспеченности продовольствием в 2019 г. снизился до 95,8%, потеряв 1,68 п. п. по сравнению с 2010 г. Если учитывать оценочные и прогнозные расчёты ФАО, то в период 2019–2022 гг. совокупный среднегодовой темп прироста потребления не только будет выше темпа прироста производства, но и будет следовать тенденции увеличения разницы разрыва, а уровень самообеспеченности пшеницей снизится ещё на 1,3 п. п. до 94,5% к концу 2022 г. Таким образом, импорт пшеницы будет увеличиваться.

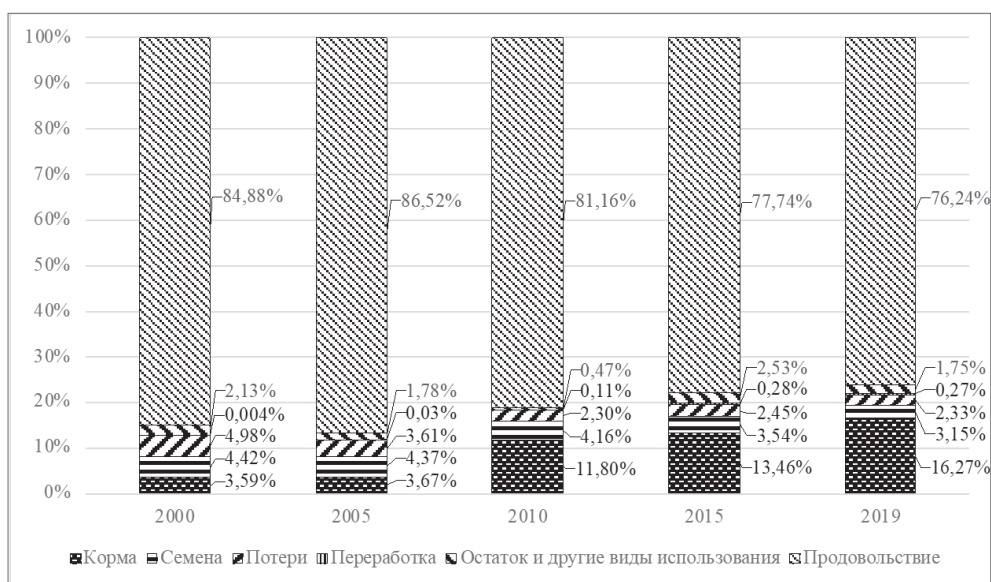

Рис. 2. Потребление внутренних ресурсов пшеницы в Китае по долям, %

Источник: FAOSTAT, Food Balances (2010-) & Food Balances (–2013, old methodology and population).

Китай импортировал 5,9 млн тонн пшеницы в 2019 г., что почти в 2 раза больше по сравнению с объёмом импорта в 2010 г. Доля импорта от общего потребления пшеницы в 2019 г. составила 4,2% против 2,5% в 2010 г. По прогнозам ФАО на 2022–2023 г. ожидается, что нерентабельные цены на пшеницу по сравнению с другими зерновыми приведут к сокращению импорта на 15%, объёмы которого будут всё ещё выше среднего за последние 2–3 года [Food Outlook, 2022, p. 14]. Несмотря на высокие цены, импорт пшеницы в любом случае будет намного выше средней величины ввиду необходимости удовлетворения высокой потребности в кормах, и его доля от общего потребления пшеницы вырастет до 5,5% к концу 2022 г.

Основными странами-экспортёрами пшеницы в Китай являются Австралия, США, Канада, а последние 3 года ещё и Франция, на которые в 2021 г. пришлось 97% всей импортируемой пшеницы: более 28% – Австралия и США, более 26% – Канада и почти 15% – Франция. Китайско-австралийский конфликт 2018–2019 гг. стал результатом резкого сокращения торговли пшеницей между двумя странами и способствовал значительному увеличению импорта из Канады, тем не менее с 2020 г. экспорт австралийской пшеницы в Китай также резко вернулся на прежний уровень, а в 2021 г. стал рекордным, достигнув 2,7 млн тонн. В китайском импорте пшеницы в 2021 г. Россия заняла 7-е место, а её доля от общего импорта Китая была равна 0,5% или 48,8 тыс. тонн [List of supplying markets..., 2022].

За последние 20 лет посевная площадь пшеницы в Китае сократилась на 12,3% и к 2020 г. составила 23,4 млн га. К 2005 г. посевная площадь снизилась на 3,8 млн га по сравнению с 2000 г., в период с 2005 по 2009 г. посевные площади пшеницы увеличивались на 1,74% в год, впоследствии, вероятно, достигнув плато возможностей для дальнейшего расширения. По сравнению с 2009 г. посевная площадь пшеницы выросла лишь на 1% к 2016 г. и составила 24,7 млн га – максимальная площадь засева за рассматриваемый период. Начиная с 2017 г. посевная площадь пшеницы стабильно снижается более чем на 1% в год, сократившись к 2020 г. на 5,2%. В период 2000–2020 гг. совокупный среднегодовой темп прироста урожайности пшеницы составил 2,2%, вследствие чего в 2020 г. урожайность достигла 57,4 ц / га, что на 53,6% выше, чем 20 лет назад (рис. 3).

Рис. 3. Динамика посевных площадей и урожайности пшеницы в Китае, млн га и ц/га

Источник: Рассчитано автором на основе China Statistical Yearbook 2021 [Nóng zuò wù..., 2021].

На рисунке 3 прослеживается обратная зависимость между увеличением урожайности пшеницы и размером посевных площадей пшеницы на протяжении периода последних 5 лет, тренд на которую продолжит сохраняться в среднесрочной перспективе.

В связи со всем вышеперечисленным можно заключить, что потребление пшеницы продолжит расти более высокими темпами, в первую очередь за счет увеличения спроса на корма, который стимулируется ускоренной урбанизацией и ростом спроса на продукцию животноводства. Невозможность экстенсивного роста естественным образом вынуждает Китай к поиску решений интенсивного развития путём совершенствования технологий и применения достижений науки и техники в производстве пшеницы, которые, как ожидается, позволят засеять территории с неблагоприятными для выращивания пшеницы климатическими условиями. Сокращение объёмов семян пшеницы, повышение урожайности и крайне малый процент потерь указывают на прогресс в стремлении Китая внедрять наукоёмкие технологические способы производства. В среднесрочной перспективе спрос на потребление пшеницы будет и дальше в значительной степени удовлетворяться за счёт импорта.

Баланс производства, потребления, импорта и экспорта риса

В Таблице 2 представлен баланс производства, потребления, импорта и экспорта риса в Китае за период 2000–2019 гг. Необходимо сразу обратить внимание, что резкий скачок в статистических данных начиная с 2010 г. обусловлен не только переходом ФАО к новой методологии сбора данных, отличной от той, что использовалась до 2013 г., но и тем, что прежде статистика по рису собиралась для конкретной товарной позиции – обрушенный рис. Поэтому для более четкого понимания ситуации с балансами риса целесообразно разделить промежуток в 20 лет на два временных отрезка: до и после 2010 г.

В каждом из первых двух рассматриваемых десятилетий с начала века совокупный среднегодовой темп прироста производства риса составил менее 1%: к 2010 г. производство увеличилось на 3,9% по сравнению с 2000 г., а с 2010 г. выросло на 7,2% к 2019 г., достигнув 211,4 млн тонн. Рис исторически является основным продуктом питания в Китае, поэтому на протяжении последних 10 лет производство и потребление риса в Китае превосходило производство и потребление пшеницы более чем в 1,5 раза. При этом динамика производства риса в Китае следует тем же трендам, что и динамика пшеницы (рис. 4).

Таблица 2

Баланс производства, потребления, импорта и экспорта риса, тыс. тонн

Рис и продукты риса	2000	2005	2010	2015	2019
Производство	126 606	121 431	197 212	213 724	211 405
Импорт	632	988	1 334	5 721	4 422
Δ Запасы	4 557	-370	3 601	17 921	2 594
Экспорт	3 103	735	904	494	4 216
Внутренние ресурсы	128 692	121 314	194 041	201 030	209 017
Корма	13 354	8 082	5 650	7 147	7 155
Семена	4 613	4 678	6 812	6 913	6 506
Потери	7 358	4 674	7 801	8 454	8 356
Переработка	8	12	1 100	1 132	916
Остаток и другие виды использования	1 272	1 740	289	427	397
Продовольствие	102 087	102 128	172 389	176 957	185 687
Общее потребление	136 352	121 679	198 546	219 445	215 827
Самообеспеченность продовольствием	92,85%	99,8%	99,33%	97,39%	97,95%

Источник: FAOSTAT, Food Balances (2010-) & Food Balances (-2013, old methodology and population).

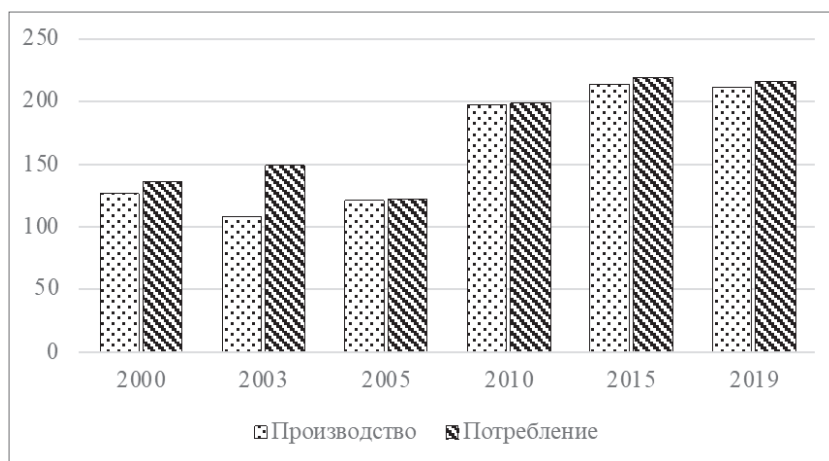

Рис. 4. Динамика производства и потребления риса и продуктов риса в Китае, млн тонн

Источник: FAOSTAT, Food Balances (2010-) & Food Balances (-2013, old methodology and population).

Так, например, производство риса сократилось на 14,5% в 2003 г. по сравнению с 2000 г., в то время как производство пшеницы упало на 13,2% за тот же период. Как и в случае с пшеницей, 2017 г. был самым

урожайным годом, когда было собрано почти 214,5 млн тонн риса. На отрезке пересечения обеих методологий ФАО за 2010–2013 гг. также отчетливо виден одинаковый тренд: рост производства в первые 2 года и незначительный спад в 2013 г. В течение 2005–2010 гг. Китаю удавалось удерживать баланс между производством и потреблением, когда самообеспеченность рисом составляла в среднем 99,4% без учёта снижения в 2006 г., после чего в период 2010–2019 гг. темпы прироста общего потребления риса были немного выше темпов прироста его производства – общее потребление в 2019 г. увеличилось на 8,7% по сравнению с 2010 г., что превышает рост производства на 1,51 п. п. за тот же период. Последние 10 лет начиная с 2010 г. самообеспеченность рисом держится на уровне 98% в среднем.

В 2019 г. объём импорта риса увеличился более чем в 3 раза по сравнению с 2010 г. и составил 4,4 млн тонн с совокупным среднегодовым темпом прироста равным 14,2%, а его доля от общего потребления выросла до 2%. Основными экспортёрами риса в Китай в 2021 г. были Индия (22,1%), Вьетнам (21,9%), Пакистан (19,5%), Мьянма (16,2%) и Таиланд (12,2%), на которых пришлось почти 92% от общего объёма закупаемого риса [List of supplying markets..., 2022]. Россия также экспортирует рис в Китай, но за последние 5 лет начиная с 2016 г. объём российского экспорта риса сократился более чем в 43 раза до 120 тонн в 2021 г.

С 2010 г. китайский экспорт риса не превышал 1 млн тонн, но в последние несколько лет прослеживается резкое повышение объёмов экспорта. Так, в 2019 г. Китай экспортировал 4,2 млн тонн риса, что более чем в 5 раз превосходит экспортируемый объём по сравнению с 2016 г. В 2021 г. топ-5 импортёров китайского риса составили Египет (10,2%), Республика Корея (9,2%), Сьерра-Леоне (7,7%), Кот-д'Ивуар (6,9%) и Папуа-Новая Гвинея (6,1%), сумма доли которых ровнялась 40,1% китайского экспорта.

В структуре внутреннего потребления за последние 10 лет на долю продовольствия приходилось в среднем 88,5%, на потери в среднем уходило 4,1%, на корма и семена – 3,3% и 3,4% соответственно (рис. 5). Наиболее быстрыми темпами увеличивалось количество риса, употребляемого для кормов, которое достигло 7,2 млн тонн в 2019 г., что на 26,6% больше чем в 2010 г. При этом, если доля кормов в 2019 г. поднялась на 0,5 п. п. по сравнению с 2010 г. до 3,42% от общего потребления, то доля семян сократилась на 0,4 п. п. за тот же период до 3,11%. Следует отметить, что урожайность риса увеличивалась на протяжении всего рассматриваемого периода и в 2020 г. достигла 70,4 ц / га, что на 11,2% больше по сравнению с 2000 г. (рис. 6).

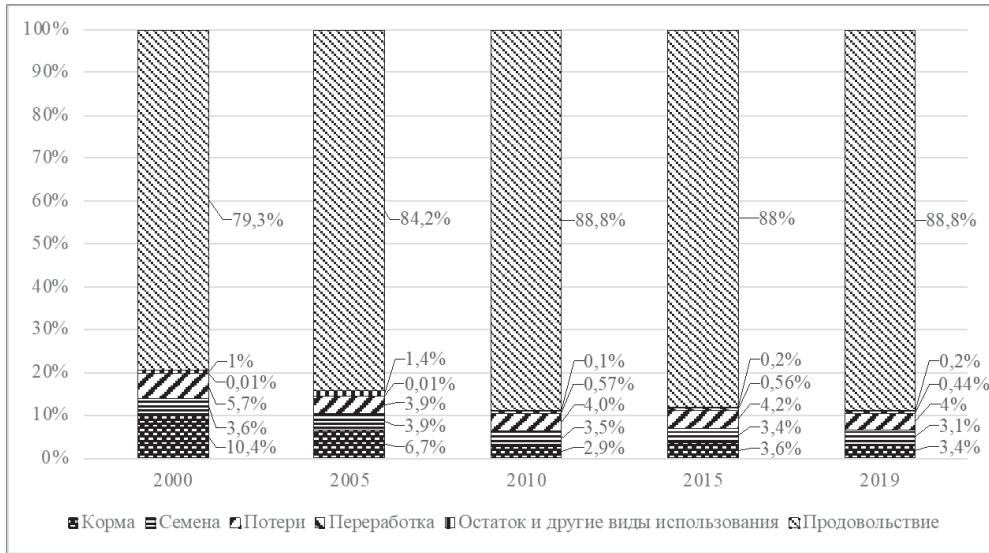

Рис. 5. Потребление внутренних ресурсов риса в Китае по долям, %

Источник: FAOSTAT, Food Balances (2010-) & Food Balances (–2013, old methodology and population).

Рис. 6. Динамика посевных площадей и урожайности риса в Китае, млн га и ц/га

Источник: Рассчитано автором на основе China Statistical Yearbook 2021, Sown Areas of Farm Crops [Nóng zuò wù..., 2021].

Сокращение доли семян и рост урожайности объясняется внедрением в производство современных биотехнологий и выведением новых модифицированных сортов риса и зерна в целом. Только за последний год китайские учёные смогли вывести несколько сортов многолетнего риса, которые способны давать высокий урожай на протяжении нескольких лет без повторного посева [Chinese research team..., 2022];

внедрить ген, увеличивающий белковую составляющую и азотистый обмен, что позволило новому виду риса цвести на две недели раньше и более активно перерабатывать азот [Ученые КНР..., 2022]; и под влиянием космической радиации и невесомости культивировать "космический рис", крайне устойчивый к засухам и нашествиям вредителей [Rice from space..., 2022].

В первые семь лет начиная с 2010 г. в динамике посевных площадей, отведённых для выращивания риса, наблюдался незначительный подъём: совокупный среднегодовой темп прироста составил менее 1% (рис. 6). Пик увеличения посевных площадей пришелся на 2017 г., когда было засеяно 30,75 млн га, что на 2,16% больше по сравнению с 2010 г. После 2017 г. начался резкий спад со скоростью среднегодового темпа убыли также менее 1%, но более чем в 2 раза превышающего темп прироста за первые 7 лет, что стало результатом сокращения посевных площадей риса на 2,18% к 2020 г. В 2020 г. размер посевных площадей для выращивания риса снизился до значений 2010 г. и составил 30,08 млн га.

Таким образом, можно заключить, что текущие тренды в среднесрочной перспективе будут сохранены: размер посевных площадей будет варьироваться в зависимости от урожайности риса, вслед за потреблением будет расти и импорт. С учётом прогнозируемого роста внутреннего производства мяса и снижения внутренних цен в начале 2022 г. в Китае доля риса используемого для корма скота будет увеличиваться. В целом за рассматриваемый период уровень самообеспеченности рисом стабильно держался на высоком уровне, поэтому какой-либо внезапной отрицательной динамики на текущем этапе не предвидится.

Применение удобрений в производстве риса и пшеницы

Представляется интересным проанализировать какие факторы кроме размера посевных площадей и урожайности обеспечивали рост производства риса и пшеницы. Так, например, за первые 15 лет начиная с 2000 г. Китай при совокупном среднегодовом темпе прироста в 2,52% увеличил потребление удобрений почти в 1,5 раза, достигнув рекордных объёмов: 60,2 млн тонн в 2015 г., после чего началось стремительное сокращение применения удобрений из-за экологических требований. В 2020 г. количество расходуемых удобрений уменьшилось на 12,8% по сравнению с 2015 г., снижаясь на 2,71% в год. По сравнению с 2000 г. использование удобрений в 2020 г. выросло на 26,6% и составило 52,5 млн тонн (рис. 7). Динамика роста производства риса и, в значительной мере, пшеницы в 2003–2015 гг. совпадает с динамикой увеличения потребления удобрений за тот же период.

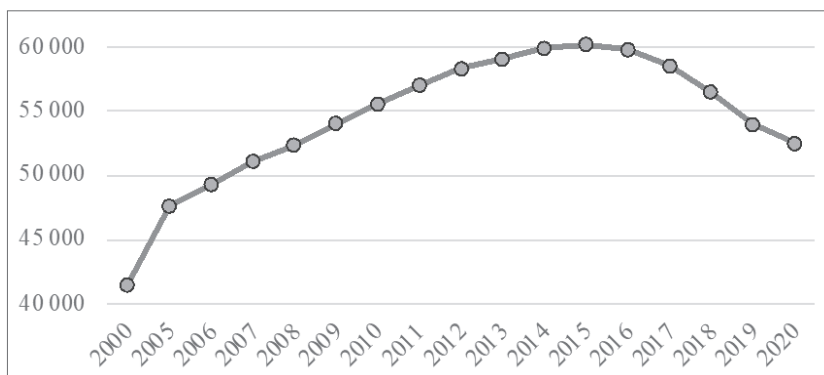

Рис. 7. Динамика потребления удобрений в Китае, тыс. тонн

Источник: China Statistical Yearbook 2021, Irrigated Area of Cultivated Land and Consumption of Chemical Fertilizers [Gēng dì..., 2021].

Корреляционный анализ зависимости урожайности риса и пшеницы от количества потребляемых удобрений показал положительную связь между переменными. Коэффициент корреляции между урожайностью пшеницы и интенсивностью применяемых удобрений достаточно сильный и составил $r = 0,72$. Корреляционная зависимость урожайности риса от использования удобрений оказалась средней и тоже положительной: $r = 0,65$. В обоих случаях коэффициент значимости $p < 0,05$ и t -значение $> |1.6|$, что подтверждает статистическую значимость – количество расходуемых удобрений влияет на урожайность пшеницы и риса. Вместе с этим из-за коэффициента детерминации $R^2 = 0,515$ для пшеницы и $R^2 = 0,421$ для риса точность подбора уравнения регрессии невысокая, т. к. остальные 48,5% изменений урожайности пшеницы и 57,9% изменений урожайности риса объясняются факторами, не учтенными в данной модели.

В структуре потребления удобрений за последние 20 лет положительная динамика роста была только у калийных и комплексных удобрений (рис. 8). В 2020 г. было использовано 5,4 млн тонн калийных удобрений – увеличение потребления на 44% по сравнению с 2000 г. Китай стремится увеличить положительный эффект от интенсивного применения удобрений, поэтому за весь рассматриваемый период самый высокий совокупный среднегодовой темп прироста в 4,5% наблюдался у комплексных удобрений: в 2020 г. было израсходовано 22,2 млн тонн, что почти в 2,5 раза больше чем в 2000 г. Доля калийных удобрений за весь рассматриваемый период не изменилась и начиная с 2001 г. стабильно держалась в среднем на уровне 10,4%, в то время как доля комплексных удобрений, напротив, выросла почти в 2 раза до 42,3% от общего потребления всех удобрений в 2020 г. За 20 лет потребление азотных удобрений сократилось на 15,2%

до 18,3 млн тонн в 2020 г., а их доля снизилась на 17,2 п. п. до 34,9% в структуре общего потребления удобрений. Пик потребления фосфорных удобрений пришелся на 2014 г., когда было израсходовано 8,5 млн тонн удобрений, после чего оно сокращалось на 4,2% ежегодно и к 2020 г. достигло минимума за 20 лет – 6,5 млн тонн с долей 12,5% от общего потребления.

Рис. 8. Динамика потребления удобрений в Китае по долям, %

Источник: China Statistical Yearbook 2021, Irrigated Area of Cultivated Land and Consumption of Chemical Fertilizers.

С 2001 г. импорт удобрений в Китае постепенно сокращался, ежегодно снижаясь почти на 1%. В 2021 г. Китай импортировал 9,2 млн тонн удобрений, что на 16% меньше по сравнению с количеством приобретённым в 2001 г. Пик импорта пришёлся на 2002 г., когда Китай боролся со спадом производства пшеницы и риса (2000–2003 гг.), и было импортировано 16,8 млн тонн удобрений. По итогам 2021 г. на Россию (27,9%), Канаду (19,8%), Белоруссию (15,5%), Норвегию (8,5%) и Израиль (6,7%) – основные страны-экспортеры удобрений в Китай на протяжении 20 лет – пришлось 78,5% китайского импорта. За весь рассматриваемый период Россия была топ-1 экспортёром, вероятно, в среднесрочной перспективе этот тренд продолжится несмотря на очевидную общую динамику сокращения импорта удобрений в Китае.

С 2007 г. Китай является нетто-экспортером удобрений (рис. 9). При совокупном среднегодовом темпе прироста в 13,5% экспорт китайских удобрений за 20 лет вырос в 12,5 раз и достиг 31,8 млн тонн в 2021 г. В экспортной структуре китайских удобрений в 2021 г. топ-5 стран-импортеров и их доли распределились следующим образом: Индия (20,1%), Бразилия (19,4%), Вьетнам (5,8%), Пакистан (4,5%) и Австралия (4,5%). Стоит заметить, что китайско-австралийский конфликт никак не повлиял на стабильно растущий экспорт китайских удобрений в Австралию.

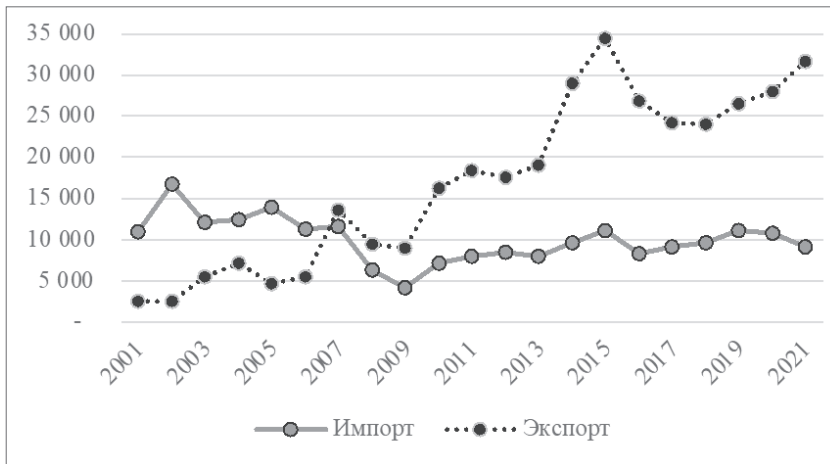

Рис. 9. Динамика экспорта-импорта удобрений в Китае, тыс. тонн

Источник: ITC Trade Map, List of detailed products exported & imported by China, Product: 31 – Fertilisers [List of detailed products..., 2022].

Заключение

Проанализировав современное состояние баланса пшеницы и риса, можно заключить, что в целом на протяжении 20 лет Китаю удавалось удерживать необходимый уровень самообеспеченности. Однако увеличение благосостояния населения в соответствии с 14-м пятилетним планом национального социально-экономического развития Китая (2021–2025 гг.) естественным образом повлечет за собой дальнейший рост спроса на сельскохозяйственную продукцию, который Китай в настоящее время не способен удовлетворить самостоятельно. Ожидается, что в среднесрочной перспективе уровень самообеспеченности продолжит снижаться и будет поддерживаться в значительной степени за счёт импорта.

Постепенное улучшение благосостояния населения и ускоренная урбанизация – главные драйверы роста спроса на продукты сельского хозяйства и животноводства, в особенности на мясо, производство которого активно развивается в Китае и будет удовлетворяться преимущественно за счёт внутреннего производства. В результате внутреннее потребление, в частности спрос на корма, будет увеличиваться более высокими темпами по сравнению с производством, и разница в темпах прироста будет всё более значительной.

Если до середины 2010-х г. применение удобрений в производстве пшеницы и риса стабильно росло, то с 2017 г. произошёл перелом в количестве и структуре потребляемых удобрений. Валовый объём используемых удобрений начал сокращаться, а в структуре потребления начали

преобладать более эффективные и производительные комплексные удобрения. Данный тренд будет сохранён.

Таким образом, на текущем этапе развития рост производства зерна осуществляется за счёт повышения урожайности. Снижение доли семян в структуре внутреннего потребления и заметное увеличение урожайности при постепенном сокращении посевных площадей – всё это свидетельствует о том, что на современной стадии прогресса производство зерна реализуется исключительно на интенсивной основе. Можно предположить, что Китай планомерно внедряет наукоёмкие технологические способы производства, основанные на биотехнологиях, при переходе к более урожайным и эффективным семенам. При этом выносливость технологически выведенных семян к неблагоприятным погодным условиям может способствовать росту посевных площадей, если в Китае станет возможным засеивать ранее непригодные для выращивания территории.

Литература / References

1. Ученые КНР вывели урожайные сорта кукурузы и риса, которые прокормят 1,5 млрд человек // RuNews24. 10.12.2022. URL: <https://runews24.ru/science/10/12/2022/219d63e22cab221a0b66b08188645346> (дата обращения: 12.12.2022).
2. Chinese research team from Yunnan University breeds perennial rice with high yields over years with one planting: report // Global Times. 10.11.2022. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202211/1279176.shtml> (accessed: 22.11.2022). На англ. яз.
3. Food Balances (2010-) & Food Balances (-2013, old methodology and population) // FAOSTAT. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/FBS> (accessed: 19.10.2022). На англ. яз.
4. Food Outlook – Biannual Report on Global Food Markets // FAO. 06.2022. URL: <https://www.fao.org/3/cc2864en/cc2864en.pdf> (accessed: 22.11.2022). На англ. яз.
5. Food Outlook – Biannual Report on Global Food Markets // FAO. 11.2022. URL: <https://www.fao.org/3/cc2864en/cc2864en.pdf> (accessed: 22.11.2022). На англ. яз.
6. Gēng dì guàn gài miàn jī hé nóng yòng huà féi shī yòng liáng (耕地灌溉面积农用化肥施用量) // zhōng guó tǒng jì nián jiàn 2021 (中国统计年鉴 2021). URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/2021/html/C12-05.jpg> (accessed: 09.11.2022). На кит. яз.
7. List of detailed products exported & imported by China, Product: 31 – Fertilisers // ITC Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpnm=1%7c156%7c%7c%7c31%7c%7c%7c4%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1 (accessed: 09.11.2022). На англ. яз.
8. List of supplying markets for a product imported by China, Product: 1001 Wheat and meslin // ITC's Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Country_SelProduct-Country_TS.aspx?nvpnm=1%7c156%7c%7c%7c1001%7c%7c%7c4%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1 (accessed: 24.10.2022). На англ. яз.

9. List of supplying markets for a product imported by China, Product: 1006 Rice // ITC's Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c156%7c%7c%7c%7c1006%7c%7c%7c4%7c1%7c1%7c2%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1 (accessed: 24.10.2022). На англ. яз.
10. Nóng zuò wù bō zhǒng miàn jī (农作物播种面积) // Zhōng Guó Tǒng jì Nián Jiàn 2021 (中国统计年鉴2021). URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsjsj/2021/html/C12-08.jpg> (accessed: 09.11.2022). На кит. яз.
11. Rice from space promises robust new varieties // China Daily. 03.11.2022. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202211/03/WS6362f993a310fd2b29e7ff53.html> (accessed: 22.11.2022). На англ. яз.
12. Xí Jìn Píng zài Zhōng Guó Gòng Chǎn Dǎng dì èr shí cì quán guó dài biǎo dà huì shàng zuò bào gào (习近平在中国共产党第二十次全国代表大会上作报告) // Xīn Huá Shè (新华社). 25.10.2022. URL: http://szyy.gd.gov.cn/gkmlpt/content/4/4036/post_4036001.html#1972 (accessed: 26.10.2022). На кит. яз.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Двойченков Вадим Олегович – студент, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Dvoichenkov Vadim O. – Ph.D. student, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.12.22. Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 20.02.2023. Опубликована: 28.04.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 18.12.22. Approved after peer reviewing and accepted for publication: 20.02.2023. Published: 28.04.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 339.7
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-036-051>

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ЦЕНТРЫ

Виталий Геннадьевич Кандалинцев

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
kanvital@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7500-4589>

Аннотация. Анализируется динамика и факторы развития финансовых центров Китая, Японии и Республики Корея. Обосновывается критически важная роль финтех в перспективах соответствующих финцентров. Рассматриваются их подходы к стратегии своего развития.

Ключевые слова: финансовые центры, финтех, стратегия развития, Китай, Япония, Республика Корея

Для цитирования: Кандалинцев В. Г. Дальневосточные финансовые центры. *Восточная аналитика*. 2023;14(1):36-51. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-036-051>

Original article. Economics studies

FAR EASTERN FINANCIAL CENTERS

Vitaly Kandalintsev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
kanvital@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7500-4589>

Abstract. The dynamics and factors of development of financial centers of China, Japan and the Republic of Korea are analyzed. The critical role of fintech in the prospects of the respective financial centers is substantiated. Their approaches to the strategy of their development are considered.

Keywords: financial centers, fintech, development strategy, China, Japan, Republic of Korea

For citation: Kandalintsev V. G. Far Eastern financial centers. *Vostochnâ analitika = Eastern Analytics*. 2023;14(1):36-51. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-036-051>.

В последнее десятилетие количество дальневосточных финансовых центров (ДФЦ) увеличилось, при этом у нескольких из них повысился статус с «международного» до «глобального». Более того, в первую десятку мирового рейтинга из всего незападного мира вошли только четыре ДФЦ и культурно близкий им Сингапур. Это говорит о том, что в сфере развития финцентров Дальневосточный центр [Акимов, 2022] действительно являет определенную альтернативу коллективному Западу.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

В данном прогрессе определяющую роль сыграл технологический фактор. Именно развитие финтеха стало важнейшим конкурентным преимуществом, ведущим к укреплению позиций финцентров. Наибольший эффект опережение в технологической гонке дало в Китае, проявившись в стремительном восхождении целой группы китайских финцентров.

Глобализация финансовых центров

В современных условиях наблюдается процесс быстрой глобализации финансовых центров мира. Об этом можно судить по данным рейтинга The Global Financial Centers Index (GFCI). В выпуске № 2 за сентябрь 2007 г. только два финансовых центра, Лондон и Нью-Йорк, отмечены как глобальные. Спустя 15 лет список глобальных финцентров стал включать уже 25 городов, распределенных по четырем категориям (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Глобальные финансовые центры, 2022 г.

Категория	Финансовые центры
Глобальные лидеры (сочетание широкого спектра с глубиной предоставляемых услуг)	Нью-Йорк, Лондон, Париж, Сингапур, Гонконг, Шанхай, Лос-Анжелес, Цюрих, Сан-Франциско, Токио, Берлин, Торонто, Брюссель, Амстердам
Глобально диверсифицированные (относительно широкий спектр услуг)	Франкфурт, Сеул, Вашингтон, Чикаго
Глобально специализированные (относительная глубина услуг)	Пекин, Дубай, Шэньчжэнь, Люксембург, Абу-Даби
Формирующиеся (претенденты на глобальный статус)	Нью-Дели, Москва

Источник: [The Global Financial..., 2022]

Ключевым критерием, по которому финцентр может быть отнесен к глобальным, является «связанность» (connectivity). В рейтинге GFCI этот критерий обозначает степень, в которой центр имеет хорошие связи по всему миру. Эта степень определяется подсчетом количества оценок, данных этим центром другим центрам («исходящие оценки») и полученных от других центров («входящие оценки»). Если взвешенные оценки для центра даны более чем 63% других центров, этот центр считается «глобальным». При показателе более 45% центр считается «международным».

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Около четверти, а именно 6 из 25 глобальных финцентров – это ДФЦ (Гонконг, Шанхай, Токио, Сеул, Пекин, Шэньчжэнь). При этом незападных и неазиатских финцентров всего пять – Сингапур, Дубай, Абу-Даби, Нью-Дели, Москва – причем два последних из них пока только претендуют на глобальный уровень [The Global Financial..., 2022]. Соответственно, если мы рассматриваем дуальную структуру «Запад – Не Запад», то очевидно, что «Не Запад» сформировали в основном ДФЦ. Особенно рельефно данное обстоятельство проявляется, если учесть, что в общем рейтинге финцентров ДФЦ располагаются намного выше, чем остальные пять названных незападных финцентров (см. Таблицу 2).

Роль финтеха

Процесс глобализации финцентров означает нарастание количества их связей с другими центрами. Но этот процесс в решающей степени зависит от параметров конкурентоспособности соответствующих центров. Чем выше конкурентоспособность, тем выше место центра в рейтинге и тем более успешно формируется и укрепляется его глобальный характер.

Таблица 2

Топ-40 в The Global Financial Centers Index (GFCI 32)

Финансовый центр	Место в общем рейтинге GFCI 32 (сентябрь 2022)	Место в рейтинге финтеха в GFCI 32 (сентябрь 2022)	Показатель опережения/отставания финтеха – Пооф (Разность между местом в общем рейтинге и местом в рейтинге финтеха)*	Коэффициент техпрогресса –Ктп (Отношение места в общем рейтинге к месту в рейтинге финтеха)*
Нью-Йорк	1	1	0	1,00
Лондон	2	4	-2	0,50
Сингапур	3	13	-10	0,23
Гонконг	4	10	-6	0,40
Сан-Франциско	5	2	3	2,50
Шанхай	6	5	1	1,20
Лос-Анджелес	7	3	4	2,33
Пекин	8	6	2	1,33
Шэньчжэнь	9	7	2	1,29
Париж	10	16	-6	0,63
Сеул	11	14	-3	0,79
Чикаго	12	9	3	1,33
Сидней	13	15	-2	0,87
Бостон	14	8	6	1,75

Окончание табл. 2

Финансовый центр	Место в общем рейтинге GFCI 32 (сентябрь 2022)	Место в рейтинге финтеха в GFCI 32 (сентябрь 2022)	Показатель опережения/отставания финтеха – Пооф (Разность между местом в общем рейтинге и местом в рейтинге финтеха)*	Коэффициент техпрогресса –Ктп (Отношение места в общем рейтинге к месту в рейтинге финтеха)*
Вашингтон	15	12	3	1,25
Токио	16	25	-9	0,64
Дубай	17	29	-12	0,59
Франкфурт	18	23	-5	0,78
Амстердам	19	21	-2	0,90
Женева	20	45	-35	0,44
Люксембург	21	59	-38	0,36
Цюрих	22	40	-18	0,55
Торонто	23	18	5	1,28
Мюнхен	24	24	0	1,00
Гуанчжоу	25	11	14	2,27
Берлин	26	28	-2	0,93
Эдинбург	27	31	-4	0,87
Стокгольм	28	30	-2	0,93
Пусан	29	19	10	1,53
Копенгаген	30	36	-6	0,83
Мельбурн	31	27	4	1,15
Абу-Даби	32	46	-14	0,70
Монреаль	33	39	-6	0,85
Чэнду	34	22	12	1,55
Осло	35	33	2	1,06
Циндао	36	20	16	1,80
Осака	37	35	2	1,06
Гамбург	38	32	6	1,19
Штутгарт	39	34	5	1,15
Мадрид	40	38	2	1,05

*Подсчитано автором
Источник: [The Global Financial..., 2022]

Технологический прогресс, а именно уровень развития финтеха в центрах выступает важнейшим параметром их конкурентоспособности. На основе данных GFCI 32 можно рассчитать два простых показателя, позволяющие оценить динамику финцентра в рейтинге:

А. Показатель опережения/отставания финтеха *Пооф* определяется как разность между местом в общем рейтинге и местом в рейтинге финтеха.

Б. Коэффициент техпрогресса *Ктп* определяется как отношение места в общем рейтинге к месту в рейтинге финтеха.

Оба показателя выражают одну и ту же идею, но взаимодополняют друг друга как абсолютный и относительный показатели, что позволяет учитывать определенные нюансы в динамике финцентра в рейтинге.

Положительное значение первого показателя и значение второго показателя больше единицы сигнализируют о том, что рассматриваемый финцентр находится в восходящей траектории перемещения в рейтинге. Другими словами, такие финцентры во многих (но не во всех) случаях повышали свою позицию в предшествующие годы и с определенной вероятностью будут это делать в последующие. Справедливо и обратное: отрицательное значение *Пооф* и значение *Ктп* меньше единицы указывают на нахождение финцентра в нисходящей траектории.

В первой десятке общего рейтинга в восходящей траектории находятся два американских финцентра (Сан-Франциско и Лос-Анжелес), которые вместе с лидером рейтинга Нью-Йорком образуют сильную американскую тройку. Судя по показателям, есть вероятность того, что в будущем эти финцентры займут места с первого по третье. Соответственно, Лондон и Сингапур покинут второе и третье места, которые занимают сегодня.

Восходящую динамику показывают три китайских финцентра (Шанхай, Пекин и Шэньчжэнь). Четвертый (Гонконг) находится в нисходящей траектории. Вероятно, в будущем китайская четверка расположится в диапазоне с четвертого по девятое места, где будет конкурировать с Лондоном и Сингапуром.

Во второй десятке общего рейтинга присутствуют два ДФЦ. Из них Сеул является в ней лидером, а Токио находится в середине. Однако оба ДФЦ находятся в нисходящей траектории. Поэтому их позиции могут ухудшиться, а на верхние позиции выйдут три американских восходящих финцентра Чикаго, Бостон и Вашингтон.

В третьей десятке также два ДФЦ. Гуанчжоу располагается в середине, а Пусан в конце. Оба финцентра имеют сильные показатели нахождения в восходящей траектории, а потому их позиции, несомненно, улучшатся. Конкуренция западных центров здесь менее сильная, чем во второй десятке. Только Торонто принадлежит к числу восходящих центров, но его *Пооф* и *Ктп* ниже, чем у Гуанчжоу и Пусана.

В четвертую десятку вошли три ДФЦ. Все они в середине и находятся в восходящем тренде. Чэнду и Циндао имеют шансы улучшить свои

позиции. Осака имеет более скромные Пооф и Ктп, поэтому скорее сохранит свои позиции, нежели поднимется в общем рейтинге. Конкурировать ДФЦ придется с восходящими западными финцентрами – Мельбурном, Осло, Гамбургом, Штутгартом и Мадридом.

В топ-40 общего рейтинга вошли 11 ДФЦ, шесть из которых имеют глобальный статус, и пять – международный. ДФЦ относительно равномерно распределены по списку рейтинга, восемь ДФЦ имеют восходящую траекторию. Определяющую роль в коллективном ДФЦ играют китайские финцентры, подобно тому, как в совокупных западных финцентрах преобладают американские. Растущая роль китайских финцентров в значительной степени обусловлена опережающим развитием в этих центрах финансовых технологий.

Глобальные ДФЦ:

Гонконг

Валютно-финансовое управление Гонконга (Hong Kong Monetary Authority – НКМА) предпринимает шаги по преодолению относительного отставания финтеха от общего уровня Гонконга как финцентра. В июне 2021 г. НКМА обнародовало свою стратегию «Финтех 2025» [Annual Report..., 2021], направленную на стимулирование развития финтеха в Гонконге. Пятью основными инициативами стратегии являются:

♦ *Переход всех банков на финтех.* Цель – содействовать всестороннему внедрению финтеха банками Гонконга и поощрять их к полной оцифровке своих операций. В рамках этой инициативы НКМА объявило, что проведет Базовую оценку технологий, чтобы определить области финтех-бизнеса или конкретные типы технологий, которые могут быть недостаточно развиты, и выиграют от поддержки НКМА. В июне 2022 г. работа по оценке была завершена. В целом, результаты оценки указывают на то, что банки в Гонконге привержены более широкому внедрению финтеха и готовы выделять значительные финансовые средства и вкладывать таланты в развитие финансовых технологий. Принимая во внимание эти результаты, НКМА решило в предстоящие годы продвигать разработки в таких областях финтех-бизнеса, как Investech, Wealthtech, Insurtech и Greentech, а также в таких типах технологий, как искусственный интеллект и технологии распределенного реестра (блокчейн) [Tech Baseline..., 2022].

♦ *Ориентация на будущее развитие цифровой валюты Центробанка (Central Bank Digital Currency – CBDC).* В области оптовой CBDC НКМА и Банк Таиланда в феврале 2021 года расширили сферу своего совместного исследовательского проекта. К нему присоединились новые участники – Центральный банк Объединенных Арабских Эмиратов и Институт цифровой

валюты Народного банка Китая. Переименованный в «Мост цифровых валют нескольких центральных банков (mBridge)» и активно поддерживаемый Инновационным центром Банка международных расчетов (BIS) в Гонконге, проект дополнительно исследует возможности технологии распределенных реестров для облегчения трансграничных платежей в иностранной валюте в режиме реального времени. С целью обеспечения будущей готовности Гонконга к внедрению CBDC, НКМА также приступило к исследованию перспективы выпуска розничной CBDC, т. е. электронного гонконгского доллара (e-HKD). Эта перспектива оценивается как с технической, так и с политической точек зрения.

♦ *Создание инфраструктуры данных следующего поколения.* В июле 2021 г. НКМА провело виртуальный симпозиум, призванный побудить банки присоединиться к коммерческому обмену данными (commercial data interchange – CDI) на инфраструктуре нового поколения, целью которой является обеспечение более эффективного финансового посредничества в банковской системе. НКМА завершило два этапа исследования концепции, изучающего техническую осуществимость CDI. В ходе исследования банками-участниками было одобрено более 550 кредитов для малого и среднего бизнеса на общую сумму более 900 миллионов гонконгских долларов. Основываясь на обнадеживающих результатах, в ноябре 2021 г. НКМА объявило о пилотном запуске CDI.

♦ *Увеличение числа работников, разбирающихся в финтехе.* Чтобы расширить пул талантов в области финтеха, НКМА продолжило реализацию программы ускорителя карьеры в сфере финтеха 2.0 (Fintech Career Accelerator Scheme 2.0) в сотрудничестве со своими стратегическими партнерами для воспитания молодых талантов на различных этапах их карьерного роста. В 2021 году более 180 студентов воспользовались этой схемой. Параллельно также была опробована схема сети отраслевых проектов Masters Network, чтобы предоставить студентам магистратуры, специализирующимся в области финтеха, возможность работать над реальными финтех-проектами.

♦ *Развитие экосистемы финтеха с помощью финансирования и политики.* НКМА намерено активно поддерживать развитие большинства сегментов экосистемы финтеха. В настоящее время в Гонконге насчитывается более 600 финтех-компаний, предоставляющих услуги в области мобильных платежей, трансграничных переводов, интеллектуального финансового консультирования, управления капиталом, блокчейна и т. д. Они включают различные лаборатории, связанные с финтехом, в частности, созданные международными организациями, академическими институтами и частными организациями, такими как банки и коммерческие организации. В экосистему финтеха также входят

восемь виртуальных банков, четыре виртуальных страховщика и одна платформа для торговли виртуальными активами. Комплекс мер по развитию экосистемы предусматривает:

- 1) придание большего динамизма экосистеме: запуск песочницы финтеха, внедрение регулятивных технологий в банковском секторе, внедрение иншуртеха, субсидирование стартапов на этапе подтверждения концепции;
- 2) укрепление финансовой инфраструктуры: внедрение более быстрой платежной системы и универсальной платформы персонализированных цифровых услуг iAM Smart, применение открытых интерфейсов прикладного программирования (API) для банковского сектора и др.;
- 3) воспитание талантов в области финтеха: противоэпидемическая схема финтеха для развития талантов “FAST”;
- 4) сотрудничество с материковой частью Китая и зарубежными юрисдикциями: использование платформы eTrade Connect, основанной на блокчейне, сотрудничество в рамках Гонконг-Шэньчжэньского I&T парка [Development of Financial..., 2022].

Реализация стратегии «Финтех 2025» увеличит возможности Гонконга в области финансовых технологий и, вероятно, воспрепятствует значительному ухудшению его позиций в общем рейтинге GFCI.

Шанхай

24 августа 2021 года муниципальное правительство Шанхая опубликовало 14-й пятилетний план развития Международного финансового центра («14-й ПП») [Shanghai's Financial..., 2021]. Этот план направлен на увеличение масштабов финансовой индустрии Шанхая, дальнейшую либерализацию сектора, открытие его для иностранных инвестиций и более эффективное использование финансовых инструментов для стимулирования высокотехнологичных и инновационных отраслей.

Значительное внимание в 14-м ПП уделено мерам развития сотрудничества на рынках капитала со странами инициативы "Пояс и путь" и странами – членами Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (RCEP). Эти меры включают:

- углубление делового сотрудничества с финансовыми рынками стран и регионов, расположенных вдоль “Пояса и пути”, и содействие трансграничной взаимосвязи финансовой инфраструктуры;
- Оказание поддержки правительствам, предприятиям и финансовым институтам стран, участвующих в инициативе «Пояс и путь», в выпуске ценных бумаг и других финансовых продуктов в Шанхае;

- поощрение финансовых институтов из стран «Пояса и пути» к созданию юридических лиц или дочерних компаний в Шанхае;
- поддержка Нового банка развития (НБР) в расширении стратегического сотрудничества в области инвестиций и финансирования со странами и регионами вдоль "Пояса и пути";
- использование механизмов РСЕР для оптимизации финансовых услуг, таких как трансграничные платежи и взаиморасчеты, поддержка трансграничного использования юаня и укрепление финансовых обменов и сотрудничества с членами РСЕР.

Примерно в то же время Новый район Линганг Шанхайской зоны свободной торговли опубликовал свой собственный набор политических мер, направленных на стимулирование роста местной финансовой индустрии. Созданный в 2019 году Новый район Линганг стал испытательным полигоном для политики стимулирования и налоговых льгот, направленных на развитие стратегических высокотехнологичных и инновационных отраслей. Стремясь привлечь больше финансовых учреждений в этот район, Новый район Линганг предлагает вознаграждение в размере до 60 миллионов юаней (9,3 миллиона долларов США) для финансовых учреждений, которые в соответствии с установленными критериями начали работать в районе.

Все новые финансовые учреждения, созданные в Линганге, также имеют право на получение вознаграждений за экономический вклад, которые выдаются на ежегодной основе. Вознаграждение основано на их реализованной добавленной стоимости и вкладе в местную экономику от их общей прибыли.

Особо можно выделить поддержку инноваций в финансовой области. Местные власти предлагают ряд поощрений за инновационные достижения:

- награда «10 лучших предприятий в области финансовых инноваций» – награда в размере 10 миллионов юаней (1,6 миллиона долларов США) для 10 компаний в этой области, которые продемонстрировали образцовые достижения в области финансовых инноваций;
- награда «10 лучших предприятий финансовой индустрии» – вознаграждение в размере 500 000 юаней (77 710 долларов США) для 10 финансовых учреждений, присуждаемое в соответствии с ключевыми показателями, такими как размер активов и прибыльность;
- награда «выдающийся финансовый талант» – награда в размере 500 000 юаней (77 710 долларов США) для талантов, внесших выдающийся вклад в развитие финансовой индустрии в Новом районе Линганг [Shanghai's Financial..., 2021].

Шанхай применяет широкий спектр инструментов для укрепления своих позиций как финцентра со статусом глобального лидера. Среди этих инструментов важнейшую роль играют стимулы для ускорения развития финансовых технологий. Поэтому в обозримом будущем Шанхай, как минимум, не утратит своего места в общем рейтинге GFCI.

Пекин

Столица Поднебесной относится к глобально специализированным финцентрам, для которых характерна относительная глубина предоставляемых услуг. Качество этих услуг обеспечивается быстрым прогрессом финтеха.

Наиболее интересен опыт Пекина в использовании новых, пока не имеющих аналогов в мировой практике, инструментов развития финансовых технологий. Такова Пекинская демонстрационная зона инноваций в области финансовых технологий и профессиональных услуг (далее «демонстрационная зона финтеха» или кратко «ДЗФ»).

Концепция ДЗФ хорошо проработана, в ней четко определено какие предприятия привлекаются в зону или создаются в ней, какие аспекты их деятельности, на каких условиях и кем поддерживаются. Финансовую поддержку в виде субсидий предоставляют Правительство района Сичэн и Административный комитет научного парка Чжунгуаньцунь. Субсидии, предоставляемые предприятиям зоны, преследуют следующие цели:

1. Поддержка в обустройстве и стремлении к дальнейшему развитию.
2. Расширение независимого инновационного потенциала.
3. Создание экспериментальных площадок.
4. Поддержка талантов в области финтеха в их стремлении к лучшему карьерному росту.
5. Налаживание обменов и сотрудничества внутри страны и за рубежом.
6. Привлечение средств по различным каналам.
7. Формирование системы профессиональных услуг.
8. Повышение качества зданий и извлечение из них большей пользы.
9. Дальнейшее улучшение бизнес-среды [Next Generation..., 2021].

Сосредоточение поддержки на критически важных аспектах деятельности финтехов и агентств профессиональных услуг зоны способствует тому, чтобы на ограниченной территории размером 15 кв. км (из них 10 кв. км входит в территорию научного парка Чжунгуаньцунь) появилось многочисленное сообщество инновационных финтех-компаний, способных быстро разрабатывать и внедрять решения на стра-

тегических направлениях развития финтеха, таких как искусственный интеллект, машинное обучение, большие данные и др.

Наличие зоны финтеха показывает, что Пекин стремится создать непрерывный поток инноваций в финансовой сфере, который бы позволил расширять линейку глобально конкурентоспособных услуг и со временем превратить столицу Поднебесной в финансовый центр со статусом глобального лидера.

Шэньчжэнь

Еще один глобально специализированный финцентр Китая. Он также имеет шансы развиваться до уровня глобального лидера. В рейтинге GFCI 32 центр занял 7-е место в сфере финтеха, а также: 1-е место в банкинге, 6-е место в управлении инвестициями, 4-е место в страховании, 12-е место в профессиональных услугах, 2-е место в финансах, 4-е место в трейдинге. Другим словами, Шэньчжэнь имеет лидерские позиции в банкинге и финансах и довольно приличные позиции в других сегментах.

По состоянию на март 2022 г. в центре насчитывалось 156 финтех-компаний. По оценке компании Tracxn, в число ведущих входят:

WeBank – цифровой банк для частных лиц и предприятий. Он предлагает такие услуги, как сберегательные и текущие счета, денежные переводы, снятие наличных, потребительские и бизнес-кредиты и многое другое. Он также предоставляет инструменты для управления расходами.

Dashu Finance предоставляет необеспеченные кредиты и финансовые услуги потребителям и малым и средним предприятиям. В настоящее время компания работает в 12 городах Китая и предоставляет кредиты для малого и среднего бизнеса, студенческие ссуды, кредиты на автомобили и недвижимость.

Tuna – P2P-платформа для потребительских и бизнес-кредитов. Платформа ориентирована на удовлетворение потребностей заемщиков и инвесторов, у которых есть свободные средства. Цель – стать универсальной финансовой экосистемой и платформой услуг по управлению активами. Предоставляет финансовые услуги как потребителям, так и малым и средним предприятиям.

Juzilicai – онлайн-платформа потребительского финансирования, объединяет деньги разных инвесторов и дает им доходность с фиксированной процентной ставкой. Объединенные деньги затем предлагаются заемщикам в качестве займов. Средняя сумма каждого кредита составляет всего 3500 юаней и в основном используется для покупки потребительских товаров.

Dimeng предоставляет банкам и кредиторам решения по управлению жизненным циклом кредита. Функции решений включают в себя выдачу кредита, сбор документов, обслуживание кредита, оценку кредитоспособности и многое другое [FinTech Startups..., 2023].

Как следует из приведенного описания областей деятельности ведущих финтех-компаний Шэньчжэня, они больше ориентированы на внутренний рынок финуслуг, а внешние финансовые связи больше связаны с иностранными входящими инвестициями. У центра нет того разнообразия глобальных финансовых связей как у Пекина и, тем более, Шанхая. Поэтому Шэньчжэнь не вошел в рейтинг пятнадцати финансовых центров с наибольшим ожидаемым повышением значения, в котором Шанхай занял седьмое место, а Пекин – тринадцатое. Тем не менее, данный центр получил серьезное развитие и является реальным претендентом на вхождение в будущем в группу глобальных лидеров.

Сеул

С 2019 г. Сеул находится на восходящей траектории общего рейтинга GFCI, переместившись с 36-го места на 11-е [Seoul as a financial..., 2022]. Мэр Сеула О Се Хун пообещал превратить город в один из пяти крупнейших финансовых центров мира к 2030 году. Это означает, что Сеул рассчитывает встать вровень с Гонконгом и Сингапуром. Для достижения данной цели поставлена задача утроить прямые иностранные инвестиции в город до 30 миллиардов долларов и привлечь не менее 100 иностранных финансовых институтов [Seoul bids..., 2021].

В рамках стремления стать «Финансовым городом Азии» правительство города объявило о планах потратить 241,8 млрд вон (204,4 млн долларов) в течение следующих пяти лет на такие стимулы, как субсидии на трудоустройство и поддержка аренды жилья для привлечения фирм из-за рубежа.

Финансовые рынки Республики Корея, включая рынки капитала и рынки краткосрочного финансирования, выросли с 777,6 трлн вон в 2000 году до 5662,3 трлн вон к июню 2021 года. Страна привлекательна для иностранных инвестиционных банков, специализирующимся на таких секторах, как полупроводники, аккумуляторы для электромобилей, развлечения и электронная коммерция. Поэтому сеульские власти оптимистичны в отношении перспектив города как финансового центра. В апреле 2022 г. Хван Бо Юн, заместитель мэра Сеула по экономической политике, заявил:

«Сеул на несколько шагов отстает от Сингапура и Токио по времени, но наша столица может предоставить финансовым институтам и инвесторам наилучшие условия для развития новейших технологий. У него

есть полный потенциал стать следующим финансовым центром Азии» [Can Seoul..., 2022].

Но не все так просто. Гонконг и Сингапур обладают уникальными преимуществами как финансовые центры. Большинству стран трудно конкурировать с их низкими налогами, будь то корпоративные или на индивидуальных работников. Низкие налоговые ставки являются результатом преднамеренных политических решений по стимулированию финансового сектора, и не каждое правительство готово пойти на такой компромисс.

В настоящее время Сеул может предложить лишь очень ограниченные налоговые льготы в соответствии с корейским законодательством. Льготы ограничиваются предоставлением офисных помещений со скидкой международным фирмам, желающим въехать в Республику Корея. В течение пятилетнего периода субсидируется 70% платы за аренду и обслуживание соответствующих требованиям предприятий в Международном финансовом центре, расположенном в Йеуидо, финансовом центре страны.

Но проблема в том, что это субсидирование не распространяется на фирмы, основанные в других местах. Чтобы Сеул стал более конкурентоспособным, Республике Корея потребуется пересмотреть Закон об ограничении специального налогообложения, который не позволяет Сеулу предлагать налоговые льготы предприятиям. Данное ограничение было введено во избежание властного дисбаланса между столицей и другими частями страны.

Кроме того, запреты на короткие продажи и жесткие регуляторные действия в отношении маркет-мейкеров, а также запрет на оффшорную торговлю корейской воной препятствуют усилиям страны по признанию ее развитым рынком со стороны поставщика индексов MSCI.

В целом, чтобы стать серьезным претендентом на статус одного из пяти лидирующих финцентров, Сеулу, вероятно, придется проводить непопулярную политику регулирования. А также найти способ сделать налоги более конкурентоспособными по сравнению с Гонконгом и Сингапуром. В противном случае шансов на достижение этой амбициозной цели будет немного [Can Seoul..., 2022].

Токио

В ноябре 2021 г. столичное правительство Токио (Tokyo Metropolitan Government – TMG) обнародовало версию 2.0 своего видения города в качестве глобального финансового центра. В документе высказывалось опасение, что положение Токио как глобального финцентра окажется под угрозой, если город не сможет быстро отреагировать на радикаль-

ные изменения в глобальной финансовой среде. В качестве мер такого быстрого реагирования TMG назвало продвижение «зеленых» финансов, цифровизацию финансов и объединение различных игроков, связанных с финансами. Также были объявлены ключевые показатели эффективности (key performance indicators – KPIs) и их целевые значения на 2025 г. и 2030 г. (см. Таблицу 3).

Таблица 3

Ключевые показатели эффективности «Видения 2.0»

Область	KPIs	2020 г. (база сравнения)	2025 г.	2030 г.
Создание надежного финансового рынка, который помогает решать социальные проблемы	Отношение инвестиций через японских институциональных инвесторов к общему объему инвестиций в мире	8,1%	10%	15%
	Объем выпуска зеленых облигаций, публично предлагаемых в Японии	0,8 трлн иен	1,6 трлн иен	3 трлн иен
	Результаты опроса об интересе жителей Токио к зеленым финансам	Заинтересованность в инвестициях ESG (% респондентов, ответивших "да")		
11,5 (Частный опрос, в целом по стране)		30%	50%	
Цифровизация финансов	Количество финтех-компаний в Токио	94 компании	200 компаний	400 компаний
	Соотношение безналичных платежей в Токио	21,6% (2014 г.)	50%	80%
Рост количества игроков	Количество управляющих активами в Токио	374 компании	600 компаний	900 компаний
	Количество финтех-компаний в Токио (репост)	94 компании	200 компаний	400 компаний
Волновые эффекты финансового оживления для отраслей промышленности в Токио	Эффект повышения ВВП в Токио (совокупная сумма по сравнению с 2019 финансовым годом)	108 трлн иен (2019 г.)	Увеличение на 5 трлн иен	Увеличение на 10 трлн иен

Источник: [Global Financial City..., 2021].

Как видно из данных Таблицы 3, Токио намерен добиться резкого улучшения показателей, по которым Япония отстает от других стран.

Так, прогресс страны в области финтеха довольно скромнен. В 2019 г. годовой объем инвестиций в финтех-компания со стороны венчурного капитала составил 419 млн долл. Это заметно меньше, чем в Син-

гапуре (771 млн долл.) и Китае (1934 млн долл.). В области платежных систем показателем развития финансовых технологий является доля безналичных расчетов. Она составила в Японии в 2018 г. 24,2%. Это существенно меньше, чем в Сингапуре (57,6%), Китае (77,3%) и Южной Корее (94,7%). Предусматриваемое «Видением 2.0» четырехкратное увеличение к 2030 г. как количества финтех-компаний, так и доли безналичных платежей показывает, что TMG учитывает критически важную роль финтеха в укреплении глобальных позиций Токио как финцентра.

Не менее драматично отставание Токио и по количеству компаний, предоставляющих услуги по управлению активами. В 2020 г. таких компаний в столице Японии было 374. Это намного меньше, чем в Сингапуре (895), Гонконге (1808) и Шанхае (4721). Поэтому в планах Токио заложено увеличение к 2030 г. количества управляющих активами компаний до 900 [Global Financial City..., 2021].

Вероятно, что принимаемые в рамках «Видения 2.0» меры позволят стабилизировать позиции Токио как глобального финцентра. Однако их, скорее всего, будет недостаточно для выхода на восходящую траекторию в общем рейтинге GFCI.

Литература / References

1. Акимов А. В. О Дальневосточном центре мировой экономики // *Международная жизнь*. № 6. 2022. С.84–95 [Akimov A. V. About the Far Eastern Center of the World Economy // *Mezhdunarodnaya Zhizn*. No.6. 2022. Pp.84–95 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Annual Report 2021 // Hong Kong Monetary Authority. URL: <https://www.hkma.gov.hk/eng/data-publications-and-research/publications/annual-report/2021/> (дата обращения: 09.02.2023).
2. Can Seoul become an international financial center? // *Kapronasia*/ 16.05.2022. URL: <https://www.kapronasia.com/asia-banking-research-category/can-seoul-become-an-international-financial-center.htm> (дата обращения: 09.02.2023).
3. Development of Financial Technologies in Hong Kong // Financial Services and Treasure Bureau. URL: <https://www.legco.gov.hk/yr20-21/english/panels/fa/papers/fa20210607cb1-963-4-e.pdf> (дата обращения: 09.02.2023).
4. FinTech Startups in Shenzhen // *Tracxn*. 17.01.2023. URL: <https://tracxn.com/explore/FinTech-Startups-in-Shenzhen> (дата обращения: 09.02.2023).
5. Global Financial City: Tokyo Vision 2.0 // Tokyo Metropolitan Government. URL: https://www.seisakukikaku.metro.tokyo.lg.jp/pgs/2021/10/images/kousou2_en.pdf (дата обращения: 09.02.2023).
6. Next Generation of Beijing's Fintech Development. Beijing // *Colliers*. 18.06.2021. URL: <https://www.colliers.com/en-cn/research/20210617---colliers-beijing-flash-beijing-fintech-demonstration-zone-en> (дата обращения: 09.02.2023).

7. Seoul as a financial center // Seoul Financial Hub. URL: http://www.seoulfnhub.kr/e_sub01/sub01.php (дата обращения: 09.02.2023).
8. Seoul bids for Hong Kong's crown as Asia's financial hub // Aljazeera. 26.11.2021. URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2021/11/26/seoul-bids-for-hong-kongs-crown-as-asias-financial-hub> (дата обращения: 09.02.2023).
9. Shanghai's Financial Industry – Policy Measures for Developing a Global Financial Center // China Briefing. 17.09.2021. URL: <https://www.china-briefing.com/news/shanghai-financial-industry-new-policy-measures> (дата обращения: 09.02.2023).
10. Tech Baseline Assessment. Key Observations and Way Forward // Hong Kong Monetary Authority. URL: <https://www.hkma.gov.hk/media/chi/doc/key-information/guidelines-and-circular/2022/20220623c1a1.pdf> (дата обращения: 09.02.2023).
11. The Global Financial Centers Index 32 // Z/Yen. URL: https://www.longfinance.net/media/documents/GFCI_32_Report_2022.09.22_v1.0_.pdf (дата обращения: 09.02.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кандалинцев Виталий Геннадьевич – **Kandalintsev Vitaly G.** – Ph. D. (Econ.),
канд. экон. наук, старший научный сотрудник, Отдел экономических исследований, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
Senior Research Fellow, Department of Economic Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.10.2022. Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 20.02.2023. Опубликована: 28.04.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 10.10.2022. Approved after peer reviewing and accepted for publication: 20.02.2023. Published: 28.04.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 338
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-052-068>

АФГАНСКАЯ ЭКОНОМИКА: ПОЛТОРА ГОДА ПРАВЛЕНИЯ ТАЛИБОВ

Убайд Вафобекович Окимбеков

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
ubayd@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3452-3630>

Аннотация. Статья посвящена изучению состояния экономики Афганистана в период после захвата власти талибами в августе 2021 г. В общих чертах отмечаются факторы ухудшения ситуации в афганской экономике, различные проблемы, возникшие за последние полтора года, участие ООН, других организаций и стран в оказании продовольственной, гуманитарной и экономической помощи афганскому народу, а также небольшие положительные сдвиги во внешней торговле, промышленном производстве и других сферах экономики.

Ключевые слова: Афганистан, ООН, гуманитарная помощь, экономика, внешняя торговля, экспорт, промышленные парки

Для цитирования: Окимбеков У. В. Афганская экономика: полтора года правления талибов. *Восточная аналитика*. 2023;14(1):52-68. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-052-068>

Original article. Economics studies

THE AFGHAN ECONOMY: A YEAR AND A HALF OF THE TALIBAN RULE

Ubaid Okimbekov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
ubayd@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3452-3630>

Abstract. The article is devoted to the study of the state of the economy of Afghanistan in the period after the seizure of power by the Taliban in August 2021. Generally, it presents factors that worsened the situation in the Afghan economy, various problems which have arisen over the past year and a half, the participation of the UN, other organizations and countries in the provision of food, humanitarian and economic assistance to the Afghan people, as well as small positive shifts in foreign trade, industrial production and other areas of the economy.

Keywords: Afghanistan, United Nations, humanitarian aid, economy, foreign trade, export, industrial park

For citation: Okimbekov U. V. The Afghan Economy: A Year and a Half of the Taliban Rule. *Vostochnâi analitika = Eastern Analytics*. 2023;14(1):52-68. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-052-068>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Okimbekov U. V., 2023
© Eastern Analytics, 2023

С повторным захватом власти талибами в середине августа 2021 г. в Афганистане начался новый этап политической и экономической неопределенности. Страна с одной стороны лишилась внешней финансово-экономической помощи, на которую опиралась последние 20 лет, что привело к приостановке работы над всеми программами развития, а другой – столкнулась со спадом внутренней активности, потерей части собственных источников дохода государственного бюджета. В целом внешняя помощь, поступившая в страну за последние два десятилетия, коренным образом не изменила общую картину, сложившуюся к началу столетия, но тем не менее сохраняла некую временную стабильность, а последние два года существования республиканской власти материальные условия жизни ухудшились под влиянием внешних и внутренних, объективных и субъективных кризисных явлений: последствиями эпидемии Ковида, масштабных засух, военно-политической нестабильности, к которым в 2022 г. добавились паводки и землетрясения. В сумме они привели к значительному спаду объемов производства сельскохозяйственной продукции (в аграрном секторе живет и работает около 80% афганского населения), закрытию немногочисленных производственных единиц, росту уровня безработицы, сокращению объемов экспортно-импортных операций, серьезному кризису в финансовой сфере. Полное прекращение внешнего финансирования бюджета развития, политическая изоляция временного правительства талибов, другие экономические ограничения, введенные в отношении нынешних афганских властей, не дают возможность стране в полной мере заниматься развитием хозяйственной жизни, ухудшают гуманитарную ситуацию. США закрыли афганскому Центробанку доступ к афганским золотовалютным резервам на сумму около 9 млрд долл. США (далее – долл.), а в январе 2022 г. Вашингтон принял решение передать большую часть этих средств семьям жертв терактов 11 сентября 2001 г., что вызвало возмущение не только талибов, но и многих других представителей афганской общественности. В итоге 3,5 млрд из замороженных средств американцы передали созданному Швейцарскому трастовому фонду, который позже получил название «Фонд афганского народа» [США переведут..., 2022; Талибы раскритиковали..., 2022].

В первые месяцы после прихода талибов к власти кризисная ситуация возникла из-за неопределенности и страха перед лицом политической силы, которая в 90-х гг. зарекомендовала себя не с самой лучшей стороны. Это привело к уходу из страны не только капитала, представителей бизнеса, политической элиты, специалистов, но и всех, кто

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

имел такую возможность. На сегодня решение многих экономических вопросов зависит от внешнего мира, находящего в ожидании уступок и изменений от талибов по некоторым конкретным вопросам, а именно обеспечения прав женщин, прежде всего доступа для учениц старших классов к образованию. Страны Запада под этим предлогом используют экономические рычаги для оказания политического давления на «Талибан».

Таким образом, за последнее время и без того непростое экономическое положение Афганистана еще больше ухудшилось. По данным Международного Комитета Красного Креста после распада Исламской республики в Афганистане работу потеряли 700 тыс. человек, 90% населения ныне получает меньше 2 долл. в день в виде дохода, свыше половины афганского населения все еще нуждается в экстренной гуманитарной продовольственной и экономической помощи. С учетом этих обстоятельств, осенью прошлого года ООН обратилась к мировому сообществу с просьбой оказывать содействие в продолжении гуманитарной миссии в афганском направлении, что было сделано, но в обход государственных структур, возглавляемых талибами. Иными словами, внешние доноры не желают иметь дело с представителями движения «Талибан», следовательно, вся помощь должна идти через НПО и другие организации, не имеющие отношения к нынешним властям. Следовательно, несмотря на непризнание власти талибов мировым сообществом, большая часть афганского населения, как и раньше, продолжает получать внешнюю гуманитарную и экономическую помощь. Ровно год спустя после прихода к власти талибов, в августе 2022 года, ООН, через программы которой начала поступать подавляющая часть помощи афганцам, подвела некоторые итоги собственной гуманитарной деятельности. За истекшее время только по линии этой, а также других ее партнерских организаций продовольственную помощь получали 21 млн человек [Humanitarian Funding..., 2022]. Если рассматривать по направлениям, то 45,7% помощи (1277 млн долл.) шли на питание и продовольственную безопасность, 15,7% (439 млн) – решения вопросов, связанных со здоровьем, 6,8% (191 млн долл.) – на образовательные цели [Afghanistan 2022, 2022].

Относительно крупным донором по-прежнему выступают США, которые с августа 2021 по сентябрь 2022 г. в рамках помощи нуждающимся и афганским беженцам предоставили 1,1 млрд долл. [Afghanistan – Complex..., 2022]. Имеются и те страны, которые формально не признают легитимность власти талибов, но фактически сотрудничают во многих сферах, оказывают прямое гуманитарное и экономическое содействие. Среди них можно перечислить такие государства, как Индонезия, Иран,

Малайзия, Пакистан, Китай, Катар, ОАЭ, Саудовскую Аравию, Туркменистан, Турция, Узбекистан. Наша страна входит в этот список и напрямую предоставляет Афганистану гуманитарную помощь.

Таблица 1

Помощь ООН по программам

	млн долл.	%
ВПП ООН	1091,8	39,3
ЮНИСЕФ	617,1	22,2
Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев	147,1	5,3
ФАО	128,1	4,6
МОМ	114,8	4,1
ВОЗ	105,2	3,8
Программа развития ООН	64,1	2,3
Фонд ООН в области народонаселения	16,9	0,6
Управление ООН по координации гуманитарных вопросов	11,8	0,4
Служба ООН по вопросам разминирования	10,4	0,4

Источник: [Afghanistan 2022, 2022].

С серьезным кризисом за рассматриваемое время столкнулся афганский финансовый сектор, результатом чего, с одной стороны, стало многократное сокращение объемов банковских услуг, прекращение работы банковских платежных инструментов, а с другой, – резкий рост спроса на наличные деньги, в частности, на иностранную валюту. С августа по декабрь 2021 г. наблюдался резкий спад курса национальной валюты афгани по отношению к доллару (с 70 афгани до 130 за 1 американский долл.), но затем произошло восстановление потерянных позиций благодаря вливанию наличной долларовой валюты со стороны ООН, других организаций и стран-доноров [Afzaesh-e arzesh-e..., 2022]. До начала августа 2022 г. в совокупности по линии ООН в Кабул отправлялись 34 партий наличных денег общей суммой в 1,033 млрд долл. для стабилизации валютно-финансовой системы Афганистана. Эти меры продолжают по сей день и к настоящему моменту Кабул получил 50-ю партию наличных в размере 40 млн долл., что в сумме приближается к 2 млрд долл. [Penjahomin basta-e..., 1401]. Относительно механизмов использования этих средств можно судить по одному из отчетов ООН, где сказано, что сумма, поступавшая в период между декабрем 2021 и маем 2022 гг. «была распределена непосредственно между 19 различными учреждениями, фондами или программами Организации Объединенных Наций, Всемирным банком и 15 международными неправительственными орга-

низациями в Афганистане. Выдача наличных помогла стабилизировать курс афгани, дав некоторый импульс экономической активности» [One Year in..., 2022, p. 17].

Продолжая изучение вопроса денег, отметим, что талибам удается решать вопросы находящихся в обращении банкнот. В ноябре афганский Центральный банк «Да Афганистан банк» сообщил о выпуске новых банкнот, напечатанные польской фирмой на сумму 10 млрд афгани. Эти меры, по словам властей, направлены на выведение из оборота старых купюр, а не финансирование бюджета [Афганистан получил..., 2022]. Центробанк, в свою очередь, в рамках имеющихся возможностей старается регулировать операции на валютном рынке, содействовать стабилизации курса афгани, для чего время от времени проводит валютные интервенции. Например, в конце ноября 2022 года в течение трех дней афганский регулятор выставил на торги 33 млн долл. [Da Afghanistan bank..., 1401].

Программы оказания гуманитарной и экономической помощи планируют продолжить и в 2023 году. Афганские общественные активисты, особенно из числа находившихся за рубежом и оппозиционно настроенных к нынешним афганским властям, надеются на военно-политическую поддержку со стороны Запада для возвращения к управлению страной. Они не совсем довольны методами оказания помощи, особенно женской половине населения, поскольку она направлена не на долгосрочное развитие, а выживания в сложившихся условиях. Об этом свидетельствует, например, реакция бывшей главы «Афганфильм» Захры Карими на заявление временной поверенной в делах США в Афганистане, о том что «Вашингтон всегда был привержен защите свобод простых афганок»¹.

Несмотря на общую сложную социально-экономическую обстановку Афганистана, в последние месяцы наблюдаются и некоторые положительные тенденции. Хотя доноры фактически не дают талибам доступ к выделенным средствам, все же власть косвенно ощущает эффект от поступающей помощи, поскольку она снимает значительную часть нагрузки и обязательств с государственного бюджета, позволяет направить небольшие внутренние ресурсы на другие цели, в частности, расширение и укрепления собственной власти по всей стране, а также реализацию инфраструктурных проектов, включающих ремонтно-

¹ Карими, в частности сказала: «Вы говорите «мы не забыли афганских женщин». Но уже больше года девочки не ходят в школу, а женщины не работают. Сейчас ЮНИСЕФ позорно организовал курсы выпечки в Афганистане, но мы не домашние животные, не прислуга. Нет необходимости, чтобы кто-то из Америки или Англии приехал и учил нас печь». (Телеграмм-канал Sputnik Таджикистан. 30.11.2022).

строительные работы на автодорожных участках, восстановление и строительство ирригационных сооружений.

Талибы утвердили государственный бюджет, разбив его на две части: первый на три месяца (22 декабря 2021 г. – 21 марта 2022 г.), второй – на финансовый год (март 2022 – март 2023). Первый бюджет был опубликован полностью, общий его объем составил 53,9 млрд афгани (509,4 млн долл.), из которых 49,2 млрд – основной бюджет и 4,7 млрд – бюджет развития, с дефицитом в 2,4 млрд афгани. На силовые структуры выделили около 24% (12,7 млрд афгани) средств бюджета [Woodjaese maħa-e..., 1401], что намного меньше, чем доля оборонного ведомства в расходах предшествующего правительства. Утвердив годовой бюджет в начале марта, талибы назвали его первым чисто афганским, поскольку он отражал средства, поступившие исключительно из внутренних источников. Принятый на текущий финансовый год бюджет составляет 231 млрд афгани (2,6 млрд долл) с дефицитом в 44 млрд афгани (500 млн долл) На проекты развития предусмотрено 27,9 млрд афгани (313,5 млн долл.) [Taleban 231 milyord..., 1401]. Что касается доходов по источникам, то на конец августа 2022 года, то есть за год нахождения у власти, по данным министерства финансов, совокупные поступления составляли 135 млрд афгани (1485 млн долл.), из которых 70 млрд (770 млн) приходится на таможенные пошлины, а 65 млрд афгани (715 млн долл.) – на прочие налоговые и неналоговые поступления [Vizarat-e maleya-e Taliban..., 1401].

Талибы, взявшись за жизненно важные для Афганистана проекты по отдельным направлениям, в отличие от предыдущей власти, делают, как представляется, правильные шаги. Они самым серьезным образом занимаются завершением и началом строительства крупных инфраструктурных объектов, способных направить страну на путь самообеспечения, создания рабочих мест. Из числа последних в качестве примера стоит выделить ирригационный проект Кош-теппа в северной провинции Балх, на основе вод реки Амударьи. Протяженность объекта (канала) 280 км с расходом воды в 650 куб.м/сек, из которых к середине лета были проложены 42 км. Объект способен обеспечить поливной водой 550 тыс. га земли. Его планируют завершить в два этапа в течение 5 лет. Общая сметная стоимость в 690 млн долл., из которых в этом году в бюджете предусмотрено 77 млн долл. На строительные работы привлечены 120 фирм и 2300 рабочих [Kar-e sakht-e..., 1401].

Успехи наблюдаются в сфере внешней и транзитной торговли, горнодобывающей и пищевой промышленности. В частности, стремительно растет объем транзита узбекских товаров в пакистанские морские порты. В целом по сведениям талибов общие объемы транзита

с марта по октябрь достигли 913 тыс. т., тогда как в 2020 г. это цифра составила всего 78 тыс., а 2021 г. – 229 тыс. т [Vizarat-e maleya..., 1401]. Управление железных дорог Афганистана публикует статистику, согласно которой объемы железнодорожных перевозок в стране с начала года продолжают расти [All news..., 2022]. Основная их масса приходится на долю Узбекистана: в начале ноября за одну неделю из общего объема в 112,8 тыс. т через узбекский Хайратон поступило 84,6 тыс. т товаров [Idara-ye khatt-e ahan..., 1401].

В системе афганского экспорта по-прежнему видное место занимает продукция сельского хозяйства. С апреля по октябрь месяц на ее долю в абсолютном выражении приходилось 375 млн долл. (асафетида – 73, хлопок – 55, виноград – 41, гранат – 40, томаты – 38, изюм и сушеный инжир – по 37, джалгоза и курага – по 27 млн долл.), или 35% от общего объема вывоза [Shorakka-e tojjari-e..., 2022]. В этом году впервые произведенный и переработанный в Кандагаре и Гильменде афганский хлопок (объемом в 2 тыс. т) был экспортирован в Иран и Турцию [Bara-e avvalin bar..., 1401]. Если раньше часть афганской продукции в другие страны поставлялась исключительно через пакистанские фирмы, то сегодня Афганистан напрямую работает со многими странами-импортерами. Например, джалгоза, или кедровый орех, сегодня поставляется в Китай, Германию и другие страны.

Наряду с этим важной статей афганского экспорта становится каменный уголь, приносивший за три месяца бюджету 33,5 млн долл. Общий объем экспорта каменного угля с начала прихода талибов к власти достигает 2 млн тонн, основная его масса идет в Пакистан. Последний готов ежемесячно импортировать из Афганистана до 0,5 млн угля [Afzaesh-e mizan-e..., 1401]. Рост объемов пакистанского импорта связан с начавшимися ограничениями на мировом рынке. Изначально ежедневно в Пакистан вывозилось 2 тыс. т., в августе он вырос до 5 тыс., в ноябре сократился до 1 тыс. т, что произошло из-за роста импорта Пакистаном из других стран. Талибы на этом фоне подняли цены с 90 до 200 долл., а затем еще на 90 долл. за тонну [Taleban qimat-e har..., 1401; Goruh-e Taleban..., 1401]. Эта статья афганского экспорта изменила торговый баланс между двумя странами. Статистика Всемирного банка показывает, что с июня 2021 по июнь 2022 гг. впервые сальдо афганского торгового баланса с Пакистаном стало положительным – на 79 млн долл. Афганский экспорт в Пакистан составил 796,4 млн долл., а импорта из Афганистан – 717 млн долл. [Special Inspector..., 2022, p. 117].

Совокупный объем афганского экспорта к октябрю 2022 года превысил 1 млрд долл. и при нынешних темпах он может к концу финансового года достигнуть 2,5 млрд долл. [Afghanistan dar haft..., 1401]. Для сравне-

ния отметим, что за 2019 г. этот показатель составлял 863 млн а в 2020 г. около 700 млн [Afghanistan Statistical..., 2021, p. 246].

Вопросы экспорта каменного угля обсуждаются и с иранской стороной [Azizi: Saderat-e..., 1401]. Резкий рост экспорта привел к росту цен на внутриафганском рынке. Власти решили вмешаться и предлагают посредством компаний поставлять столичному региону уголь по цене в 104 долл. за тонну, что на 82 долл. ниже рыночной [Taleban qimmat-e уак..., 1401].

Как известно, торгово-экономические отношения Исламской Республики Афганистан (ИРА) с нашей страной на протяжении последних 20 лет находились на минимальном уровне. Нынешние афганские власти в лице временного правительства талибов демонстрируют заинтересованность в их развитии, рассчитывают на увеличение объемов взаимного товарооборота, привлечения российских инвестиций в афганскую экономику. В конце августа Москву посетил и. о. министра промышленности и торговли Афганистана Н. Азизи, который по итогам ряда встреч сообщил, что Москва обязалась поставлять Афганистану 1 млн т бензина, 1 млн т дизельного топлива, 500 тыс. т СПГ, 2 млн т пшеницы, по ценам (согласно заявлениям афганской стороны), ниже общемировых. Достигнутые соглашения между двумя странами носят чисто коммерческий характер [Кабулов подтвердил...; О теракте, талибах..., 2022].

Таблица 2

Динамика цен на товары первой необходимости на рынке Кабула, афгани

Наименование товара	Ед. измерения	15.08.21	14.06.22	24.06.22	24.11.22
СПГ	1 кг	70	66	66	66
Бензин	1 л	65	85	85	74
ДТ	1 л	55	101	101	91
Мука пшеничная	50 кг	2000	2620	2550	2310
Масло	16 л	2100	2960	2850	1800
Рис, зернистый	25 кг		2900	2800	2800
Рис, мелкозернистый	7 кг		320	320	320
Сахар	7 кг	340	480	480	430
Фасоль, местный крупнозернистый	7 кг		750	750	750
Маш, местный	7 кг		470	470	450
Горох, местный	7 кг		900	830	700

Источники: [Shahrwanda-e Kabul..., 2021; Hazinaye barkhi..., 2021; Baha-e mawade avvaliya..., 1401; Baha-e mawade avvaliya..., 2022; Afzaesh-e bisabeqa-e..., 2022].

Правительство талибов привлекает местный капитал к финансированию небольших проектов, в первую очередь в области разработки мелких и средних по размерам месторождений полезных ископаемых. В большей части они связаны с разработкой гипса, мрамора, нефрита, талька, известняка, свинца, хромита и др. С начала 2022 года свыше сотни подобных месторождений выставлялись на тендер, в которых афганский бизнес все активнее принимает участие. Например, согласно информации министерства горнодобывающей промышленности, в тендере на разработку месторождений железа в Герате и свинца в провинции Горе приняли участие 250 афганских и зарубежных компаний [230 sherkat..., 1401]. Главным условием отдельных тендеров является организация первичной обработки сырья на территории Афганистана [Vizarat-e ma'dan..., 1401].

Размеры вложений в новые производства составляют от нескольких сотен тыс. до нескольких миллионов долларов. В провинции Балх функционируют свыше 500 мелких и средних по размерам производственных предприятий [Saheban-e karkhaneha..., 2022], в Гильменде с приходом талибов открылись 35 предприятий [Fabrika-e proses-e ronbah..., 1401], а Гератском промышленном парке из 400 производственных единиц работают 280 [Iftetah-e 4 fabrika-e..., 1401]. Основными отраслями производства, куда средства вкладывает местный бизнес, кроме добычи полезных ископаемых, являются производство продовольственных продуктов, кормовых, товаров бытовой химии и т. д. Активность наблюдается почти во всех промышленных парках в таких провинциях как Герат, Балх, Джелалабад, Кандагар и Гильменд. В индустриальном парке Герата, например, были запущены заводы по производству кислорода и переработке хлопка (начальные инвестиции 2,5 и 1,5 млн долл. соответственно), производство аккумуляторов, полиэтилена, корма для кур, производства картона с общим объемом инвестиций в 50 млн долл. [Iftetah-e 4 fabrika-e..., 1401; Fa'aliyat-e 2 karkhane..., 2022]. Совокупный объем вложений в промышленных парках Афганистана за прошедшие месяцы составляет 127 млн долл. [Afghanistan dar 1 sal..., 1401]. Афганских бизнесменов прежде всего привлекает гарантия безопасности бизнеса и защита от масштабной коррупции. Афганские производители уже начинают выходить со своим товаром на рынки соседних стран. Печенье, например, из Мазари-Шарифа экспортируют в Казахстан. На этом производстве в двух сменах заняты 600 человека, а производственная мощность предприятия – 10 т продукции в сутки [Saderat-e biskweet-e..., 1401]. Предприятие по обработке хлопка открылось в провинции Балх, с общим объемом инвестиций в 600 тыс. долл. и способностью обрабатывать несколько тонн хлопка-сырца в день [Goshaish-e yak karkhane-e..., 1401].

Среди крупных, в частности, трансафганских проектов, в реализации которых заинтересованы многие страны региона, необходимо выделить газопровод ТАПИ, проект трансафганских железных дорог, медного месторождения Айнак, проект CASA – 1000. Руководство крупных компаний из разных стран, в первую очередь Китая, часто посещают Кабул, обсуждают вопросы инвестирования в различные проекты горнодобывающей промышленности, но к конкретным действиям все еще не приступили [Taleban wa..., 2022]. Здесь основным сдерживающим фактором является безопасность. На реализацию крупных проектов талибы возлагают большие надежды, поскольку только медное месторождение Айнак способно трудоустроить до 20 тыс. человек, существенно увеличивать доходы бюджета [Vizarat-e kar..., 1401].

Острой проблемой, с которой столкнулись талибы, стало бегство из страны специалистов, высококвалифицированных местных кадров. Правительство ощущает дефицит кадров во всех сферах, поэтому начиная с конца 2021 г. активно проводит работу по возвращению специалистов и бизнесменов. В итоге в страну начали возвращаться не только многие технические специалисты, но и отдельные политики, занимавшие посты на уровне провинциальных городов и районов, а с февраля 2022 года список пополняют политики национального масштаба. Всего за истекшее время в страну вернулись несколько сотен человек из числа работавших при республике специалистов и политиков.

В целом производители продукции сталкиваются с множеством проблем, прежде всего конкуренцией со стороны импортных товаров, высокими пошлинами, дефицитом сырья, перебоями, а местами нехваткой электроэнергии, но власти талибов обещают принимать меры для защиты внутреннего производителя. В Нангархаре, например, за последнее время перестали работать 45 предприятий по переработке талька. Основная причина – высокие таможенные пошлины, поскольку продукция шла на экспорт в Пакистан [Bish az 40..., 2022]. Сельское хозяйство по многим направлениям показывает рост в объемах, но сталкивается с проблемами хранения и сбыта продукции. Власти обращаются к соседним странам с просьбой снизить пошлину на ввоз афганских товаров. В этом плане есть определенные успехи. Китай освободил от пошлин 98% афганских товаров, а Пакистан – 12 товарных позиций [Azizi: 98 dar..., 1401]. Помимо этого, представители афганского бизнеса сталкиваются с визовыми ограничениями. Иностранные инвестиции в страну так и не поступают, все проекты находятся на стадии обсуждения.

Несмотря на все указанные успехи и достижения общая гуманитарная и экономическая обстановка остается крайне сложной. Страна не может преодолевать материальные проблемы без внешней помощи.

Тем не менее, талибам удалось в значительной степени справиться с решением главной проблемы, которая на протяжении 20 лет сдерживала развитие и роста афганской экономики. Речь идет о масштабной и повсеместной коррупции, поглотившей не только внутренние ресурсы, но и подавляющую часть поступившей за указанное время внешней помощи. Рост объемов внешней торговли сам по себе свидетельствует об этом, поскольку при значительно меньших ресурсах казна получает больше доходов, чем получала ранее. Это происходит в силу прозрачности работы таможенных и налоговых структур. Можно заключить, что афганская экономика с учетом поступившей за последние месяцы внешней помощи фактически получает те же ресурсы, что и имела перед падением ИРА. Более того, наличные деньги и материальную помощь напрямую получает нуждающееся население, что было практически невозможным в последние два десятилетия. Окончательное решение вопроса безопасности является основным условием притока внешних инвестиций, гарантией начала реализации крупных проектов регионального значения, в том числе трансафганских. Главной проблемой, при этом, созданной руками самих талибов, является гендерная политика, ограничивающая права женского населения. Она всегда занимала важное место в социально-экономической жизни Афганистана. Учитывая тот факт, что женская половина населения составляет около 49% от всего афганского, а их активность за последние годы была для страны исключительно высокой, такая политика в ближайшей перспективе может привести к негативным последствиям. По оценкам ООН, ограничение прав на образование, работу и передвижения женского населения может ежегодно обходиться бюджету талибов в 1 млрд долл. В рамках собственных проектов ООН занимается созданием рабочих мест для этой части населения [Mahdoodeyat bar..., 1401].

Литература / References

1. Afghanistan Statistical Yearbook 2020. Kabul, 2021.
2. Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction. Quarterly report to the Congress. 30 October, 2022. Virginia, 2022.
3. One Year in Review. Afghanistan since August 2021. Published by United Nations Development Programme (Afghanistan), October, 2022. URL: <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2022-11/One%20Year%20in%20Review%20Afghanistan.pdf>

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Афганистан получил из Польши наличные афгани после разрешения США // ТАСС, 09.11.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16283543> (дата обращения: 08.12.2022).

2. Кабулов подтвердил достижение договоренностей о поставках в Афганистан топлива и зерна // ТАСС, 28.09.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15895931> (дата обращения: 04.12.2022).
3. О теракте, талибах и решении афганских проблем: большое интервью Кабулова // Sputnik Таджикистан, 16.09.2022. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20220916/russia-usa-afghanistan-podhod-kabulov-1051473043.html> (дата обращения: 04.12.2022).
4. США переведут \$3,5 млрд в швейцарский фонд для стабилизации экономики Афганистана // ТАСС, 14.09.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15746329> (дата обращения: 08.12.2022).
5. Талибы раскритиковали решение США относительно резервов Афганистана // Информационное агентство Regnum, 23.11.2022. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3753083.html> (дата обращения: 30.11.2022).
6. Afghanistan dar haft mah-e gozashta bish az 1 milyord dollar saderat dashta ast // Tolo News, 08.11.2022. URL: <https://tolonews.com/fa/business-180660> (accessed: 05.12.2022). На яз. дари.
7. Afghanistan dar 1 sal bish az yak milyord dollar saderat dashta-ast // Ajans-e khabari-e Afghan, 30.08.2022. URL: <http://afghannews.af/%D8%A7%D9%81%D8%BA%D8%A7%D9%86%D8%B3%D8%AA%D8%A7%D9%86-%D8%AF%D8%B1-%DB%8C%DA%A9%E2%80%8C%D8%B3%D8%A7%D9%84-%D8%A8%DB%8C%D8%B4-%D8%A7%D8%B2-%D9%85%DB%8C%D9%84%DB%8C%D8%A7%D8%B1%D8%AF-%D8%AF%D8%A7%D9%84%D8%B1-%D8%B5%D8%A7%D8%AF%D8%B1%D8%AA%D8%AA-%D8%AF%D8%A7%D8%B4%D8%AA%D9%87-%D8%A7%D8%B3%D8%AA> (accessed: 02.12.2022). На яз. дари.
8. Afghanistan – Complex Emergency Fact Sheet #9, Fiscal Year (FY) 2022 (September 23, 2022) // ReliefWeb, 23.09.2022. URL: <https://reliefweb.int/report/afghanistan/afghanistan-complex-emergency-fact-sheet-9-fiscal-year-fy-2022-september-23-2022> (accessed: 07.12.2022).
9. Afghanistan 2022 // Financial Tracking Service – OCHA, 29.11.2022. URL: <https://fts.unocha.org/countries/1/summary/2022> (accessed: 06.12.2022).
10. Afzaesh-e arzesh-e pul-e melli-e Afghanistan dar paye dastoor-al-amal-e akhir-e vizarat-e darayi-e Amrika // BBC, 05.02.2022. URL: <https://www.bbc.com/persian/afghanistan-60271539> (accessed: 01.12.2022). На яз. дари.
11. Afzaesh-e bisabeqa-e baha-e mawad-e ghezai wa sookht dar Kabul // Rodiyu-e Azadi, 18.08.2021. URL: <https://da.azadiradio.com/a/31416521.html> (accessed: 01.12.2022). На яз. дари.
12. Afzaesh-e mizan-e saderat-e zeghal-e sang-e Afghanistan ba Pakestan // Tolo News, 07.02.1401. URL: <https://tolonews.com/fa/business-178214> (accessed: 05.12.2022). На яз. дари.
13. All news // Afghanistan Railway Authority, 20.08.2022–04.09.2022. URL: <https://www.ara.gov.af/index.php/en/all-news> (accessed: 29.11.2022).
14. Azizi: Saderat-e zghal-e sang ba Iran aghaz mishavad // Ajans-e khabari-e Afghan, 14.08.1401. URL: <http://afghannews.af/%D8%B9%D8%B2%DB%8C%D8%B2-%DB%8C-%D8%B5%D8%A7%D8%AF%D8%B1%D8%A7%D8%AA-%D8%B2-%D8%BA%D8%A7%D9%84-%D8%B3%D9%86%DA%AF-%D8%A8%D9%87-%D8%A7%D8%B3%D8%AA>

%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D8%A2%D8%BA%D8%A7%D8%B2-%D9%85%DB%8C%E2%80%8C%D8%B4%D9%88%D8%AF (accessed: 03.12.2022).
На яз. дари.

15. Azizi: 98 dar sad eqlam-e saderati ba Chin ma'afeyat-e goroki daryaft kard // Khabargozarii Joumhor news, 08.06.1401. URL: <https://www.jomhornews.com/fa/news/153838/> (accessed: 04.12.2022). На яз. дари.
16. Baħa-e mawade avvaliya wa sokht dar bazarha-e Kabul (A) // Ajans-e etilaati-e Bakhtar, 03.09.1401. URL: <https://bakhtarnews.af/dr/%D8%A8%D9%87%D8%A7%DB%8C-%D9%85%D9%88%D8%A7%D8%AF-%D8%A7%D9%88%D9%84%DB%8C%D9%87-%D9%88-%D8%B3%D9%88%D8%AE%D8%AA-%D8%AF%D8%B1-%D8%A8%D8%A7%D8%B2%D8%A7%D8%B1%D9%87%D8%A7%DB%8C-%DA%A9%D8%A7%D8%A8-91/> (accessed: 04.12.2022). На яз. дари.
17. Baħa-e mawade avvaliya wa sokht dar bazarha-e Kabul (B) // Ajans-e khabari-e bayn-al-milali-e Kokcha, 24.06.2022. URL: <https://kokchapress.com/%D8%A8-%D9%87%D8%A7%DB%8C-%D9%85%D9%88%D8%A7%D8%AF-%D8%A7%D9%88%D9%84%DB%8C%D9%87-%D9%88-%D8%B3%D9%88%D8%AE%D8%AA-%D8%AF%D8%B1-%D8%A8%D8%A7%D8%B2%D8%A7%D8%B1%D9%87%D8%A7%DB%8C-%DA%A9%D8%A7%D8%A8%D9%84/> (accessed: 04.12.2022).
На яз. дари.
18. Bara-e avvalin bar ponba-e Afghanistan ba Turkiya wa Iran sader shod // Ariana News, 16.03.1401. URL: <https://www.ariananews.af/fa/%D8%A8%D8%B1%D8%A7%DB%8C-%D8%A7%D9%88%D9%84%DB%8C%D9%86-%D8%A8%D8%A7%D8%B1-%D9%BE%D9%86%D8%A8%D9%87-%D8%A7%D9%81%D8%BA%D8%A7%D9%86%D8%B3%D8%AA%D8%A7%D9%86-%D8%A8%D9%87-%D8%AA%D8%B1%DA%A9%DB%8C%D9%87/> (accessed: 02.12.2022). На яз. дари.
19. Bish az 40 prooja-e sakhtemani-e natakml dar Helmand ba khatar-e az bayn raf-tan movajehand // Sputnik News, 30.11.2022. URL: <https://af.sputniknews.com/2022-1130/%D8%A8%DB%8C%D8%B4-%D8%A7%D8%B2--%D9%BE%D8%B1%D9%88%DA%98%D9%87-%D8%B3%D8%A7%D8%AE%D8%AA%D9%85%D8%A7%D9%86%DB%8C-%D9%86%D8%A7%D8%AA%DA%A9%D9%85%DB%8C%D9%84-%D8%AF%D8%B1-%D9%87%D9%84%D9%85%D9%86%D8%AF-%D8%A8%D8%A7%D8%AE%D8%B7%D8%B1-%D8%A7%D8%B2-%D8%A8%DB%8C%D9%86-%D8%B1%D9%81%D8%AA%D9%86-%D9%85%D9%88%D8%A7%D8%AC%D9%87-%D8%A7%D9%86%D8%AF--%D9%88%DB%8C%D8%AF%DB%8C%D9%88-12894344.html> (accessed: 05.12.2022). На яз. дари.
20. Boodja-e se moha-e Taleban // Khabarnama-e Etilaate roz, 15.11.1401. URL: <https://www.etilaatroz.com/135347/taliban-quarterly-budget-allocate-23-billion-afghanis-to-security-education-culture-and-religion-sectors/> (accessed: 03.12.2022). На яз. дари.
21. Da Afghanistan bonk 16 milyun dollar-e amrikai ra leilam mikonad // Ajans-e etilaati-e Bakhtar, 08. 09.1401. URL: <https://bakhtarnews.af/dr/%d8%af-%d8%a7%-d9%81%d8%ba%d8%a7%d9%86%d8%b3%d8%aa%d8%a7%d9%86-%d8%a8%-d8%a7%d9%86%da%a9-%d8%b4%d8%a7%d9%86%d8%b2%d8%af%d9%87-%d9%85%db%8c%d9%84%db%8c%d9%88%d9%86-%d8%af%d8%a7%d9%84%d8%b1-%d8%a7%d9%85/> (accessed: 02.12.2022). На яз. дари.
22. Fa'aliyat-e 2 karkhane dar shahrak-e san'ati-e Herat // Sputnik News, 10.06.2022. URL: <https://af.sputniknews.com/20220610/%D9%81%D8%B9%D8%A7%D9%->

- 84%D8%B5%D9%86%D8%B9%D8%AA%DB%8C-%D9%87%D8%B1%D8%A7%D8%AA-10542798.html (accessed: 03.12.2022). На яз. дари.
23. Fabrika-e proses-e ponbah wa tawlid-e roghan dar Helmand fa'al shod // Ajans-e khabari-e Killid group, 13.08.1401. URL: <https://tkg.af/2022/11/04/%D9%81%D8%A7%D8%A8%D8%B1%DB%8C%DA%A9%D9%87-%D9%BE%D8%B1%D9%88-%D8%B3%D8%B3-%D9%BE%D9%86%D8%A8%D9%87-%D9%88-%D8%AA%D9%88%D9%84%DB%8C%D8%AF-%D8%B1%D9%88%D8%BA%D9%86-%D8%AF%D8%B1-%D9%87%D9%84/> (accessed: 02.12.2022). На яз. дари.
24. Goruh-e Taleban qimate har tun zeghal-e sang-ra az 200 ba 280 dollar afzayesh dad // Afghanistan International, 25.04.1401. URL: <https://www.afintl.com/202207160000> (accessed: 29.11.2022). На яз. дари.
25. Goshai-sh-e yak karkhane-e proses ponbah dar Balkh // Ajans-e etilaati-e Bakhtar, 07.09.1401. URL: <https://bakhtarnews.af/dr/%DA%AF%D8%B4%D8%A7%DB%8C%D8%B4-%DB%8C%DA%A9-%DA%A9%D8%A7%D8%B1%D8%AE%D8%A7-%D9%86%D9%87-%DB%8C-%D9%BE%D8%B1%D9%88%D8%B3%D8%B3-%D9%BE%D8%AE%D8%AA%D9%87-%D8%AF%D8%B1%D8%A8%D9%84%D8%AE-2/> (accessed: 04.12.2022). На яз. дари.
26. Hazinaye barkhi mavad-e varedati 68 dar-sad, amma qimmat-e anha faqat 2 dar-sad kahesh yafta-ast // Ajans-e khabari-ye Pajhwok, 12.09.2021. URL: <https://pajhwok.com/fa/2021/09/12/the-cost-of-some-imported-materials-is-68-but-their-prices-have-dropped-by-only-two-percent/> (accessed: 07.12.2022). На яз. дари.
27. Humanitarian Funding Still Needed for 'Pure Catastrophe' Situation in Afghanistan // UN News, 15.08.2022. URL: <https://news.un.org/en/story/2022/08/1124712> (accessed: 06.12.2022).
28. Idara-ye khatt-e ahan: Dar yak hafta-e gozashta nazdik ba 113 hezar tun enteqlat surat gereftast // Ajans-e etilaati-e Bakhtar, 14.08.1401. URL: <https://bakhtarnews.af/dr/%D8%A7%D8%AF%D8%A7%D8%B1%DB%80-%D8%AE%D8%B7-%D8%A2-%D9%87%D9%86-%D8%AF%D8%B1-%DB%8C%DA%A9-%D9%87%D9%81%D8-AA%DB%80-%DA%AF%D8%B0%D8%B4%D8%AA%D9%87-%D9%86%D8%B2-%D8%AF%DB%8C%DA%A9-%D8%A8%D9%87-1/> (accessed: 29.11.2022). На яз. дари.
29. Iftetah-e 4 fabrika-e bozorg-e tavlidi dar Herat // Shora-e mottakhasesan-e Herat, 05.08.1401. URL: <https://www.heratps.org/reports/%d8%a7%d9%81%d8%aa%d8%aa%d8%a7%d8%ad-4-%d9%81%d8%a7%d8%a8%d8%b1%db%8c%da%a9%d9%87-%d8%a8%d8%b2%d8%b1%da%af-%d8%aa%d9%88%d9%84%db%8c%d8%af%-db%8c-%d8%af%d8%b1-%d9%87%d8%b1%d8%a7%d8%aa/> (accessed: 02.12.2022). На яз. дари.
30. Kar-e sakht-e kanal-e abyari-e Kush-tappa 42 kilometr pish rafta ast // Ajans-e etilaati-e Bakhtar, 15.05.1401. URL: <https://bakhtarnews.af/dr/%DA%A9%D8%A7%D8%B1-%D8%B3%D8%A7%D8%AE%D8%AA-%DA%A9%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D9%84-%D8%A2%D8%A8%DB%8C%D8%A7%D8%B1%DB%8C-%D9%82%D9%88%D8%B4-%D8%AA%D9%BE%DB%80-%DA%86%D9%87%D9%84-%D9%88-%D8%AF%D9%88-%DA%A9/> (accessed: 02.12.2022). На яз. дари.
31. Mahdoodeyat bar kar-e zanan yak milyord dollar ba eqtesad-e Afghanistan sadama mirasanad // 8 Sobh, 27.08.1401. URL: <https://8am.media/restrictions-on-womens->

work-will-harm-the-afghan-economy-by-one-billion-dollars/ (accessed: 07.12.2022).
На яз. дари.

32. Penjahomin basta-e komakha-e bashardostona ba Kabul rasid // Ajans-e etilaati-e Bakhtar, 15.09.1401. URL: <https://bakhtarnews.af/dr/%d9%be%d9%86%d8%ac%d8%a7%d9%87%d9%85%db%8c%d9%86-%d8%a8%d8%b3%d8%aa%db%80-%da%a9%d9%85%da%a9%d9%87%d8%a7%db%8c-%d8%a8%d8%b4%d8%b1%d8%af%d9%88%d8%b3%d8%aa%d8%a7%d9%86%d9%87-%d8%a8%d9%87-%da%a9/> (accessed: 02.12.2022). На яз. дари.
33. Saderat-e biskweet-e Afghanistan ba Qazaqestan // Ajans-e etilaati-e Bakhtar, 06.09.1401. URL: <https://bakhtarnews.af/dr/%d9%be%d9%86%d8%ac%d8%a7%d9%87%d9%85%db%8c%d9%86-%d8%a8%d8%b3%d8%aa%db%80-%da%a9%d9%85%da%a9%d9%87%d8%a7%db%8c-%d8%a8%d8%b4%d8%b1%d8%af%d9%88%d8%b3%d8%aa%d8%a7%d9%86%d9%87-%d8%a8%d9%87-%da%a9/> (accessed: 02.12.2022). На яз. дари.
34. Saheban-e karkhaneha dar Balkh khastar-e kahesh-e maleyat shodand // Sputnik News, 10.10.2022. URL: <https://af.sputniknews.com/20221010/%D8%B5%D8%A7-%D8%AD%D8%A8%D8%A7%D9%86-%DA%A9%D8%A7%D8%B1%D8%AE%D8%A7%D9%86%D9%87%D9%87%D8%A7-%D8%AF%D8%B1-%D8%A8%D9%84%D8%AE-%D8%AE%D9%88%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D8%A7%D8%B1-%DA%A9%D8%A7%D9%87%D8%B4-%D9%85%D8%A7%D9%84%DB%8C-%D8%A7%D8%AA-%D8%B4%D8%AF%D9%86%D8%AF-12354709.html> (accessed: 02.12.2022). На яз. дари.
35. Shahrwandan-e Kabul az baland raftan-e bahai barkhi az mavad-e khoraki shekayat darand // Ajans-e khabari-ye Pajhwok, 17.08.2021. URL: <https://pajhwok.com/fa/2021/08/17/citizens-of-kabul-are-complaining-about-rising-food-prices/> (accessed: 07.12.2022). На яз. дари.
36. Shorakka-e tojjari-e Talebanra kadam keshwarha tashkil midihand? // Sputnik News, 09.11.2022. URL: <https://af.sputniknews.com/20221109/%D8%B4%D8%B1-%DA%A9%D8%A7%DB%8C-%D8%AA%D8%AC%D8%A7%D8%B1%DB%8C-%D8%B7%D8%A7%D9%84%D8%A8%D8%A7%D9%86-%D8%B1%D8%A7-%DA%A9%D8%AF%D8%A7%D9%85-%DA%A9%D8%B4%D9%88%D8%B1-%D9%87%D8%A7-%D8%AA%D8%B4%DA%A9%DB%8C%D9%84-%D9%85%DB%8C-%D8%AF%D9%87%D9%86%D8%AF-12650365.html> (accessed: 02.12.2022).
На яз. дари.
37. Taleban 231 milyord afghani ra ba onwan-e boodja-e sal-e mali-e 1401 taswib kard // Afghanistan International, 24.02.1401. URL: <https://www.afintl.com/202205147849> (accessed: 29.11.2022). На яз. дари.
38. Taleban qimat-e har tun zeghal-e sang-e saderati-ra az 90 dollar ba 200 dollar afzayesh dadand // Khabarname-e Etilaate roz, 07.04.1401. URL: <https://www.etilaatroz.com/146151/taliban-increase-the-price-of-a-ton-of-exported-coal-from-90-to-200/> (accessed: 29.11.2022). На яз. дари.
39. Taleban qimmat-e yak tun zeghal-e sangra dar Kabul 9 hezar afghani ta'yin kardand // Khabarname-e 8 Sobh, 07.08.1401. URL: <https://8am.media/the-taliban-set-the-price-of-one-ton-of-coal-in-kabul-at-nine-thousand-afghani/> (accessed: 03.12.2022). На яз. дари.

40. Taleban wa sarmayegozari-e khareji // Sputnik News, 29.11.2022. URL: <https://af.sputniknews.com/20221129/%D8%B7%D8%A7%D9%84%D8%A8%D8%A7%D9%86-%D9%88-%D8%B3%D8%B1%D9%85%D8%A7%DB%8C%D9%87-%DA%AF%D8%B0%D8%A7%D8%B1%DB%8C-%D8%AE%D8%A7%D8%B1-%D8%AC%DB%8C-%D9%86%DA%AF%D8%A7%D9%87%DB%8C-%D8%A8%D9%87-%D8%B1%D9%88%D9%86%D8%AF-%D8%B3%D8%B1%D9%85%D8%A7%DB%8C%D9%87-%DA%AF%D8%B0%D8%A7%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D8%AE%D8%A7%D8%B1%D8%AC%DB%8C-%D8%B2%DB%8C%D8%B1-%DA-%86%D8%AA%D8%B1-%D8%A7%D9%85%D8%A7%D8%B1%D8%AA-12890573.html> (accessed: 03.12.2022). На яз. дари.
41. Vizarat-e kar: 20 hazar tan dar prujaye Mesi Aynak ba kar gomashtha khahand shod // Tolo News, 16.08.1401. URL: <https://tolonews.com/fa/afghanistan-180643> (accessed: 05.12.2022). На яз. дари.
42. Vizarat-e ma'dan: Dar qerardadha ba sherkatha-e dakheli awlaviyat medihem // Tolo News, 03.07.1401. URL: <https://tolonews.com/fa/business-180004> (accessed: 05.12.2022). На яз. дари.
43. Vizarat-e maleya: Tranzit-e kalaha-e khareji az masir-e Afghanistan afzaesh-e cham-gire dashta ast // Ajans-e etilaati-e Bakhtar, 22.08.1401. URL: <https://bakhtarnews.af/dr/%D9%88%D8%B2%D8%A7%D8%B1%D8%AA-%D9%85%D8%A7%D9%84%D8%B%8C%D9%87-%D8%AA%D8%B1%D8%A7%D9%86%D8%B2%D8%B%8C%D8%AA-%DA%A9%D8%A7%D9%84%D8%A7%D9%87%D8%A7%DB%8C-%D8%AE%D8%A7%D8%B1%D8%AC%DB%8C-%D8%A7%D8%B2%D9%85/> (accessed: 04.12.2022). На яз. дари.
44. Vizarat-e maleya-e Taliban az jam'avari-e 135 milyord afghani awa'id tayi yak sal khabar dad // Khabarnama-e Etilaate roz, 08.06.1401. URL: <https://www.etalatroz.com/152837/%D9%88%D8%B2%D8%A7%D8%B1%D8%AA-%D9%85%D8%A7%D9%84%DB%8C%D9%87-%D8%B9%D9%88%D8%A7%DB%8C%D8%AF/> (accessed: 04.12.2022). На яз. дари.
45. 250 sherkat baraye sarmayegozari dar ma'dan-e ahan-e Herat wa Sarab-e Ghour sabt-e nam kardand // Khabargozari-e Sada-ye Afghan, 26.06.1401. URL: <https://www.avapress.com/fa/news/258731/%DB%B2%DB%B5%DB%B0-%D8%B4-%D8%B1%DA%A9%D8%AA-%D8%B3%D8%B1%D9%85%D8%A7%DB%8C-%D9%87-%DA%AF%D8%B0%D8%A7%D8%B1%DB%8C-%D9%85%D8%B9%D8%A7%D8%AF%D9%86-%D8%A2%D9%87%D9%86-%D9%87%D8%B1%D8%A7%D8%AA-%D8%B3%D8%B1%D8%A8-%D8%BA%D9%88%D8%B1-%D8%AB%D8%A8%D8%AA-%D9%86%D8%A7%D9%85-%DA%A9%D8%B1%D8%AF%D9%87-%D8%A7%D9%86%D8%AF> (accessed: 07.12.2022). На яз. дари.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Окимбеков Убайд Вафобекович – канд. экон. наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения Российской Академии наук, Москва, Россия

Okimbekov Ubaid V. – Candidate of Economic Sciences, Senior Research Fellow, Center for the Study of the Near and Middle East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federaton

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16.01.23. Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 28.02.2023. Опубликована: 28.04.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 16.01.23. Approved after peer reviewing and accepted for publication: 28.02.2023. Published: 28.04.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 338.1
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-069-088>

НА ПУТИ К УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ: «УМНЫЕ» ПОРТЫ И «ЗЕЛЕННЫЕ» КОРАБЛИ КИТАЯ

Нелли Кимовна Семенова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
semenovanelli-2011@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7872-8972>

Аннотация. В последние годы Китай придает большое значение строительству «умных», «зеленых» портов и «зеленых» кораблей. Строительство интеллектуальных портов способствует повышению уровня автоматизации и интеллектуальных функций портов, повышению эффективности их работы, а также содействию трансформации и модернизации портов, что, в свою очередь, способствует созданию «зеленых» портов и сокращает использование традиционной энергии и выбросы углерода за счет использования экологически чистой энергии.

Ключевые слова: Китай, интеллектуальные порты, декарбонизация, экологичные корабли

Для цитирования: Семенова Н. К. На пути к углеродной нейтральности: «умные» порты и «зеленые» корабли Китая. *Восточная аналитика*. 2023;14(1):69-88. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-069-088>

Original article. Economics studies

ON THE WAY TO CARBON NEUTRALITY: "SMART" PORTS AND "GREEN" SHIPS OF CHINA

Nelli Semenova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
semenovanelli-2011@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7872-8972>

Abstract. In recent years, China has attached great importance to the construction of "smart", "green" ports and "green" ships. The construction of smart ports contributes to increasing the level of automation and intelligent functions of ports, improving their efficiency, as well as facilitating the transformation and modernization of ports, which, in turn, contributes to the creation of "green" ports and reduces the use of traditional energy and carbon emissions through the use of environmentally friendly energy.

Keywords: China, intelligent ports, decarbonization, eco-friendly ships

For citation: Semenova N. K. On the way to carbon neutrality: "smart" ports and "green" ships of China. *Vostochnâ analitika = Eastern Analytics*. 2023;14(1):69-88. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-069-088>.

С вступлением в XXI в. порт превратился в интегрированный сервисный центр, который сочетает в себе информатизацию, сетевое взаимодействие и гибкость. Снижение затрат и повышение эффективности

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

стали насущными требованиями операторов портов, для которых содействие строительству интеллектуальных портов стало безальтернативным выбором.

«Умные» порты принципиально решают проблемы эффективности, управления и безопасности, благодаря расширению возможностей новых технологий, ускорению реформы портов и инноваций, преобразованию и модернизации до порта четвертого и пятого поколений и расширению интегрированных логистических функций с высокой добавленной стоимостью, таких как мультимодальные перевозки, логистика с гарантированным налогообложением, логистические услуги полного цикла и финансирование цепочки поставок на основе традиционной погрузки и услуги по разгрузке, складированию и перевалке грузов. В этой связи Китай начал планировать строительство интеллектуальных портов. В 2017 г. Министерство транспорта и Бюро водного транспорта выпустили «Уведомление о проведении демонстрационных проектов интеллектуальных портов» [Цзяо Тун Юнь Шу...] и выбрали группу портов для реализации демонстрационных проектов «умных» портов, направленных на повышение уровня информатизации и интеллектуализации портов КНР. В настоящее время внедрение искусственного интеллекта в портах находится на начальной стадии и, в основном, сосредоточено на производственных портовых операциях.

Новое поколение информационных технологий, представленных искусственным интеллектом (ИИ) [Синь И Дай Жэнь...], большими базами [Цу Цзинь Да Шу...], интернетом вещей [Гуань Юй Цзи Цзи...], новыми технологиями [Сы Ши У Го Цзя...], облачными вычислениями [Го У Юань...] и 5G [5G Инъюньян..., Чжун Хуа Жэнь Минь...2021], стало одной из важных движущих сил в создании интеллектуальных портов, обозначая тенденции быстрого развития агломерации и интеграции.

В последние годы значительно повысился уровень масштабности и специализации китайских портов, что обеспечило поддержку применения технологии «SMART+» [Цели по SMART...]. Огромный объем данных, обрабатываемых крупномасштабными контейнерными терминалами, не может быть своевременно проанализирован с помощью традиционных ручных или простых компьютеризированных процедур. В этой связи в портах Китая внедряются интерактивные компьютерные системы управления операциями в режиме реального времени, которые объединяет алгоритмы оптимизации и искусственный интеллект для удовлетворения потребностей на погрузку и разгрузку, хранение и др. операции с грузами в порту. Инновационные технологии,

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

такие как автономное вождение, визуальное распознавание [Ган Коу Ма...] и интеллектуальное принятие решений перешли и на портовые операции, которые превратились из трудоемких в высокотехнологичные, а обработка контейнеров, управление портами и услуги становятся полностью автоматизированными и интеллектуальными.

С точки зрения внутренних производственных операций в портах, применение ИИ разделено на два уровня:

- процесс горизонтального перемещения контейнеров («единая горизонталь», 一橫), и вертикальная эксплуатация и управление («единая вертикаль», 一纵);
- применение искусственного интеллекта в цепочке логистических услуг («единая цепочка», 一鏈) и региональной/глобальной сети сотрудничества портов («единая сеть», 一网) [A1 Фу Нэн, 2019, с. 10].

В целом, реализация ИИ в глобальном интеллектуальном порту, особенно в рамках «единой горизонтали, единой вертикали, единой цепочки и единой сети», должна основываться на совместном использовании больших объемов данных. В настоящее время данные, собираемые портом, разделены на различные отделы и платформы. Строительство интеллектуальных портов изменит форму существования этих секторов и платформ, вызовет конфликт интересов между соответствующими сторонами.

Инвестиции в технологии искусственного интеллекта требуют от портовых операторов высокой степени стратегического подхода. В этой связи строительство интеллектуальных терминалов в КНР на сегодняшний день осуществляется небольшим числом ведущих портов.

Рассмотрим примеры выдающихся проектов автоматизированных контейнерных терминалов, построенных в Китае за последние годы.

Строительство автоматизированного терминала Сямэнь Юаньхай (厦门远海) компании Cosco Shipping Port было завершено в марте 2016 г., тогда же терминал был введен в эксплуатацию (Рис. 1).

При проектировании и строительстве использовались новейшие технологии и оборудование, такие как облачные вычисления, беспроводная связь, автоматическая навигация и позиционирование, интеллектуальная идентификация, беспилотное автоматическое оборудование, приводы с питанием от литиевых батарей, а также разработана первая отечественная и международная усовершенствованная автоматизированная система управления и управления погрузкой и разгрузкой терминалов (TOS-ECS) для решения технических проблем, таких как информационное взаимодействие между погрузочно-разгрузочным оборудованием и системами управления терминалами, множество моделей управления для операций терминала и беспилотный мониторинг

интеллектуальных переходов. 11 мая 2020 г. года Cosco Shipping Group совместно с China Mobile и Dongfeng Group выпустили первое в стране полнофункциональное приложение 5G smart port, которое внедрено на терминале Сямынь Юаньхай. Основываясь на технологии 5G, терминал Сямынь Юаньхай и партнеры независимо разработали беспилотные тележки-контейнеровозы в порту и по-настоящему беспилотную эксплуатацию с помощью решений для объединения нескольких датчиков, таких как лидар, камера и Beidou. Подсчитано, что автоматизированный терминал может сэкономить более 25% энергии и сократить выбросы углерода более чем на 16% по сравнению с традиционными терминалами [5G Цзя Чу Синь...].

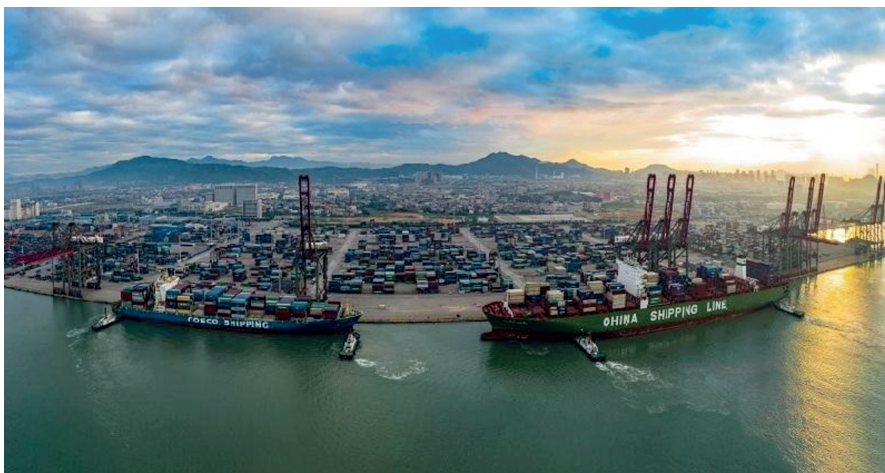

Рис. 1. Полностью автоматизированный Терминал Юаньхай порта Сямынь
Источник: [Ша Мэнь Юань...]

В полностью автоматизированном контейнерном терминале порта Циндао группы портов Шаньдун (Рис. 2) впервые внедрено более десяти инновационных технологий, таких как круговая загрузка транспортных средств с автоматическим управлением, крепление крупногабаритного оборудования на автоматизированной причальной площадке с применением новой автоматической ветрозащитной анкерной системы «одним ключом» (One-key Anchoring, ASC) [Чжан Лянган et al., 2016, pp. 25–27], поворотные замки для роботизированной разборки и сборки контейнеров и др.. Автоматизированный терминал порта Циндао побил мировой рекорд по эффективности автоматической загрузки и разгрузки в течение шести лет подряд, и является образцом недорогого, интеллектуального, высокоэффективного, безопасного и полностью автоматизированного терминала с нулевым уровнем выбросов.

Рис. 2. Полностью автоматизированный контейнерный терминал порта Циндао
Источник: [Цин Дао Ган...]

Автоматизированный терминал четвертой очереди Шанхайского порта Яншань (Рис. 3) получил Национальную премию в области науки и техники 2020 г. за вклад в научно-технический прогресс. Производительность труда нового автоматизированного терминала с нулевым уровнем выбросов составляет 213% от производительности традиционной пристани. Поэтому не удивительно, что технологии порта Яншань очень востребованы и уже были применены на 14 внутренних и зарубежных терминалах [Шан Хай Сян Кэ...].

Рис. 3. Автоматизированный терминал Яншань Фаза IV, порт Шанхай
Источник: [Ян Шань Сы...]

Терминал Яншань имеет общую площадь 2,23 млн м², в общей сложности 7 контейнерных причалов и общую длину береговой линии контейнерного терминала 2,35 тыс. м [Ян Шань Сы...]. Впервые автоматизированная операционная система, независимо разработанная Китаем, используется для подключения основных информационных платформ порта Шанхай и реализации автоматизации планирования производства в основных бизнес-звеньях терминала. Интеллектуальная система управления и контроля (ITOS) внешне связана с морскими судами, дорожным транспортом, портовым надзором, планированием внутреннего контроля, а также исполнительными и измерительными блоками оборудования и средств, охватывая несколько сценариев и весь процесс терминальных операций, и является «мозгом» сверхбольшого автоматизированного контейнерного терминала. Терминал оснащен 26 комплектами береговых мостов, 119 комплектами железнодорожных кранов, 135 комплектами транспортных средств с автоматическим управлением (AGV) и 4 комплектами шинных кранов. Это крупнейший в мире полностью автоматизированный терминал с одним блоком, это также терминал с самой высокой степенью комплексной автоматизации в мире [Чжун Го Кэ Чи...].

Строительство полностью автоматизированных терминалов позволило повысить интеллектуальность и автоматизацию портов при одновременном сокращении использования традиционных источников энергии и сокращении выбросов углекислого газа. Это повышает эффективность портовых операций и способствует преобразованию и модернизации портов в «зеленые» порты, которые реализуют концепцию зеленого развития, активно выполняют юридические и социальные обязанности в процессе производства, эксплуатации и обслуживания, а также всесторонне принимает технические и управленческие меры для экономии ресурсов и энергии, защиты окружающей среды и экологии и реагирования на изменение климата [Ши Ичэнь, Цзинь Лэй, Чжоу Сьюань, 2021].

Энергетическая структура «зеленых» портов достигает новых высот [Тао Сюэцзун, 2018, с. 153]. Сосредоточившись на цели перехода к зеленой и низкоуглеродной энергии, расширяются исследования и применение чистой энергии, в частности, оффшорная ветроэнергетика, фотовольтаика и др. Морские возобновляемые источники энергии играют важную роль в мегатенденции декарбонизации в энергетическом балансе портов КНР. «Зеленые» технологии способствуют строительству портов с нулевым выбросом углерода. Всего в 2020 г. к электросети Китая подключены 18 ветропарков общей мощностью 5,6 ГВт, на очереди инвестиционные проекты 48 морских ветропарков общей мощностью 16,4 ГВт [Хай Шан...].

В последние годы в Китае постоянно повышается эффективность комплексного предотвращения и контроля загрязнения атмосферы и воды с судов. В целях улучшения качества воздуха в прибрежных и внутренних районах, особенно в портовых городах, с 2015 г. Китай установил три системы контроля выбросов с судов: в дельте Жемчужной реки, дельте реки Янцзы и в водах Бохайского края. Были опубликованы «План реализации для зон контроля выбросов загрязняющих веществ в атмосферу с судов» (2018) [Чуань Бо...] и «Комплексный план действий по улучшению качества воздуха 2021–2025 гг.» (空气质量全面改善行动计划(2021–2025年)) [Кун Ци...], которые расширили сферу контроля, охватывающую прибрежные воды страны, порты и внутренние водные пути. Документы повысили требования к контролю оксидов серы и установили предельное содержание серы в судовом топливе, уточнили меры контроля оксидов азота и летучих органических соединений и рекомендовали применение экологически чистой энергии. Для повышения эффективности экологического надзора активно внедряется оборудование для быстрого обнаружения топлива в акваториях портов, беспилотные летательные аппараты для телеметрии и обнаружения в воздухе судовых выхлопов и др. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу с судов значительно сократились: по сравнению с 2015 г. выбросы оксидов серы с судов за пять лет сократились примерно на 614 тыс. т, а выбросы твердых частиц – примерно, на 82 тыс. т.

Усилился контроль за сбросом загрязняющих веществ с судов в соответствии с требованиями «Плана действий по предотвращению и контролю загрязнения воды» [Шуй У...], «Плана действий по предотвращению и контролю загрязнения с судов и портов (2015–2020)» [Чуань Бо Юй Ган...], «Плана устранения серьезных проблем загрязнения с судов и портов в Экономическом поясе реки Янцзы» (长江经济带船舶和港口污染突出问题整治方案) [Сы Бу Мэнь...], а также в соответствии с «Мнениями о реализации по созданию и совершенствованию долгосрочного механизма предотвращения и контроля загрязнения с судов и портов» [Гуань Юй Цзянь...28.07.2021] и «Мнениями о создании и совершенствовании долгосрочного механизма предотвращения и контроля загрязнения судов и портов в экономическом поясе реки Янцзы» [Гуань Юй Цзянь...08.04.2021].

Работы по предотвращению загрязнения воды и атмосферы с судов и портов в Китае идет активно и в соответствии с намеченными в вышеуказанных документах планами. В частности, только в районе Экономического пояса реки Янцзы в 2020 г. проводилось строительство и преобразование установок для сбора или очистки бытовых сточных вод с судов, субсидирование реконструкции бытовых канализационных со-

ружений для судов водоизмещением 100–400 т. Были переоборудованы в общей сложности 21,92 тыс. судов по принципу «хранение, доставка, прием и утилизация на борту». С октября 2020 г. сброс сточных вод с судов полностью запрещен. Также был введен запрет на сброс судового мусора в реку. Вдоль реки было построено в общей сложности около 13 тыс. приемных сооружений для бесплатного сбора мусора с судов. Введены в опытную эксплуатацию баржи и станции промывки химических резервуаров на магистрали реки Янцзы. Также в порту постоянно увеличивается использование береговой энергии судами, насчитывается более 12 тыс. судов с энергопринимающими установками. Порты в провинциях и городах вдоль реки Янцзы в 2020 г. использовали береговую энергию около 110 тыс. раз (1,09 млн часов и 24,56 млн кВт×ч) [Чан Цзян Цзин Цзи...]. Только в июле 2020 г. Морское бюро реки Янцзы провело в общей сложности 17 тыс. проверок по борьбе с загрязнением.

«Зеленые» суда являются одним из важных направлений трансформации и модернизации судостроительной отрасли КНР, а также важным средством повышения конкурентоспособности судостроительной отрасли страны в новой рыночной ситуации. Чтобы способствовать развитию технологии «зеленого корабля» (绿色船) выделены четыре приоритетных направления: технологии проектирования, строительства, эксплуатации и демонтажа «зеленых» кораблей.

Следуя вышеперечисленным приоритетам, в КНР не первый год создаются «зеленые» корабли нового поколения, от проектировки судна до его спуска на воду. По данным НИИ Минтранса КНР в целом по стране к 2020 г. было построено более 290 судов, работающих на сжиженном природном газе, в прибрежных портах построено 4 буксира, работающих на сжиженном природном газе, построено более 2 тыс. контейнеровозов, работающих на сжиженном природном газе, и 20 заправочных станций для портовых транспортных средств.

Осуществляя государственную экологическую политику в портовой сфере, в КНР активно внедряется применение сжиженного природного газа (СПГ) в отрасли водного транспорта. Примером этого служат некоторые уже осуществленные крупные проекты.

Например, 26 мая 2021 г. был передан французской судоходной группе CMA CGM [CMA CGM Group] и отправился из Китая в Северную Европу сверхбольшой двухтопливный контейнеровоз «Трокадеро» грузоподъемностью 23 тыс. TEU, где будет введен в эксплуатацию на маршруте между Азией и Европой. Судно было построено на шанхайской верфи Цзяннаньского судостроительного завода (江南造船厂) [Цзян Нань Цзао Чуань] на острове Чансин в устье реки Янцзы в Шанхае и является первым в мире сверхбольшим контейнеровозом с мембранными

топливными баками и двухтопливной силовой установкой, использующей СПГ в качестве основного топлива. По сравнению с традиционными контейнеровозами, работающими на жидком топливе, он может сократить выбросы углерода более, чем на 20%, оксидов азота на 85–92%, оксида серы на 99% [Чжун Го Цзао] и мелких частиц – на 91% [СМА CGM SORBONNE ...], что значительно снижает загрязнение окружающей среды. Контейнеровоз «СМА CGM Trocadero» является восьмым судном из серии девяти судов Ultra Large Container Vessel (ULCV), по контракту СМА CGM и China Shipbuilding Group [Чжун Го Чуань Бо...], а также заключительным из четырех судов, поставленных с верфи Цзяннань.

Также в 2021 г. на верфи Худун-Чжунхуа (沪东中华造船(集团)有限公司) [Hudong-Zhonghua...] в Шанхае, для той же СМА CGM, было построено завершающее контракт, девятое судно «Сорбонна» (23 тыс. TEU), работающее на СПГ. Все его восемь сестер-шипов, построенных в Китае с 2018 г., зарегистрированы во Французском реестре судов. Головное судно серии названо в честь основателя группы Жака Сааде, остальные контейнеровозы носят названия «Елисейские поля», «Пале-Рояль», «Лувр», «Риволи», «Монмартр», «Трокадеро», «Сорбонна» и «Конкорд» (Рис. 4) [СМА CGM SORBONNE ...].

Рис. 4. Первый в мире сверхбольшой двухтопливный контейнеровоз вместимостью 23 тыс. TEU «СМА CGM Jacques Sade»

Источник: [Сян Цюань Цю...]

На верфи Цзяннань [Very Large LPG...] в Шанхае был построен первый крупнейший двухтопливный газовоз (Very Large Gas Carrier, VLGC) в мире, объемом 86 тыс. м³, работающий на сжиженном нефтяном газе

(СНГ) для бельгийского судовладельца EXMAR [EXMAR ...]. Судно под названием «Flanders Innovation» (Рис. 5) было спущено на воду в 2020 г., а родственное ему судно «Flanders Pioneer» – в апреле 2021 г. [Jiangnan delivers...].

Рис. 5. Крупнейший двухтопливный газовоз «Flanders Innovation» китайского производства

Источник: [Jiangnan delivers...]

Только в Книге заказов верфи Цзяннань числятся 54 судостроительных проекта [Order Book] с плановой реализацией до 2024 г. В их числе крупнейшее судно для перевозки новых автомобилей и других накатных грузов 7 тыс. CEU Post-Panamax PCTC (Pure Car Carroer & Ro-Ro) на 7,6 тыс. автомобилей с СПГ в качестве топлива для китайской SAIC Anji Logistics [Шан Хай Го Цзи...] (Рис. 6).

Подобные суда Pure Car Carroer & Ro-Ro с СПГ в качестве топлива вместимостью до 7 тыс. автомобилей производятся также на двух судостроительных платформах Guangzhou Shipyard International Co., Ltd (GSI) [Guangzhou Shipyard...], одной из крупнейших верфей в южной части Китая. Судостроительный завод Гуанчжоу к концу 2025 г. планирует спустить на воду 18 танкеров-химовозов дедвейтом по 49,9 тыс. т. В качестве топлива используется метанол, который является конкурентоспособным по стоимости биоразлагаемым чистым судовым топливом и обеспечивает значительное сокращение выбросов, таких как твердые частицы, оксиды серы и азота, а также снижает выбросы парниковых газов.

Рис. 6. Крупнейшее судно Pure Car Carrier & Ro-Ro с СПГ в качестве топлива
Источник: [7,000 CEU Post-Panamax...]

Китайский научно-исследовательский и проектный институт ядерной энергетики (NPI), дочерняя компания китайского государственного предприятия China National Nuclear Corporation (CNNC), построит первую в Китае морскую атомную электростанцию (Рис. 7). CNNC планирует инвестировать 2,1 млрд долл. в строительство морских атомных электростанций. Сообщается, что первая атомная электростанция будет размещена на побережье провинции Шаньдун в Бохайском море для электроснабжения морских платформ на шельфе. В настоящее время они проходят период тестирования. Морская атомная электростанция не только соответствует стандартам безопасности, но также требует меньших инвестиций в оборудование и привлекает большое внимание как экономичная атомная электростанция нового поколения, а стоимость производства электроэнергии составляет всего одну треть от стоимости наземных атомных электростанций [Чжун Го Ни Дин ...].

Китайская национальная ядерная корпорация [Чжун Го Хэ Гунъе...], Китайская генеральная ядерная энергетическая группа [Чжун Го Гуан...] и Китайская государственная судостроительная корпорация [Чжун Го Чуань Бо...] являются тремя основными группами, которые продвигают концепцию морской ядерной энергетики Китая. Сообщается, что в ближайшее время Китай планирует построить около 20 морских атомных электростанций, которые, вероятно, будут расположены в Бохайском и Южно-Китайском морях [Ни Цзянь...].

Рис. 7. «Создано в Китае»: первая плавучая атомная электростанция

Источник: [China Becomes...]

В последние годы Китай придает большое значение строительству «умных» и «зеленых» портов [Ли Да Син, 2020, с. 19–20]. Строительство интеллектуальных портов способствует повышению уровня автоматизации и интеллектуальных функций портов, повышению эффективности их работы, а также содействию трансформации и модернизации портов, что, в свою очередь, способствует созданию «зеленых» портов и сокращает использование традиционной энергии и выбросы углерода за счет использования экологически чистой энергии. Например, создание полностью автоматизированного терминала для реализации интеллектуальных функций и автоматизации порта при одновременном сокращении использования традиционной энергии и выбросов углерода. Активное продвижение строительства «умных» «зеленых» портов является неизбежной тенденцией для будущего развития портовой отрасли Китая. Однако на этом пути все еще существует множество проблем, которые необходимо решить посредством укрепления механизмов стимулирования: увеличения финансовых инвестиций, внедрения инновационных институциональных механизмов, поощрения межведомственных связей и разработки соответствующих норм и стандартов, содействия стандартизации энергосбережения и сокращения выбросов и т. п. [Ли Да Син, 2020, с. 19–20], что, в конечном итоге, сформирует энергосберегающую и экологически чистую модель развития портов.

Литература / References

1. AI Фу Нэн AI 赋能 (Расширение прав и возможностей). Цюань Цзюй Хуа Чжи Хуэй Ган Коу 全局化智慧港口 (Глобальный интеллектуальный порт) // *Чжунго Ганкоу* 中国港口, 2019. № 5 (43):10 (Чжунго Ганкоу, 2019. № 5 (43). С. 10 [AI Fu Ning AI. Quan Ju Hua Zhi Hui Gang Kou (Empowerment. Global smart Port) // *Zhongguo Gankou*, 2019. 5(43). P. 10 (in Chinese)].

2. Ли Да Син 李大兴 (2020). Чжун Го Люй Сэ Ган Коу Цзянь Шэ Цунь Цзай Дэ Вэнь Ти Хэ Цзянь И Цзянь Чжу Фа Чжань 中国绿色港口建设存在的问题和建议 (Проблемы и предложения по строительству зеленого порта в Китае) // *Цзянь Чжу Фа Чжань* 建筑发展 (Цзяньчжу Фачжань). Ди 4 Цзюань 6 Ди Ци Бань Бэнь 1.0, 2020 Нянь 第 4 卷, 第 6 期, 版本 1.0, 2020 年 (Том 4, выпуск 6, версия 1.0. С. 19–20). [Li Daxing (2020). Zhong Guo Lui Xi Gan Hou Jian She Quan Ju De Wenti He Jian And Jian Zhi Fazhan // *Jian Zhi Fazhang*. Di 4 Juan 6 Di Qi Ban Ban 1.0, 2020 Nyan (Problems and suggestions in the construction of green ports in China. *Architectural development*. Volume 4, Issue 6, Version 1.0. Pp. 19–20) (in Chinese)].
3. Тао Сюэцзун 陶学宗 (2018). Ган Коу Хуань Цзин Бао Ху 港口环境保护 (Защита окружающей среды порта) // *Шан Хай Цзю Тун Да Сюэ Чу Бань Шэ* 上海交通大学出版社 (Издательство Шанхайского университета Цзютун). Е Шу (страницы: 170) (170 с. С. 153.) [Tao Xuejun (2018). Gan Kou Huanjing Bao Hu Shanghai Jiao Tong Da Xue Chu Ban She (Port environmental protection) // *Shanghai Jiaotong University Press*, 170 p. P. 153). (in Chinese)].
4. Чжан Лянган 张连钢, Цзоу Цзыцин 邹子青, Чжан Вэй 张卫, Лу Сяндун 吕向东, Сю Фанцян 修方强, Чжан Пэн 张鹏 (2016). «И Цзянь Мао Дин» Синь Син Цзы Дун Фан Фэн Мао Дин Си Тун Цзай Цзы Дун Хуа Ма Тоу Дуй Чан Дэ Инъюн Цин Дао Цянь Вань “一键锚定”新型自动防风锚定系统在自动化码头堆场的应用 (Применение новой автоматической ветрозащитной анкерной системы «One-key Anchoring» на автоматизированной причальной площадке) // *Ган Коу Чжюан Се «港口装卸»* (Ган Коу Чжюан Се). 第2期 25–27页 (Выпуск 2. С. 25–27). [Zhang Liangang, Zou Ziqing, Zhang Wei, Lu Xiangdong, Xiu Fang Qiang, Zhang Peng (2016). "Yi Qiang Mao Ding" Xin Xin Tzu Ding Feng Mao Ding Si Tung Tzai Tzu Dong Hua Ma Tou DUI Chan De Yingyun Qin Dao Qian Wan (Application of the new automatic windproof anchoring system of "one-key anchoring" in the automated terminal yard) // *Gang Hou Jun Xie*. Issue 2. Pp. 25–27). (in Chinese)].
5. 5G Цзя Чу Синь Дун Нэн 5G加出新动能 (Работа 5G plus создает новую кинетическую энергию). Ша Мэнь Юань Хай Цюань Цзы Дун Хуа Ма Тоу Чжэнь Чжэн Цзо Дао У Жэнь Юаньхай Цзо Цзо 厦门远海全自动化码头真正做到无人操作 (Полная автоматизация Сямьнь Юаньхай действительно решает проблему беспилотных доков) // *People 's Daily Online*, 20.10.2020. [5G Jia Chun Xin Dong Ning 5G. Sha Man Yuan Hai Quan Zi Dong Hua Ma Tou Zhang Zheng Zuo Dao Wu Ren Cao Zuo (Add new kinetic energy. Xiamen Yuanhai Fully automated Terminal is truly unmanned) // *People 's Daily Online*, 20.10.2020(in Chinese)]. URL: <http://fj.people.com.cn/n2/2020/1023/c181466-34369991.html> (accessed: 20.12.2022).

Электронные ресурсы/ Electronic sources

1. Ган Коу Ма Тоу Гунъе Цзы Дун Хуа Пин Тай – Гунъе Цзи У Сянь Ши Нэн Ган Коу Цзи Се Чжи Нэн Хуа 港口码头工业自动化平台——工业级无线使能港口机械智能化 (Платформа промышленной автоматизации для портов и терминалов – промышленная беспроводная связь обеспечивает интеллектуальное оборудование портов). [Gan Kou Ma Tou Gongye Tzu Dong Hua Ping Tai – Gong Ji Wu Hsien Shi Nan Gan Kou Ji Xie Zhi Nan Hua (Industrial automation platform for ports and terminals – Industrial-grade wireless enables the intelligence of port machinery). (in Chinese)] // *Гунъе Ху Лянь Ван Чань Е Лянь Мэн*, 12.03.2018. URL: <http://www.aii-alliance.org/index/c147/n1827.html> (accessed: 19.12.2022).

2. Го У Юань Гуань Юй Цу Цзинь Юнь Цзи Суань Чуан Синь Фа Чжань Пэй Юй Синь Си Чань Е Синь Е Тай Дэ И Цзянь, 2015. 国务院关于促进云计算创新发展培育信息产业新业态的意见, 2015 (Мнения о содействии инновациям и развитию облачных вычислений и культивировании новых форматов информационной индустрии, 2015). [Guo Wu Yuan Guan Yu Qiu Jin Yun Ji Chuan Chuan Xin Fa Zhan Pei Yu Xin Xi Chan Ye Xin Ye Tai De And Jian, 2015 (Opinions of the State Council on promoting the Innovation and Development of cloud Computing and cultivating new Formats of the information industry, 2015). (in Chinese)] // *Энциклопедия Baidu*, 06.01.2015. URL: <https://baike.baidu.com/item/国务院关于促进云计算创新发展培育信息产业新业态的意见/16699563> (accessed: 18.12.2022)
3. Го Цзя Синь Си Хуа Фа Чжань Чжань Люй Э Ганъяо 国家信息化发展战略纲要 (Концепция национальной стратегии развития информатизации) Цюань Вэнь 全文 (Полный текст) // *Finance china*, 27.07.2016. [Guo Jia Qin Xi Hua Fazhan Zhanliue E Gangyao. Quanfen (Outline of the National information Technology Development Strategy. Full text // *Finance china*, 27.07.2016) (in Chinese)]. URL: <http://finance.china.com.cn/news/gnjij/20160727/3832184.shtml> (accessed: 18.12.2022)
4. Гуань Юй Цзи Цзи Туй Цзинь «Ху Лянь Ван+» Син Дун Дэ Чжи Дао И Цзянь 关于积极推进“互联网+”行动的指导意见 (Руководящие мнения по активному продвижению действий «Интернет+»). [Guan Yu Ji Ji Tui Jin "Hu Lian Wang+" Xing Dong De Zhi Dao And Jian (Guiding opinions on actively promoting the "Internet+" action). (in Chinese)] // *Чжун Хуа Жэнь Минь Гун Хэ Го Чжунъян Жэнь Минь Чжэн Фу*, 04.07.2015. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-07/04/content_10002.htm (accessed: 17.12.2022)
5. Гуань Юй Цзянь Ли Цзянь Цюань Чан Цзян Цзин Цзи Дай Чуань Бо Хэ Ган Коу У Жань Фан Чжи Чан Сяо Цзи Чжи Дэ И Цзянь 关于建立健全长江经济带船舶和港口污染防治长效机制的意见 (Интерпретация «Мнения о создании и совершенствовании долгосрочного механизма предотвращения и контроля загрязнения судов и портов в экономическом поясе реки Янцзы», 2021). [Guan Yu Jian Li Jian Quan Chang Jiang Jing Ji Dai Chuan Bo He Gan Kou Wu Ran Fan Zhi Chang Xiao Ji Zhi De And Jian (Opinions on the establishment and improvement of a long-term mechanism for the prevention and control of pollution from Ships and ports in the Yangtze River Economic Belt). (in Chinese)] // *Чжун Хуа Жэнь Минь Гун Хэ Го Чжунъян Жэнь Минь Чжэн Фу*, 08.04.2021. URL: <https://www.mot.gov.cn/2021zhengcejid/changjiangwrfzyj/> (accessed: 22.12.2022)
6. Гуань Юй Цзянь Ли Цзянь Цюань Чуань Бо Хэ Ган Коу У Жань Фан Чжи Чан Сяо Цзи Чжи Дэ Ши Ши И Цзянь 关于建立健全船舶和港口污染防治长效机制的实施意见 (Мнения о реализации по созданию и совершенствованию долгосрочного механизма предотвращения и контроля загрязнения с судов и портов, 2021). [Guan Yu Jian Li Jian Quan Chen Bo He Gan Kou Wu Ran Fan Zhi Chang Xiao Ji Zhi De Shi Shi And Jian (Opinions on the establishment and improvement of a long-term mechanism for the prevention and Control of pollution from Ships and ports). (in Chinese)] // *Чжун Хуа Жэнь Минь Гун Хэ Го Чжунъян Жэнь Минь Чжэн Фу*, 28.07.2021. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:SmcNj7MEh4J:https://jtyst.zj.gov.cn/art/2021/7/28/art167754159022761.html+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (accessed: 22.12.2022)
7. Кун Ци Чжи Лян Цюань Мян Гай (2021–2025). 空气质量全面改善行动计划(2021–2025年) (Комплексный план действий по улучшению качества воздуха (2021–2025 гг.)). Шань Син Дун Цзи Хуа Нянь Шэн Тай Хуань Цзин Бу Нянь Чжэнъю

- Гун Кай Гун Цзо Ань Пай 生态环境部2021年政务公开工作安排 (План работы Министерства экологии и окружающей среды по раскрытию информации о государственных делах на 2021 г.). [Kung Qi Zhi Liang Quan Mian Gai (2021–2025). Shan Xiang Dong Jia Hua Lian Sheng Tai Huan Jing Bu Yan Zhengyu Gong Kai Gong Zuo An Pai (Comprehensive Air Quality Improvement Action Plan (2021–2025). The Ministry of Ecology and Environment will make public work arrangements for government affairs in 2021.). (in Chinese)] // *Чжэн Чжоу Вэй Чи Вай Цзы Ци Е Фу У Чжун Синь*, 06.08.2021. URL: <https://www.waizi.org.cn/law/112895.html> (accessed: 21.12.2022)
8. Ни Цзянь 20 Цзо Бу Шу Бо Хай Нань Хай 拟建20座部署渤海南海 (Новая китайская компания строит морские атомные электростанции). Чжун Го Цзу Синь Гун Сы Цзянь Шэ Хай Шан Хэ Дянь Чжань 中国组新公司建设海上核电站 (Планируется построить 20 групп для развертывания интеллектуальной энергии в Бохэе, Наньхэе и порту Тяньцзинь). [Ni Jian 20 Zuo Bu Shu Bu Hai Nan Hai Zhong Gu Zu Xin Gong Si Jian She Hai Shan He Lian Zhan (It is proposed to build 20 bases to deploy in the Bohai Sea and the South China Sea. China formed a new company to build offshore nuclear power plants) (in Chinese)] // *Синь Лан Цзюнь Ши*, 07.01.2018. URL: <http://mil.news.sina.com.cn/2018-01-07/doc-ifyqiwuw7830771.shtml> (accessed: 19.12.2022)
 9. 5G Инъюнъян Фань Син Дун Цзи Хуа (2021–2023), 2021 Нянь. 77 Хао 5G应用“扬帆”行动计划(2021–2023年), 2021, 77号 (План действий по применению 5G «Парус» (2021–2023), 2021, № 77). [5G Yingyunyang Fan Xing Dong Ji Hua (2021–2023), 2021 Nuan. 77 Hao (5G Application «Sailing» Action Plan (2021–2023), 2021, No. 77). (in Chinese)] // *Чжун Хуа Жэнь Минь Гун Хэ Го Чжунъян Жэнь Минь Чжэн Фу*, 13.07.2021. URL: http://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2021-07/13/content_5624610.htm (accessed: 18.12.2022).
 10. 7,000 CEU Post-Panamax PCTC (LNG Fuelled) // *Jiangnan Shipyard (Group) Co., Ltd.*, 2022. URL: <http://www.chinashipbuilding.cn/info.aspx?j FS1mC2TmL AAoVct6FK5apklujyukkpp4JjgXb> (accessed: 17.12.2022)
 11. Синь И Дай Жэнь Гун Чжи Нэн Фа Чжань Гуй Хуа 新一代人工智能发展规划 (План развития искусственного интеллекта нового поколения). [Xin Yi Dai Zhen Gong Zhi Nan Fa Zhang Gui Hua (A new generation of artificial intelligence development plan). (in Chinese)] // *Чжун Хуа Жэнь Минь Гун Хэ Го Чжунъян Жэнь Минь Чжэн Фу*, 20.07.2017. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (accessed: 07.12.2022)
 12. Сы Бу Мэнь Лянь Хэ Инь Фа Чан Цзян Цзин Цзи Дай Чуань Бо Хэ Ган Коу У Жань Ту Чу Вэнь Ти Чжэн Чжи Фаньянь Да Хао У Жань Фан Чжи Гун Цзянь Чжань Туй Цзинь Ханьюнь Люй Сэ Фа Чжань 四部门联合印发《长江经济带船舶和港口污染突出问题整治方案》打好污染防治攻坚战 推进航运绿色发展 (Четыре департамента совместно опубликовали «План устранения нерешенных проблем загрязнения судов и портов в экономическом поясе реки Янцзы», чтобы вести упорную борьбу за предотвращение загрязнения и контроль над ним и содействовать экологичному развитию судоходства). [Si Bu Men Lian He Yin Fa Chang Jiang Jing Ji Dai Chuan Bo He Gan Kou Wu Zhan Tu Chu Wen Ti Zheng Zhi Fang 'an Da Hao Wu Zhan Fan Zhi Gong Jian Zhan Tui Jin Hanyun Lui Se Fa Zhan (The four departments jointly issued the "Plan for the Remediation of Outstanding Pollution Problems of Ships and Ports in the Yangtze River Economic Belt" to fight hard for pollution Prevention and control and promote the green development of shipping). (in Chinese)] // *Чжун Хуа Жэнь Минь Гун Хэ Го Чжунъян Жэнь Минь Чжэн Фу*, 20.01.2020. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-01/20/content_5470921.htm (accessed: 22.12.2022)

13. «Сы Ши У» Го Цзя Синь Си Хуа Гуй Хуа “十四五”国家信息化规划 (Национальный план информатизации «14-й пятилетний план»). [Guan Yu Ji Ji Tui Jin «Hu Lian Wang+» Xing Dong De Zhi Dao And Jian (Guiding opinions on actively promoting the “Internet+” action). (in Chinese)] // *Чжун Хуа Жэнь Минь Гун Хэ Го Чжунъян Жэнь Минь Чжэнь Фу*, 28.12.2021. URL: <https://www.gov.cn/xinwen/2021-12/28/5664873/files/1760823a103e4d75ac681564fe481af4.pdf> (accessed: 18.12.2022)
14. Сян Цюань Цю Цзуй Да Дун Ли Цзи Чжуан Сян Чуань Цзай Ху Цзяо Фу Ю До Ли Хай 23000箱, 全球最大LNG动力集装箱船在沪交付, 有多厉害? (23000 стандартных контейнеров, самый большой в мире контейнеровоз на СПГ доставлен в Шанхай, насколько он мощный?). [Xiang Quan Zui Da Dong Li Ji Chuang Xiang Chuan Zai Hu Jiao Fu Yu Do Li Hai (23,000 boxes, the world's largest LNG-powered container ship was delivered in Shanghai. How powerful is it?). (in Chinese)] // *Finance.sina*, 09.10.2020. URL: <https://finance.sina.cn/tech/2020-10-09/detail-iivhui pp8611126.d.html?fromtech=1&from=wap> (accessed: 17.12.2022)
15. Хай Шан Фэн Дянь Ши Чан Люй Сэ Чжуань Синь 海上风电市场绿色转型 (Зеленый переход рынка оффшорной ветроэнергетики). [Hai Shan Feng Dian Shi Chang Lui Se Zhuan Xing (Green transformation of offshore wind power market). (in Chinese)] // *Chinaports*, 09.02.2021. URL: <https://www.chinaports.com/portlsp-news/7038> (18.03.2022)
16. Цели по SMART: подробный обзор. [SMART goals: a detailed overview] // Power-Branding, no date. URL: [http://powerbranding.ru/marketing-strategy/smart-celi/#:~:text=Технология%20SMART%20\(СМАРТ\)%20современный,ясные%2С%20точные%2С%20конкретные%20задачи\(дата обращения: 17.12.2022\)](http://powerbranding.ru/marketing-strategy/smart-celi/#:~:text=Технология%20SMART%20(СМАРТ)%20современный,ясные%2С%20точные%2С%20конкретные%20задачи(дата обращения: 17.12.2022))
17. Цзян Нань Цзао Чуань Чан 江南造船厂 (Цзяннаньский судостроительный завод). [Jiang Nan Jiao Chuan Chang (Jiangnan Shipyard). (in Chinese)] // Цзян Нань Цзао Чуань (Цзи Гуань) Ю Сянь Цзэ Жэнь Гун Сы, 26.01.2022. URL: <http://www.jnshipyard.com.cn/cms/document/140.html> (accessed: 23.12.2022)
18. Цзяо Тун Юнь Шу Бу Фа Бу Гуань Юй Кай Чжань Чжи Хуэй Ган Коу Ши Фань Гун Чэн Дэ Тун Чжи 交通运输部发布«关于开展智慧港口示范工程的通知.» (Министерство транспорта издало «Уведомление о запуске демонстрационных проектов умного порта»). [Jiao Tong Yunshu Bu Fa Bu Guan Yu Kai Zhan Zhi Hui Gan Kou Shi Fan Gong Cheng De Tong Zhi (The Ministry of Transport issued the "Notice on the implementation of the Smart Port Demonstration Project.")]. (in Chinese)] // *Чжун Хуа Жэнь Минь Гун Хэ Го Чжунъян Жэнь Минь Чжэнь Фу*, 08.02.2017. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-02/08/content_5166375.htm (accessed: 17.12.2022)
19. Цин Дао Ган Цзи Шэнь Сянь Дао Цзи Го Цзи Ханъюнь Шу Нью 青岛港跻身先导级国际航运枢纽 (Порт Циндао входит в число ведущих международных транспортных узлов) [Qing Dao Gong Tzu Shen Xian Dao Ji Guo Ji Han Yun Shu Nu (Qingdao Port ranks among the leading international shipping hubs). (in Chinese)] // *Цзинь Жи Цин Дао*, 24.08.2022. URL: <https://www.xindb.com/static/content/JRQD/2022-08-24/1012063330145411072.html> (accessed: 19.01.2023)
20. Цу Цзинь Да Шу Цзюй Фа Чжань Син Дун Ганъяо [2015] 促进大数据发展行动纲要 [2015]. [Платформа действий по содействию развитию больших данных [2015]]. [Qiu Jin Da Shu Ju Fazhan Xing Dong Ganguyao [2015] 50 Hao (Action Plan to Promote the Development of Big Data (2015)). (in Chinese)] // *Чжун Хуа Жэнь Минь Гун Хэ Го Шаньбу Бу*, 2018. URL: <https://zycpzs.mofcom.gov.cn/html/nysczl/2018/9/1536891477862.html> (accessed: 17.12.2022)

21. Чан Цзян Цзин Цзи Дай Чуань Бо Хэ Ган Коу У Жань Ту Чу Вень Ти Чжэн Чжи Фанъань Цзинь Чжань Цин Куан 《长江经济带船舶和港口污染突出问题整治方案》进展情况 (Ход выполнения «Плана устранения серьезных проблем, связанных с загрязнением судов и портов в экономическом поясе реки Янцзы»). [Chang Jiang Jing Ji Dai Chuan Bo He Gan Kou Wu Zhan Tu Chu Wen Ti Zheng Zhi Fang 'an Jin Zhan Qing Kuan (Progress of the "Plan for the Remediation of Outstanding Pollution Problems of Ships and Ports in the Yangtze River Economic Belt") (in Chinese)] // *Чжун Хуа Жэнь Минь Гун Хэ Го Чжунъян Жэнь Минь Чжэн Фу*, 27.08.2020. URL: https://www.mot.gov.cn/2020wangshangzhibo/2020eighth/zhibozhaiyao/202008/t20200827_3457048.html (accessed: 23.12.2022)
22. Чжун Го Гуан Хэ Цзи Туань 中国广核集团 (Китайская генеральная ядерная энергетическая группа). [Zhong Guo Guan He Ji Tuan (China National Nuclear Corporation). (in Chinese)] // *Чжун Го Гуан Хэ Цзи Туань Ю Сянь Гун Сы*, 2022. URL: <http://www.cgnpc.com.cn/cgn/c100910/jtjj.shtml> (accessed: 19.12.2022)
23. Чжун Го Кэ Чи Сюй Цзяо Тун Фа Чжань Бао Гао 中国可持续交通发展报告 (Отчет об устойчивом развитии транспорта в Китае). [Zhong Guo Ke Chi Xu Jiao Tong Fa Zhan Bao Gao (China Sustainable Transportation Development Report). (in Chinese)] // *Чжун Хуа Жэнь Минь Гун Хэ Го Чжунъян Жэнь Минь Чжэн Фу*, 10.2021. URL: <https://www.mot.gov.cn/zhuanti/transport/chengguowj/202110/P020211027596549574203.pdf> (accessed: 20.12.2022)
24. Чжун Го Ни Дин 2021 Нянь Ци Дун Хай Шан Хэ Дянь Чжань 中國擬定2021年啟動海上核電站 (Китай планирует запустить морские АЭС в 2021 году) // *Вань Вэй Ду Чжэ Ван* 万维读者网 (Вань Вэй Ду Чжэ Ван), 22.03.2019. [Zhong Guo None 2021 Nian Qi Dong Hai Shan He Dian Zhan (China plans to start offshore nuclear power plants in 2021) (in Chinese)] // *Wanwei Reader Network*, 22.03.2019 URL: <https://www.rfi.fr/tw/中國/20190322-中國擬定2021年啟動海上核電站> (accessed: 17.12.2022)
25. Чжун Го Хэ Гунъе Цзи Туань 中国核工业集团 (Китайская национальная ядерная корпорация). [Zhong Guo He Gongye Ji Tuan (China Nuclear Industry Corporation). (in Chinese)] // *Чжун Го Хэ Гунъе Цзи Туань Ю Сянь Гун Сы*, 2022. URL: <https://www.cnn.com.cn> (accessed: 19.12.2022)
26. Чжун Го Цзао “中国造”: Люй Сэ Хуань Бао Дэ Хай Шан Цзюй У Ба Цзяо Фу Ши Юн 绿色环保的“海上巨无霸”交付使用。(«Сделано в Китае»: зеленый «морской великан» сдан в эксплуатацию) // *Xinhua* 新华社 (Синьхуа) 26.05.2021. [Zhong Guo Cao: Lu Xue Han Bao De Hai Shan Ju Wu Ba Jiao Fu Shi Yun (“Made in China”: the green and environmentally friendly “Sea Big Mac” is delivered for use) // *Xinhua*, 26.05.2021. (in Chinese)]. URL: <http://www.xinhuanet.com/world/2021-05/26/c1127494248.htm> (accessed: 22.12.2022).
27. Чжун Го Чуань Бо Цзи Туань Ю Сянь Гун Сы 中国船舶集团有限公司 (Китайская государственная судостроительная корпорация). [Zhong Guo Chuan Bo Ji Tuan Yuxian Gong Si (China Shipbuilding Corporation Limited). (in Chinese)] // *Чжун Го Чуань Бо Цзи Туань Ю Сянь Гун Сы*, 2022. URL: <http://www.cssc.net.cn/n4/index.html> (accessed: 15.12.2022)
28. Чжун Го Чуань Бо Чжун Гун Цзи 中国船舶重工集 (Китайская государственная судостроительная корпорация). [Zhong Guo Chuan Bo Zhong Gong Ji (China Shipbuilding Industry Corporation). (in Chinese)] // *Чжун Го Чуань Бо Цзи Туань Ю Сянь Гун Сы*, 2022. URL: <http://www.cssc.net.cn/> (accessed: 19.12.2022)

29. Чжун Хуа Жэнь Минь Гун Хэ Го Го Минь Цзин Цзи Хэ Шэ Хуэй Фа Чжань Ди Ши Сы Гэ Нянь Гуй Хуа Хэ Нянь Юань Цзин Му Бяо Ганъяо 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和 2035年远景目标纲要 (14-й пятилетний план народно-экономического и социального развития Китайской Народной Республики и наброски перспектив до 2035 г.). [Zhong Hua Ren Min Gong He Guo Min Jin Ji He She Hui Fa Zhan Di Shi Si Ge Nian Gui Hua He Nian Yuan Jing Mu Biao Gangyao (The Fourteenth Five-year Plan for the National Economic and Social Development of the People's Republic of China and the Outline of the Long-term Goals for 2035.). (in Chinese)] // *Чжун Хуа Жэнь Минь Гун Хэ Го Чжунъян Жэнь Минь Чжэн Фу*, 13.03.2021. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (accessed: 19.12.2022)
30. Чуань Бо Да Ци У Жань У Пай Фан Кун Чжи Цюй Ши Ши Фанъянь (2018) 船舶大气污染物排放控制区实施方案 (2018) (План реализации для зон контроля выбросов загрязняющих веществ в атмосферу с судов (2018)). [(Implementation Plan of Ship Air Pollutant Emission Control Zone (2018)). (in Chinese)] // *Чжун Хуа Жэнь Минь Гун Хэ Го Хай Ши Цюй Банъо Н Ши*, 2018. URL: <https://www.msa.gov.cn/public/documents/document/mte1/odi0/~edisp/20190124115824222.pdf> (accessed: 21.12.2022)
31. Чуань Бо Юй Ган Коу У Жань Фан Чжи Син Дун Фанъянь (2015–2020) Нянь 船舶与港口污染防治行动方案 (2015–2020 (年) (План действий по предотвращению и контролю загрязнения с судов и портов (2015–2020)). [Chen Bo Yu Gang Kou Wu Ran Fan Zhi Xing Dong Fang'an (2015–2020) Nuan (Action Plan for the Prevention and Control of Ship and Port Pollution (2015–2020 (year)). (in Chinese)] // *Чжун Хуа Жэнь Минь Гун Хэ Го Чжунъян Жэнь Минь Чжэн Фу*, 2016. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2016/content_5038094.htm (accessed: 17.12.2022).
32. Ша Мэнь Юань Хай Ма Тоу 厦门远海码头 (Пирс Сямэнь Юаньхай). [Sha Man Yuan Hai Ma Tou (Xiamen Yuanhai Pier). (in Chinese)] // *Fujian Daily Newspaper Group*, 2019. URL: http://xm.fjsen.com/wap/2019-08/09/content_22594962.htm (accessed: 19.12.2022)
33. Шан Хай Го Цзи Цзинь Коу Цзяо И Фу У Ю Сянь Гун Сы Шан Ци Ань Ци У Лю Гу Фэнь Ю Сянь Гун Сы 上海国际进口交易服务有限公司, 上汽安吉物流股份有限公司 (Шанхайская международная торговая компания по импорту, ООО). [Shanghai Guo Ji Jin Kou Jiao And Fu Wu Yu Xian Gong Si Shang Qi, An Ji Wu Liu Gu Fen Yu Xian Gong Si (Shanghai International Import Trading Service Co., Ltd. (in Chinese)] // *SAIC Anji Logistics Co., Ltd.*, 2022. URL: <https://anji-logistics.e-ciie.com/cn/index.html> (accessed: 17.12.2022)
34. Шан Хай Сян Кэ Цзи Чэн Го Жун Хо Нянь Ду Го Цзя Кэ Сюэ Цзи Шу Цзян 上海48项科技成果荣获2020年度国家科学技术奖! (48 научных и технологических достижений в Шанхае получили Национальную премию в области науки и техники за 2020 год!). [Шан Хай Сян Кэ Цзи Чэн Го Жун Хо Нянь Ду Го Цзя Кэ Сюэ Цзи Шу Цзян (48 scientific and technological achievements in Shanghai won the 2020 National Science and Technology Award!). (in Chinese)] // *Шан Хай Шу Цин Пу Цюй Жэнь Минь Чжэн Фу*, 03.11.2021. URL: <https://www.shqp.gov.cn/sciengzdt/20211111/899679.html> (accessed: 20.12.2022)
35. Ши Ичэнь 施懿宸, Цзинь Лэй 金蕾, Чжоу Сыюань 周思源 (2021). Тань Чжун Хэ Бэй Цзин Ся Во Го Люй Сэ Ган Коу Цзянь Шэ Чжи Чу Бу Тань Тао 碳中和背景下我国绿色港口建设之初步探讨 (Предварительное обсуждение строительства

- зеленых портов в стране на фоне углеродной нейтральности // *Finance china*, 28.10.2021). [Shi Chen, Jin Lei, Zhou Xuan (2021). Tan Zhong He Bei Jing Xia Wo Guo Lui Se Gang Kou Jian She Zhi Chu Bu Tan Tao (Shi Yichen, Jin Lei, Zhou Siyuan. Preliminary discussion on the construction of Green Ports in China in the context of carbon neutrality) // *Finance china*, 28.10.2021 (in Chinese)]. URL: <http://finance.sina.com.cn/zl/china/2021-10-28/zl-iktzqtyu3987018.shtml> (accessed: 21.12.2022)
36. Шуй У Жэнь Фан Чжи Син Дун Цзи Хуа 2015 水污染防治行动计划, 2015 (План действий по предотвращению и контролю загрязнения воды, 2015). [Shui Wu Ren Fan Zhi Xing Dong Jia Hua, 2015 (Water Pollution Prevention and Control Action Plan, 2015). (in Chinese)] // *Чжун Хуа Жэнь Минь Гун Хэ Го Чжунъян Жэнь Минь Чжэнь Фу*, 16.04.2015. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-04/16/content_9613.htm (accessed: 22.12.2022)
37. «Ян Шань Сы Ци Чао Да Син Цзы Дун Хуа Цзи Чжуан Сян Ма Ту»: Жу Хэ Чжань Шан Ши Цзе Цзы Дун Хуа Ма Ту Дэ Гао Фэн “洋山四期超大型自动化集装箱码头”: 如何站上世界自动化码头的高峰? («Яншаньский сверхбольшой автоматизированный контейнерный терминал фазы IV»: как удержаться на вершине мировых автоматизированных терминалов?). [“Yang Shan Si Qi Chao Da Xing Tzu Dong Hua Ji Chuang Xiang Ma Tou”: Zhu He Zhan Shan Shi Tse Tzu Dong Hua Ma Tou De Gao Feng (“Yangshan Phase IV Ultra-large Automated Container Terminal”: How to stand on the peak of the world's automated terminal?). (in Chinese)] // *Шан Ган Цзи Туань*, 08.06.2021. URL: <https://www.portshanghai.com.cn/yszt/2002.jhtml> (accessed: 20.12.2022)
38. China Becomes Third Country To Develop Floating Nuclear Reactor; Claims It Can Withstand The «Rarest Of Rare» Storms // *Eurasiantimes*, 15.12.2021. URL: <https://iqiqis.com/archives/295716> (accessed: 17.12.2022)
39. CMA CGM Group // *CMA CGM Group*, 2022. URL: <https://www.cma-cgm.com/> (accessed: 23.12.2022)
40. CMA CGM SORBONNE: Ninth 23,000 TEU LNG-powered vessel // *CMA CGM Group.*, 30.06.2021. URL: <https://www.cmacgm-group.com/en/news-media/cma-cgm-sorbonne-ninth-23000-teu-lng-powered-vessel> (дата обращения: 17.12.2022)
41. EXMAR Shipmanagement. URL: <https://www.exmar.com> (accessed: 17.12.2022)
42. Guangzhou Shipyard International Co., Ltd (GSI). URL: <http://gsi.cssc.net.cn/en/> (accessed: 17.12.2022)
43. Hudong-Zhonghua Shipbuilding // *Hudong-Zhonghua Shipbuilding (Group) Co., Ltd.*, 2022. URL: http://hz-shipgroup.cssc.net.cn/hz_en/component_general_situation/ (accessed: 17.12.2022)
44. Jiangnan delivers the first LPG fueled VLGC to Exmar // *Chinashipbuilding*, 2022. URL: [http://www.chinashipbuilding.cn/info.aspx?Kj_U0NE\\$ZvEjucCkAmOfapkluyukkpp4BCSbb](http://www.chinashipbuilding.cn/info.aspx?Kj_U0NE$ZvEjucCkAmOfapkluyukkpp4BCSbb) (accessed: 17.12.2022)
45. Jiangnan delivers the first LPG fueled VLGC to Exmar // *Jiangnan Shipyard (Group) Co., Ltd.*, 28.06.2021. URL: <http://www.chinashipbuilding.cn/info.aspx?0!DLYvcVBDRMl8VVerQapkluyukkpp4BCSbb> (accessed: 17.12.2022)
46. Order Book // Jiangnan Shipyard (Group) Co., Ltd., 2022. URL: [http://www.chinashipbuilding.cn/info.aspx?cqYR3KySgNb\\$Ce!ILEUyapkluyukkpp4csFcacqYR3KySgNanmkhTk8Pl4ENapoljjSLPHH4J](http://www.chinashipbuilding.cn/info.aspx?cqYR3KySgNb$Ce!ILEUyapkluyukkpp4csFcacqYR3KySgNanmkhTk8Pl4ENapoljjSLPHH4J) (accessed: 17.12.2022)

47. Very Large LPG Carrier (VLGC) // *Jiangnan Shipyard (Group) Co., Ltd.*, 2022. URL: [http://www.chinashipbuilding.cn/info.aspx?Kj_U0NE\\$ZvEjucCkAmOfapklujyukkpr4csFcaKj_U0NE\\$ZvanmkhTk8PI4ENapoljjISLPHH4c](http://www.chinashipbuilding.cn/info.aspx?Kj_U0NE$ZvEjucCkAmOfapklujyukkpr4csFcaKj_U0NE$ZvanmkhTk8PI4ENapoljjISLPHH4c) (accessed: 17.12.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Семенова Нелли Кимовна –
канд. полит. наук, старший научный
сотрудник Отдела экономических
исследований, Институт
востоковедения Российской академии
наук, г. Москва, Россия

Semenova Nelli K. – PhD (Polit.),
Senior Researcher, Institute of Oriental
Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17.01.23. Одобрена после рецензирования
и принята к публикации: 27.02.2023. Опубликована: 28.04.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 17.01.23. Approved after peer reviewing
and accepted for publication: 27.02.2023. Published: 28.04.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

ПОЛИТИКА

POLITICS

Научная статья. Политические науки
УДК 321
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-090-103>

ПОТЕНЦИАЛ СЕТЕВОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ДИНАМИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОРЯДКОВ АФГАНИСТАНА

Валентина Вячеславовна Комлева

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, Москва, Россия,
komleva@nicrus.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

Мохаммад Омар Нессар

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
nessar@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4236-0886>

Аннотация. В статье предлагается новый взгляд на особенности социального устройства афганского общества, предпринимается попытка анализа происходящих за последние 40 лет событий в Афганистане с применением сетевого подхода. Рассматривается динамика политических порядков в рамках выделенных пяти исторических периодов в период с 1979 г. по 2022 г. Афганское общество рассматривается через сети: гражданские, религиозные, этнические, племенные, медиасети, политические и другие. С целью выяснения степени влияния сетей на политические порядки авторы сгруппировали афганские сети по продолжительности их влияния на общественно-политическую жизнь Афганистана. Учитывая степени влияния сетей, все афганские сети делятся на две группы: константные и временные. Авторы приходят к выводу, что временные сети не могли составить длительную значимую конкуренцию константным сетям в части общественного и политического влияния.

Ключевые слова: Афганистан, афганское общество, сетевой подход

Для цитирования: Комлева В. В., Нессар М. О. Потенциал сетевого подхода в исследовании динамики политических порядков Афганистана. *Восточная аналитика*. 2023;14(1):90-103. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-90-103>.

Original article. Politics studies

THE POTENTIAL OF THE NETWORK APPROACH IN THE STUDY OF THE DYNAMICS OF THE POLITICAL ORDER OF AFGHANISTAN

Valentina Komleva

National Research Institute for the Development of Communications, Moscow, Russia,
komleva@nicrus.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

Omar Nessar

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
nessar@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4236-0886>

Abstract. The article offers a new view on the features of the social structure of the Afghan society, an attempt is made to analyze the events taking place in Afghanistan over the past 40 years using a network approach. The dynamics of political orders within five historical peri-

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

ods from 1979 to 2022 is considered. Afghan society is viewed through networks: civil, religious, ethnic, tribal, media networks, political and others. In order to determine the degree of influence of networks on the political order, the authors grouped Afghan networks according to the duration of their influence on the socio-political life of Afghanistan. Given the degree of influence of networks, all Afghan networks are divided into two big groups: permanent and temporary. The authors come to the conclusion that temporary networks could not compete with permanent networks in terms of social and political influence for a long time.

Keywords: Afghanistan, Afghan society, Afghan networks

For citation: Komleva V. V., Nessar M. O. The potential of the network approach in the study of the dynamics of the political order of Afghanistan. *Vostochnââ analitika = Eastern Analytics*. 2023;14(1):90-103. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-90-103>.

Сетевой подход, разработанный изначально в социологии, а затем активно используемый для анализа политических, международных, региональных проблем [Пауэлл, Смит-Дор, 2003; Олескин, 2012; Сморгун, Шерстобитов, 2014; Brandes, Robins, Mc Cranie, 2013; Lupeng, 2021] показал высокий дескриптивный и объяснительный потенциал в исследованиях общественно-политических процессов. Его применение при анализе политических порядков в Афганистане выявило тесные связи политической динамики с особенностями и поведением гражданских сетей¹ афганского общества, а также позволяет сформулировать ряд гипотез относительно развития политических процессов в Афганистане. Этапность и методика исследования описана авторами в статье «Афганская модель децентрализованных сетевых структур: взгляд на динамику политических порядков в Афганистане» [Нессар, Комлева, 2022]. В данной статье изложены некоторые результаты исследования, подтверждающие нашу гипотезу, согласно которой в Афганистане сложилась своеобразная децентрализованная сетевая структура общества, понимание которой дает ключ к раскрытию причин ряда общественно-политических процессов и событий. В частности, понимание причин повторяющихся циклов прихода и ухода традиционалистских сил, зарождения и угасания модернистских моделей афганского общества.

Сетевая структура афганского общества

Современное афганское общество представляет собой систему пересекающихся локальных и трансграничных социальных, политических, экономических, религиозных, террористических, информационных и иных сетей. Показателем трансграничности является располо-

¹ Под сетью мы понимаем добровольные, неиерархичные, самоопределяющиеся социальные образования, участники которых собираются на основе сходства интересов и формируют между собой особый тип схожего и самоконтролируемого социального поведения.

жение сетевого узла (или нескольких узлов) за пределами Афганистана. Например, среди гражданских сетей НПО в период Исламской Республики Афганистан трансграничными считались сети Global Rights (GR), Institute For War and Peace Reporting, Support Children and Afghan Women Needs ORG, Afghanistan Women and Children Partners. Среди этнических сетей трансграничны, например, таджикские диаспоральные узлы (памирцы, гератцы). Среди террористических сетей отметим международную сеть Аль-Каида*, региональные сети Пакистанское крыло талибов* и Исламское движение Узбекистана*, на страновом уровне – сеть Хаккани* и ИГИЛ-Х*. Политические сети (партийные, правительственные) и сети безопасности действуют на страновом уровне. Однако имеют тесные связи с политическими сетями в регионе и на международном уровне. Примеры указанных сетей далеко не исчерпывают всего многообразия выявленных нами локальных и трансграничных сетей.

Условно все афганские сети можно поделить на две группы – константные и временные, не исключая переходные состояния некоторых из них. Устойчивую основу сетевого общества Афганистана составляют константные социальные сети, представленные этническими, племенными, клановыми, религиозными структурами (см. рис. 1).

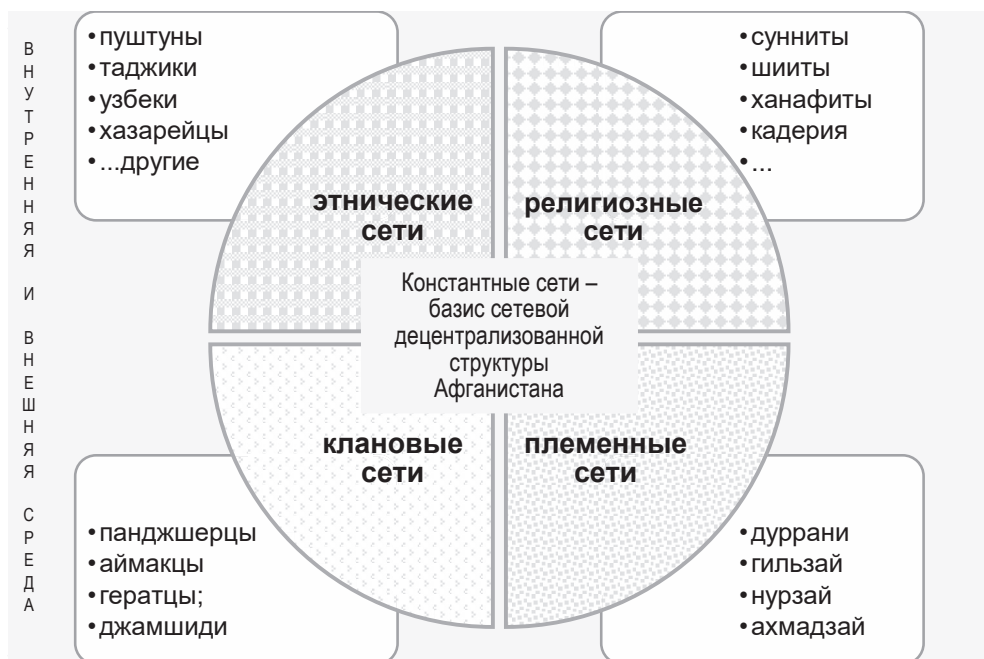

Рис. 1. Константные сети, воспроизводящиеся во всех политических порядках в разные исторические периоды – базис сетевой модели афганского общества

Структура константных сетей очень сложная, потому что каждая из них имеет сетевые узлы на первичном уровне, институционально не соединенные каким-то узлом более высокого порядка. Например, племя может иметь несколько уровней племенных групп и понять сетевые взаимодействия можно только в том случае, если дойти до первичных сетевых узлов. Сетевые узлы в племенных сетях образуются на уровне первичных племенных групп и представляют собой сложную сеть не только кооперационных, но и соперничающих отношений. Например, в племени дуррани (в частности, в племенных группах зирак (среди которых ачакзай находятся в Пакистане, а алькозай, муссазай, баракзай, поपालзай – в Афганистане) и панджпай (среди которых выделяются 18 подгрупп – нурзай, ализай, адузай, исхакзай, хатиани и др.). Между племенными группами могут быть устойчивые кооперационные связи, не устойчивые связи кооперационные, а могут быть конфликтующие взаимосвязи, сопровождающиеся периодическими военными столкновениями (в частности, между племенными группами ачакзай и нурзай) [Белокреницкий, 2022].

Специфика Афганистана в том, что сетевые структуры децентрализованы, распределены², основаны на сложных, устойчивых, часто исторически и культурно обусловленных отношениях, в которых преобладают горизонтальные формы обмена и которые не имеют единого центра управления и не являются иерархиями. Более того, по своей сути, они противостоят иерархиям. В частности, в Афганистане они могут ставить под сомнение доминирующую роль государственных институтов, норм политического порядка, и рассматривают государство как одного из акторов политических решений, но не как доминирующего и не детерминирующего актора. История Афганистана дает примеры восстаний племенных сетей, когда власть опиралась лишь на одно племя, проводила несправедливую (с точки зрения отдельных племен) политику и агрессивный курс по отношению к какой-то группе населения. Еще в период правления Ахмад Шаха в XVII в. недовольные пуштунские племена неоднократно поднимали восстания. Репрессивные меры власти в отношении племен и этносов становились причиной восстаний и в более поздние периоды: восстание хазарейцев 1893 г., восстание таджиков под руководством Хабибуллы Калакани в 1928 г., который на короткий период захватил власть. [Ганковский, 1958] Иными словами, константные сети нередко вступали в противоречие с государственными институтами, «оспаривая» его право вмешиваться

² Распределение может быть территориальным, этническим, языковым, по степени контроля над отдельными группами населения и др.

в их порядок и отставая свое право влиять на общество государство, а нередко и на государство. История Афганистана показывает, что социальный капитал константных сетей всегда оставался более мощным по сравнению с новыми сетями, которые неизменно превращались во временные.

Попытки построения новой сетевой архитектуры (ландшафта)

В разные исторические периоды разные политические силы пытались опираться как на константные сети, так и выстраивать альтернативную сетевую модель. Однако эти попытки не увенчались успехом. Удавалось сформировать лишь временные сети (сети в НПО, гражданских движений, партий, временные сети обеспечения безопасности новых политических сил и др.), которые не выдерживали конкуренции с константными.

Кросс-темпоральное сравнение включения разных видов гражданских сетей в политические процессы (использован метод асинхронического сравнения роли и значения сетей в политических порядках Афганистана, сложившихся в разное историческое время) показывает значимое участие именно племенных сетей в смене политических порядков. Для сравнения мы выделили следующие исторические периоды, в рамках которых рассматривали соответствующие политические порядки:

- 1979–1992 годы (период внешнего контроля со стороны СССР, попытки внутренней советизации);
- 1992–1996 годы (период Гражданской войны);
- 1996–2001 годы (период прихода к власти талибов, внутренняя традиционализация общества);
- 2001–2021 годы (период внешнего контроля со стороны США, внутренняя либерализация);
- 2021–2022 годы (период второго прихода к власти талибов, внутренняя традиционализация общества).

Особенно активно формирование новых сетевых структур происходило в периоды внешнего присутствия.

США, наряду с опорой на внутренние политические сети (правительство, парламент), и такие временные сети, как сети обеспечения безопасности (армия и полиция, которые после ухода американцев пали), сети пропаганды, сети социализации (образование, воспитание), создавали свои сети пропаганды, сети СМИ и новых медиа, экономические сети (предпринимательские), сети гражданской коммуникации и др. Например, одним из главных направлений работы США в Афганистане было создание новой инфраструктуры СМИ. Значительная часть круп-

ных национальных СМИ была создана и существовала на средствах иностранных государств, (в основном – при поддержке США). Прозападные СМИ в меньшей степени завесили от местных политиков и по качеству своего контента были более общественно привлекательными. Местные СМИ (созданные при западной поддержке) в обязательном порядке транслировали западные публикации. Местные ТВ (в городах) и радиостанции (в селах) фактически были ретрансляторами западного контента среди местного населения, не обладающего английским языком. Страны региона также предпринимали попытки создания лояльных медийных сетей для оказания влияния на общество и политические процессы, но по уровню влияния они уступали прозападным СМИ.

Другой пример – созданные США сети НПО. После свержения режима талибов (2001 г.) в стране было создано большое количество НПО и их влияние в определенные периоды было настолько велико, что афганские чиновники называли их «параллельным правительством» [Karzai: Nato wa Amrica dawdalte mawazi dar Afghanistan ijad karda and, 2010]. Основными направлениями работы НПО были: образование, медицина, права человека, гендерные вопросы, развитие новых медиа, культурные программы, развитие предпринимательства и бизнес-инициативы и др. НПО оказывали большое давление на правительство, поэтому в разные периоды (особенно при Карзае) афганские власти предпринимали попытки контролировать деятельность НПО, изменяя законодательство, но эти попытки не давали ожидаемого результата. Влияние НПО в Афганистане начало снижаться сразу же после начала процесса вывода войск НАТО из страны (2014 г.) и последующего сокращения финансирования НПО и выхода США из Афганистана. Вероятно, после прихода к власти талибов в 2021 году количество НПО достигло минимального уровня после 2001 г. Однако пока рано говорить о полном прекращении деятельности НПО. Публичная и непубличная деятельность активистов гражданского общества (например, женских организаций) и ряда новых медиа свидетельствуют о том, что НПО оказывают определённое влияние на обстановку и до сих пор поддерживаются из-за рубежа.

Отметим, что сетевые структуры создавались и в период присутствия СССР. В период советского присутствия трансформировалась и укреплялась имеющаяся политическая партийная сеть (с опорой на правящую партию – НДПА) и создавались новые сети, имеющие высокий социализирующий потенциал (работали через школы и иные образовательные и просветительские учреждения). Созданные СССР сети безопасности стали временными, действующими только на период присутствия СССР.

Отношения константных и временных сетей

Проведенный анализ показал, что временные сети не могли составить длительную значимую конкуренцию константным сетям в части общественного и политического влияния. Новые гражданские сети не смогли сыграть существенную роль в стабилизации действующего политического порядка и оказались временными, как и сам этот порядок. Константные же сети, используя свой социальный капитал, несли и несут свой «порядок» (нормы и правила общественных отношений) в каждый вновь устанавливающийся политический порядок.

На определённых этапах, константные и временные сети могут создавать ситуативные альянсы для решения какой-либо общей задачи. Так, на протяжении последних двадцати лет традиционно перед выборами формировались политические блоки («Право и справедливость», «Коалиция Национального Фронта Афганистана», «Национальная коалиция» и т. д.), в которые входили политики-представители разных этнических сетей. Подобные альянсы после выборов всегда распадались. Альянсы создавались новыми политическими акторами, как после вывода советских, так и после вывода американских сил. Но и эти альянсы были временными. Интересно, что «афганский случай» не подтверждает теоретическую гипотезу, согласно которой возникновение альянсов сетей имеет следствием характерную для них закономерность – стремление сетей к кооперации, во время которой может формироваться *новая идентичность, обуславливающая кооперативные, а не враждебные отношения между сетями*. В отношении этнических, племенных, клановых, религиозных сетей Афганистана эта гипотеза не подтверждается. Кооперации этого типа афганских сетей идут по другому сценарию – по «контрактному сценарию», в котором сетевые структуры временно объединяются вокруг какой-то задачи (проблемы), не теряя при этом своего структурно-организационного суверенитета и социальной идентичности. Временная кооперация необходима сетям для усиления своего социального капитала и давления на другие структуры и институты общества.

Примером может служить межэтническое и межплеменное укрепление внутри талибов во время их вооруженной борьбы против иностранцев: когда их объединяла общая цель – борьба против общего противника вкупе с недовольством правящим режимом (присоединяющие к талибам таджики и узбеки могли не разделять их главную цель, иметь другой сетевой матрикс, однако могли быть недовольными правящим режимом или своими лидерами). Иными словами, Талибан* периодически объединял разные сети, но так не стал монолитным движением с этнической, религиозной и племенной точек зрения. Хотя туда вхо-

дили таджики и узбеки с севера (пример временной консолидации этнических децентрализованных сетей) и есть сведения о вхождении в ряды талибов салафитов (пример временной религиозной сетевой консолидации). Такая децентрализованная сеть движения талибов повышала эффективность движения в годы вооруженной борьбы и, пожалуй, стала одним из главных факторов успехов движения. Благодаря межэтнической и религиозной консолидации талибы резко расширили подконтрольную им зону, активизируя свою деятельность на севере страны, используя ресурсы и социальный капитал присоединившихся сетей.

В настоящее время, когда Талибан предпринимает попытки трансформации из террористической сети в политическую, с его стороны запускаются сложные, но вероятно закономерные, внутренние процессы, направленные на усиление централизации сетей вокруг Талибана и их иерархизации с лидером в лице Талибана. С нашей точки зрения, высока вероятность того, что эти попытки не увенчаются успехом, потому что характерная для афганского общества децентрализация сетей с присутствующей им неиерархичностью вернётся к своему исходному стоянию, как это было в предыдущие периоды. Раскол между сетью Хаккани*, состоящей в основном из представителей племени гильзай, и представителями племени дуррани, свидетельствует об усилении межплеменного противоречия. Недовольство талибов-узбеков [Detained Islamic Emirate Commander..., 2022] и талибов-таджиков [Политика недели: У-ТАПИ-ческие проекты, 2021] можно трактовать как усиление межэтнического противоречия внутри движения. Это дает основание полагать, что децентрализованная сетевая модель характерна и для террористических сетей³ и она оказывается успешной в борьбе с политическими институтами – с действующими иерархиями и политическим порядком. Однако она не способна стать основой устойчивости политической системы и нового политического порядка. На смену политических порядков в Афганистане оказывают глубинное влияние именно константные

³ По данным Исследовательской службы Конгресса США (август 2021 г.) (<https://sgp.fas.org/crs/row/IF10604.pdf>), на территории Афганистана действовали по меньшей мере 7 террористических организаций (Аль-Каида, Ячейка Аль-Каиды на Индийском субконтиненте, ИГИЛ-Хорасан, Сеть Хаккани, ИДУ, Пакистанское крыло талибов, ИДВТ). После захвата власти в августе 2021 года количество террористических организаций формально уменьшилось, так как сеть Хаккани можно отнести к фракциям движения «Талибан», установившего контроль над страной. Однако следует учитывать, что они остаются самостоятельными узлами террористической сети. Структурные расчеты террористических сетей на международном уровне затруднены, так как разные страны по разному оценивают террористов. В США движение «Талибан» не считается террористической организацией, а сеть Хаккани считается отдельной организацией, признанной террористической. Однако само движение «Талибан» считает сеть Хаккани частью своей сети и в качестве доказательства они указывают на присутствие лидеров Хаккани в руководстве движения «Талибан». В России сеть Хаккани считается отдельной организацией, а пакистанское крыло чаще всего рассматривают как союзника движения «Талибан».

сети. Это влияние происходит благодаря такому феномену, как *социальный капитал сети*⁴. Именно социальный капитал является основным ресурсом сети и определяет уровень ее влияния на политические процессы и Афганистан в этом случае – не исключение.

Централизация как попытка повышения управляемости сетевых структур

Проведенный анализ показал, что с точки зрения сетевого подхода Афганистан представляет собой общество децентрализованных сетевых структур. В афганской модели эти сети рассматривают государственные ресурсы с точки зрения возможности их использования в своих интересах. Используя механизмы давления, сети заставляют государство обмениваться этими ресурсами или же захватывают само государство. В свою очередь, государство пытается использовать имеющиеся у него ресурсы для укрепления своих позиций, повышения управляемости сетей. Чаще всего государство использует известный механизм иерархизации отношений власти и общества и централизации сетей.

Успех такого механизма зависит от способности государства обладать и распределять ценные ресурсы. В первую очередь, речь идет о материальных ресурсах, критически значимых для людей в странах с высоким уровнем бедности. Учитывая то, что поступление ресурсов в Афганистан связано с внешней помощью, мы предполагаем, что стремление государственных институтов Афганистана контролировать распределение внешней помощи является одной из попыток установления контроля над сетями и их централизации. При отсутствии у власти ценных для афганского общества ресурсов, теряется возможность контроля сетей. А при отсутствии контроля и ценных ресурсов снова усиливается децентрализация сетевых структур. Этим обстоятельством отчасти можно объяснить усилившиеся сепаратистские настроения в афганской элите и кризис легитимности власти (рост центробежных тенденций мы уже наблюдали после сокращения внешней финансовой помощи в 1989 году после ухода СССР и 2014 году после начала вывода сил западной коалиции [Нессар, 2018]).

На каждом новом этапе перехода власти в Афганистане от одних политических сил к другим, на этапе формирования нового политического порядка политическая элита стремится восстановить традицион-

⁴ Опираясь на исследования Пьера Бурдьё, Джеймса Коулмена, Роберта Патнэма, Бо Ротштейна и ряда других авторов, мы определяем социальный капитал сети как совокупность ее ресурсов, основанных на тесных (иногда родственных) социальных связях, дающих эффект эмерджентности и кумулятивный результат, которые позволяют сети осуществлять такое социальное давление, каким не обладают отдельные, даже очень авторитетные и референтные личности.

ные иерархии и централизовать общественные и политические сети под своим контролем. И каждый раз строящиеся иерархии разрушаются под влиянием силы децентрализованных (в основном константных) сетевых структур, воспроизводящихся вне зависимости от действующих властных политических сил.

Нередко это может не совпадать с интересами действующей политической элиты и тогда сети попадают под жёсткий контроль государственных регуляторов, что, на наш взгляд, имеет мало шансов на длительный успех в Афганистане, так как сети живут по законам, отличным от иерархий. Примером недавних попыток запретить деятельность ряда сетей, интересы которых не совпадают с интересами властных политических сил Афганистана, являются правозащитные женские организации.

Выводы

Результаты применения сетевого подхода в исследовании афганского общества показывают его высокий объяснительный и прогнозный потенциал. Во-первых, сетевой подход позволяет выявить факторы динамики политических порядков, связанных с общественными процессами и общественными структурами Афганистана. Анализ процессов, происходящих в Афганистане в течение нескольких десятилетий, позволяет предположить, что существуют константные структуры в виде гражданских сетей, обладающие достаточным социальным капиталом, чтобы оказывать влияние на политические порядки. К таким сетям, прежде всего, относятся племенные и клановые сети. Влиятельность этих сетей напрямую зависит от их социального капитала. Социальный капитал сети представляет собой некий нематериальный актив, появившийся у сети как результат синергии отношений доверия, идентификации и лояльности между участниками, на основе которых возникает чувство принадлежности к своим, психология общинности, рефлекс следования за своими. Доверие является ключевым, цементирующим фактором сетей, на основе которого возникает кооперация участников сетевых отношений. За счет этого они быстро мобилизуются на поддержку или изменение политического порядка.

Во-вторых, сетевой подход позволяет описать и смоделировать структуру афганского общества, выявив наиболее влиятельных акторов, установив их взаимосвязи между собой и с другими акторами. Сетевые децентрализованные структуры составляют базис своеобразного гражданского общества Афганистана, которое взаимодействует с иерархическими властными структурами, содействуя или препятствуя реализации ими своих задач. Сетевые структуры Афганистана способны к результативному противостоянию властным иерархиям и к дестаби-

лизации ситуации, соревнуясь с ними. Речь идет об особом типе структурирования социальных связей, имеющих неслучайный, самоподдерживающийся и самовоспроизводящийся характер.

В-третьих, сетевой анализ раскрывает специфику взаимоотношений сетей. Анализируя Афганистан, мы имеем дело с неким паттерном связей и отношений (изначально характерном для племенных и клановых сетей, а затем проникшим в политические и общественные структуры), проявляющимся в реальных практиках в каждом новом политическом порядке и носящим не хаотичный, а регулярный характер.

Сетевые децентрализованные структуры, по сути своей, отрицающие иерархии, периодически используют свои ресурсы и социальный капитал для борьбы с иерархиями, в частности с государственной властью (по природе своей иерархичной). Децентрализованные сети оказываются более успешными в установлении и смене политических порядков, чем централизованные иерархические структуры.

Как только формируется пул политических лидеров – руководителей государства, они предпринимают попытки иерархизации отношений с сетями и в сетях. С этого момента сети теряют общее начало и снова децентрализуются. Начинается новый виток борьбы сетей и иерархий. Ключевую роль в этом процессе играют константные сети (основанные по этническим, племенным, клановым, религиозным признакам). Попытки каждой новой власти сформировать новые гражданские сети (например, НПО, СМИ) и вытеснить константные сети, были временны и мало успешны. Особенность афганского общества заключается в критически значимой роли константных сетей в установлении и смене политических порядков.

Игнорирование политическими силами роли, значения, интересов, социального капитала и ресурсов специфической сетевой децентрализованной структуры афганского общества или попытки ее замены на другую модель, на наш взгляд, являются большой ошибкой и одной из причин крушения каждого очередного политического порядка и сил, находящихся у власти в Афганистане в разные исторические периоды.

Литература / References

1. Акимбеков С. М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. – Алма-Ата: КИСИ, 2003. – 163 с.
2. Барсукова С. Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. Препринт WP4/2004/02 – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 52 с.
3. Белокреницкий В. Я. Пуштуны и пуштунские племена Афганистана и Пакистана – численность и расселение / Вестник Института востоковедения РАН (№ 19), 2022. С. 12–25.

4. Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М.: ИВ РАН, 2014. – 216 с.
5. Босин Ю. В. Афганистан: Полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте. М., 2002. – 232 с.
6. Ганковский Ю. В. Империя Дуррани. М.: Мысль, 1958. – 173 с.
7. Катков И. Е. Социальные аспекты племенной организации пуштунгов // Афганистан. История, экономика, культура. М., 1989. С. 39–57.
8. Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2004. – 581 с.
9. Лалетин Ю. П. Политсистема Афганистана как идеальный тип: воздействие племен – М.: МГИМО, 2008. – 105 с.
10. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
11. Михайлова О. В. Политические сети: Проблема эффективности и демократичности политических альянсов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2011. № 3. С. 44–58.
12. Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 63.
13. Нессар М. О. Правительство национального единства в Афганистане / Вестник Института востоковедения РАН (№ 3), 2018. С. 145–154.
14. Нессар М. О. Этноплеменной фактор и политический процесс в современном Афганистане // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке № 9. М.: ИВ РАН, 2015. С. 379–383.
15. Нессар М. О., Комлева В. В. Афганская модель децентрализованных сетевых структур: взгляд на динамику политических порядков в Афганистане. // Обозреватель – Observer. 2022. – № 2. С. 50–71. DOI: 10.48137/2074–2975_2022_02_50.
16. Олескин А. В. Сетевое общество и сетевые парадигмы в биосистемах. О сетевом социализме. DOI: libre.life/cracy/net/oleskin/1/ru.
17. Олескин А. В. Сетевые структуры в биосистемах и человеческом социуме. Научная монография и учебное пособие для лицеев, колледжей и университетов. – М.: Издательство URSS, 2012. – 280 с.
18. Пластун В. Н. Пуштуны и их роль в политической жизни // Азия и Африка сегодня. М., 1995, № 10. С. 49–50.
19. Подшибякина Т. А. Диффузионные политические сети: динамические аспекты сетевой теории и практики // Политическая наука. 2021. № 4. С. 120. DOI: 10.31249/poln/2021.04.05.
20. Подшибякина Т. А. Диффузионные политические сети: динамические аспекты сетевой теории и практики // Политическая наука. 2021. № 4. С. 117–134. DOI: 10.31249/poln/2021.04.05
21. Ромодин В. А. Некоторые историко-демографические данные об афганском (пуштунском) населении Афганистана // Страны и народы Востока (№ 9), М.: Академия наук СССР. 1973.
21. Сморгунов Л. В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. 2001. № 3. С. 104. DOI: libre.life/cracy/net/oleskin/1/ru libre.life/cracy/net/oleskin/1/ru.

22. Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С. Политические сети: Теория и методы анализа. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. – 320 с.
23. Сморгунов Л. В. Сетевая теория политики и управления // Современная политическая теория. Методология / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. И. Никишина. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 233–261.
24. Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С. Политические сети: Теория и методы анализа: учебник для студентов вузов / Л. В. Сморгунов, А. С. Шерстобитов. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. – С. 16.
25. Borgatti S. P., Mehra A., Brass D. J., Labianca G. Network analysis in the social sciences. *Science*. 2009, Vol. 323, № 5916, P. 892–895. DOI: 10.1126/science.1165821.
26. Brandes U., Robins G., Mc Cranie A., Wasserman S. What is network science? // *Network Science*, 2013, № 1 (1), p. 1–15, 2013. DOI: 10.1017/nws.2013.2.
27. Castells M. *The rise of the network society*. Oxford: Blackwell publishers, 1996. 656 p.
28. Holland P. W., Leinhardt S. A dynamic model for social networks. *Journal of mathematical sociology*. 1977, Vol. 5, N1, P. 5–20. DOI: 10.1080/0022250x.1977.9989862.
29. Lupeng Z., Chen W. How do innovation network structures affect knowledge sharing? A simulation analysis of complex networks. *Complexity*. 2021, Vol. 21, P. 17. DOI: 10.1155/2021/5107630.
30. Netelenbos B. Bringing back Max Weber into network governance research. *Critical policy studies*. 2020, Vol. 14, № 1, P. 67–85. DOI: 10.1080/19460171.2018.1523738.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Олескин А. В. Сетевые структуры и задача сохранения этнической и региональной идентичности в условиях глобализации // Сайт о биополитике. 2008. URL: <http://biopolitika.ru/publ/2-1-0-46> (дата обращения: 11.08.2022).
2. Олескин А. В., Курдюмов В. С. Мегасети и сетевая идеология // Стратегия24. URL: <https://storage.strategy24.ru/files/news/202106/3fdd5e40bec1ddad07e7894185aea32e.pdf> (дата обращения: 11.08.2022).
3. Олескин А. В., Курдюмов В. С. Мегасети и сетевая идеология // Стратегия24. URL: <https://storage.strategy24.ru/files/news/202106/3fdd5e40bec1ddad07e7894185aea32e.pdf> (дата обращения: 11.08.2022).
4. Пауэлл У., Смит-Дор Л. Сети и хозяйственная жизнь // *Экономическая социология*. Май 2003(№ 3). URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204949/ecsoc_t4_n3.pdf (дата обращения: 01.02.2023).
5. Политика недели: У-ТАПИ-ческие проекты // *Афганистан.Ру*, 29.11.2021. URL: <https://afghanistan.ru/doc/147214.html> (дата обращения: 12.06.2022).
6. Detained Islamic Emirate Commander Brought to Kabul // *ToloNews*, 16.01.2022. URL: <https://tolonews.com/afghanistan-176332> (accessed: 02.10.2022).
7. Karzai: Nato wa Amrica dawdalte mawazi dar Afghanistan ijad karda and // *payame aftab news agency*. 8.02.2010. URL: <https://www.payam-aftab.com/fa/article/5339> (accessed: 10.01.2023). На перс. яз.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Комлева Валентина Вячеславовна – **Valentina Komleva V.** – DSc (Soc.),
д-р социол. наук, профессор, Deputy director on scientific work
заместитель директора of the National Research Institute
по научной работе, Национальный of Communications Development,
исследовательский институт развития Moscow, Russia
коммуникаций, Москва, Россия

Нессар Мохаммад Омар – канд. ист. **Omar Nessar M.** – PhD (History), Senior
наук, старший научный сотрудник, Researcher, Institute of Oriental Studies,
Институт востоковедения Российской Russian Academy of Sciences, Moscow,
академии наук, Москва, Россия Russia

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 31.10.22. Одобрена после рецензирования
и принята к публикации: 20.02.2023. Опубликовано: 28.04.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 31.10.22. Approved after peer reviewing
and accepted for publication: 20.02.2023. Published: 28.04.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 323.22
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-104-111>

ПРОТЕСТЫ В МОНГОЛИИ 2022 ГОДА И РЕАКЦИЯ ВЛАСТЕЙ НА НИХ: ДЕМОКРАТИЯ КОНСЕНСУСА ЭЛИТ?

Борис Хабижевич Кушхов

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
boris.kushkhov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5976-7749>

Аннотация. В статье изучается опыт реакции ключевых органов власти в Монголии на массовые протесты населения, состоявшиеся в декабре 2022 года. Исследование рассматривает комплекс мер, принятых для ограничения коррупционной деятельности в стране, а также риторику выступлений президента, премьер-министра, а также депутатских групп Великого Государственного Хурала, с целью оценки степени инициативности и эффективности ключевых политических институтов при решении острых и актуальных проблем, с которыми сталкивается государство и общество. Прослеживается поверхностный и ситуационный характер ответных мер, принятых органами государственной власти, а также их нацеленность на умиротворение протестующих, а не на долгосрочную борьбу с системной коррупцией. Делается вывод о стремлении монгольских политиков поддерживать «статус-кво» в распределении политических полномочий между органами власти, об их неспособности эффективно бороться с коррупцией – как в силу интересов отдельных групп, так и из-за ряда особенностей политической системы Монголии, которая не приспособлена к резкому и оперативному реагированию на подобные кризисы. Из исследования причин подобной поверхностной реакции также проистекает вывод об утверждении в монгольском государственном аппарате системы «сдержек и противовесов», исключающих возможность активного реагирования на подобные кризисы, с целью недопущения пересмотра установленного «статус-кво» между политическими элитами. Исходя из этого, можно говорить о том, что «демократическая» политическая система всё ещё находится в стадии своего становления.

Ключевые слова: Монголия, коррупция, протесты, политика, Конституция

Для цитирования: Кушхов Б. Х. Протесты в Монголии 2022 года и реакция властей на них: демократия консенсуса элит? *Восточная аналитика*. 2023;14(1):104-111. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-104-111>.

Original article. Politics studies

PROTESTS IN MONGOLIA IN 2022 AND THE REACTION OF THE AUTHORITIES TO THEM: ELITE CONSENSUS DEMOCRACY?

Boris Kushkhov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
boris.kushkhov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5976-7749>

Abstract. The article examines the experience of the reaction of key authorities in Mongolia to the mass protests of the population that took place in December 2022. The study examines

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

a set of measures taken to limit corruption in the country, as well as the rhetoric of speeches by the president, prime minister, and deputy groups of the State Great Khural, in order to assess the degree of initiative and effectiveness of key political institutions in solving acute and urgent problems with which confronting the state and society. One can trace the superficial and situational nature of the response measures taken by the state authorities, as well as their focus on appeasement of the protesters, and not on the long-term fight against systemic corruption. The conclusion is made about the desire of Mongolian politicians to maintain the "status quo" in the distribution of political powers between authorities, about their inability to effectively fight corruption – both due to the interests of certain groups, and because of a number of features of the political system of Mongolia, which is not adapted to swift and rapid response to such crises. The study of the reasons for such a superficial reaction also leads to the conclusion that the Mongolian state apparatus has established a system of "checks and balances" that exclude the possibility of actively responding to such crises in order to prevent a revision of the established "status quo" between political elites. Based on this, we can say that the "democratic" political system is still in its infancy.

Keywords: Mongolia, corruption, protests, politics, constitution

For citation: Kushkhov B. Kh. Protests in Mongolia in 2022 and the reaction of the authorities to them: elite consensus democracy? *Vostochnaâ analitika = Eastern Analytics*. 2023;14(1):104-111. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-104-111>.

Введение

Монгольские протесты декабря 2022 года с самого своего начала заполучили довольно заметное место в международном научном и медиа пространстве. Поводом для них послужило раскрытие в конце ноября 2022 г. факта существования масштабной коррупционной схемы, связанной с нелегальным экспортом каменного угля (ключевой статьи монгольского экспорта) в Китай. В ходе демонстрации граждане Монголии выдвигали широкие экономические и политические требования: от призывов к оптимизации земельной ренты, прозрачности в экономической статистике и ужесточения антикоррупционного законодательства до требований отставки правительства и роспуска парламента страны. Политические требования в этой связи кажутся не случайными: Протестующие требуют наказания виновных, часть которых, по их предположению, восседает на депутатских и министерских креслах [Иргэдийн жагсаал ..., 2022].

5 декабря демонстрации в центре Улан-Батора были подавлены силовым путём, что можно воспринимать как крайне редкий случай в монгольской политической практике [Иргэдийн жагсаал..., 2022].

Большому числу обывателей факт насильственного разгона агрессивных народных масс в демократической и достаточно спокойной Монголии, представлялся практически невыносимым. Тем не менее, последние внутривластные события показывают наличие ширящегося спектра проблем и противоречий в молодой, но амбициозной демокра-

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

тии. В этом контексте, индикатором имеющихся трудностей является даже не столько сам факт масштабных протестов и их силового подавления, сколько механизмы и паттерны реагирования государственных органов страны, равно как и их ключевых должностных лиц.

Данное исследование посвящено рассмотрению реакции различных политических институтов Монголии на протесты декабря 2022 года. Ниже обобщены и рассмотрены реакции и меры, принятые Великим Государственным Хуралом, Правительством и Президентом Монголии.

Реакция Великого Государственного Хурала (Парламент Монголии)

Парламент страны, наряду с её Правительством, попал под самый значительный шквал обвинений и критики со стороны протестующих. На это есть свои основания: среднее по последним двум созывам совокупное состояние 76 членов Хурала составляет до 8% всего ВВП страны [Родионов, 2017, с. 14]. Следовательно, его депутаты удерживают в своих руках акции крупнейших национальных предприятий, в том числе и тех, которые напрямую причастны к обнаруженной коррупционной схеме. Тем не менее депутаты (в Монголии их называют членами) ВГХ пошли на некоторые меры, призванные удовлетворить пожелания митингующих. В частности, Великий Государственный Хурал Монголии в первые же сутки протестов принял закон о дополнительных мерах контроля за горнодобывающей промышленностью [Г. Занданшатар: Нүүрсний асуудлаар..., 2022]. Также, монгольские законодатели заявили о скором проведении публичных слушаний по вопросу о хищении угля [Г. Занданшатар: Нүүрсний асуудлаар..., 2022]. Парламентские группы двух крупнейших партий страны также собрали свои экстренные заседания, призвав парламент к участию в расследовании, а также потребовав наказания виновных. Однако их фракционная повестка здесь совпадает не по всем пунктам: в частности, парламентская группа представителей Демократической Партии (сейчас у неё парламентское меньшинство) осудила силовое вмешательство полиции в протесты и заявила о том, что ни при каких обстоятельствах не поддержит идею введения чрезвычайного положения в стране [О. Цогтгэрэл: Эрх баригчид..., 2022].

Тем не менее, «демократы» тоже не предлагают каких-либо масштабных политических преобразований, призванных не просто «наказать тех, кто пойман с поличным», но и положить конец системной коррупции. В этом плане их осуждение силовых мер и отказ от поддержки проекта, связанного с введением чрезвычайного положения, представляется не более чем попыткой заработать «политические очки» на происходящих событиях. Однако они провели в Хурал закон об организации гражданских митингов и мирных шествий без предварительного их

согласования с органами власти. Он тоже оставляет за рамками борьбу с системной коррупцией, но поощряет право населения на выражение гражданской позиции.

Таким образом, парламент, с трибун которого так часто обрушивается шквал критики в адрес представителей исполнительной власти во время межпартийных споров, всё же не стал возлагать ответственность за допущение подобной коррупционной схемы ни на правительство, ни на президента страны. Дальше исчерпания инцидента с конкретной (надо полагать, одной из многих) коррупционных схем действия Хурала не заходят. Как это видно из перечня принятых мер, они призваны скорее ограничить коррупцию на местах, нежели воздействовать на более высокие уровни. В конце концов, не было предпринято или предложено никаких мер по улучшению возможности отдельных ветвей власти реагировать на подобные кризисы. Обобщая сказанное, система, признавая имеющиеся изъяны, пока что отказывается от самореформирования, предлагая населению лишь исправление последствий этих самых изъянов.

Реакция Правительства Монголии и премьер-министра

Правительство Монголии, не меньше парламента раскритикованное митингующими, также не стремится осуществлять движения, выступающие за нынешний политический ландшафт, и демонстрирует полную солидарность с Хуралом. В частности, премьер-министр страны Л. Оюун-Эрдэнэ частично списывает волнения в Монголии на осложнение экономической ситуации в стране из-за западных санкций против соседа в лице РФ, а также на «неспокойную обстановку» у всё того же соседа [Л.Оюун – Эрдэнэ: Засгийн газрыг огцруулах..., 2022]. В своём выступлении он категорически отверг какие-либо разговоры об отставке правительства или роспуске парламента, отрицая политическую сторону данного кризиса [Л. Оюун – Эрдэнэ: Засгийн газрыг огцруулах..., 2022]. От самостоятельных инициатив премьер-министр также отказывается. В частности, он говорит о неспособности самостоятельно принять решение без получения одобрения у парламента, так как считает этот орган ключевым представителем общественного мнения в демократической политической системе [Л. Оюун – Эрдэнэ: Засгийн газрыг огцруулах..., 2022]. Однако, по мнению протестующих, значительная доля виновных в коррупционном скандале как раз-таки восседает в Хурале. Премьер министр также отказался называть имена чиновников и депутатов, причастных к хищениям, заявив о скором оглашении их национальными судебными органами [Нүүрсний асуудлаар 15 орчим..., 2022].

В свою очередь, на заседании правительства было принято решение о введении на крупнейшем угледобывающем предприятии «особого

режима». Как заявляют представители исполнительной власти, коррупция на предприятии осуществлялась как посредством уловок в договоре о добыче и экспорте, так и путём привлечения железнодорожных и автомобильных грузоперевозчиков [Нүүрсний асуудлаар 15 орчим..., 2022]. В адрес данной схемы уже проводится прокурорская проверка, а также готовятся материалы уголовного дела. А с целью недопущения подобных схем правительство уже разработало законы о продаже продукции горной добычи через специальные биржи, а также о введении прозрачной и публичной отчётности по доходам отрасли.

Политическая составляющая кризиса и тут остаётся за рамками официальных выступлений. Таким образом, можно с уверенностью говорить о нежелании правительства взять на себя инициативу по оптимизации политической системы: даже в условиях блокирования подобных попыток парламентом.

С одной стороны, в государстве с довольно существенными полномочиями законодательной ветви власти подобный сценарий крайне сложно рассматривать в качестве возможного. С другой, речь идёт не только о несовершенстве конституционного законодательства, но и о единстве политических и бизнес-элит.

В контексте соотношения позиций Правительства и Хурала нужно учитывать одно чрезвычайно важное обстоятельство: Правительство и Хурал очень тесно взаимосвязаны. По Конституции страны, политики могут одновременно занимать пост министра и при этом быть депутатами [Гусманов, Миннибаев, 2014, с. 14]. Также, ключевую роль в формировании этого самого правительства играет всё тот же Хурал [Гусманов, Миннибаев, 2014, с. 15]. Следовательно, если Хуралу не выгодно то или иное политическое решение, оно также не будет выгодно и части правительства. Как правило, это не удерживает два органа власти от значительного числа взаимных претензий, в особенности, возникающих на почве межпартийных споров. Однако когда вопрос встаёт о перспективе радикального пересмотра «статус-кво», которая отчётливо назревает в связи с необходимостью снизить уровень коррупции в стране, парламент и правительство демонстрируют неожиданно высокий уровень взаимной солидарности.

Реакция Президента

Президент У. Хурэлсух тоже не способен взять инициативу в свои руки и каким-либо образом вмешаться в существующий «договор элит» ради оптимизации механизмов государственного управления. «Население вправе знать о фактах коррупции. Виновные должны быть установлены и наказаны» – такой была ключевая (и самая резкая) цитата в его

выступлении 6 декабря [У. Хүрэлсүх: Нүүрсний хэргийн ..., 2022]. С одной стороны, подобными высказываниями Президент стремится успокоить протестующих. С другой, и он тоже плавно обходит вопросы противостояния системной коррупции.

На подобную «сдержанную» реакцию Президента также есть свои причины: любые его самовольные решения непременно будут встречены парламентом и правительством с осуждением. Более того, решительные меры в адрес коррумпированной элиты отпугнут от президента и часть гражданского общества: в современной Монголии сформировалось опасение усиления президентской власти, которое, по мнению граждан, может заложить основы тоталитарного политического режима в стране. Также, президент рискует осложнить свои отношения с Народной Партией (МНП), выдвиженцем которой он является. Имеется вероятность участия хотя бы одной бизнес-группировки (фракции) из её кадрового состава в «нелегальном экспорте».

В конце концов, за президентом даже не закреплена никаких особых рычагов давления на Хурал или правительство: любое президентское «вето» может быть преодолено двумя третями голосов парламента, который может, при достаточном уровне консолидации (в нынешней ситуации она весьма высока), даже отправить президента в отставку [Родионов, 2017, с. 73].

Выводы

Резюмируя сказанное, политическая элита страны демонстрирует консолидированную позицию, которая характеризуется как стремлением удовлетворить массы протестующих, так и уклонением от принятия системных антикоррупционных мер, по крайней мере, до завершения расследования конкретного угольного скандала. Большая часть монгольских политиков не желает пересматривать достигнутый в 1990–2000-е гг. компромисс политических и финансовых элит, сделавший возможным установление в Монголии демократической и «полицентрической» политической системы. В силу ряда особенностей современной политической системы в Монголии, которые изначально были призваны поддерживать этот компромисс и не допускать открытого противостояния политических и экономических групп, у монгольских политиков пока что нет легальных механизмов борьбы с коррупционными схемами.

Представляется очевидным то, что демократический проект в Монголии пока не достиг качественного перехода от стадии «консенсусного» соглашения между наиболее влиятельными финансово-политическими группами, имеющими прямой доступ к политическим рычагам, к инклюзивной и устойчивой демократической модели. Иными словами, доста-

точно децентрализованный конгломерат политико-финансовых элит Монголии по-прежнему поддерживает соглашение о «статус-кво» по распределению экономических позиций посредством сохранения особой «системы сдержек и противовесов». В 1990е годы подобный политический выбор был выбором «меньшего из двух зол», где вторым можно смело называть вектор на централизацию политического процесса, который в условиях разнородности элит неизбежно привёл бы к гражданскому противостоянию и авторитарному управлению в стране. Именно такое институциональное и концептуальное устройство политической системы, в рамках которого фактически не существует верховной политической структуры, способной к одностороннему принуждению, наиболее полно отвечает интересам «консенсуса элит» и заставляет их воздержаться от «войны всех против всех». Это можно рассматривать в качестве закономерного состояния любой начинающей демократии: с «консенсуса ограниченных элит» начинали едва ли не все западные демократии, на опыт которых ориентируется Монголия. Однако в 2022 г., спустя три десятилетия после исторического выбора Монголии, которая связала своё будущее с развитием демократического политического режима, сохранение ключевых характеристик политического процесса 1990-х гг. может восприниматься как некоторый вызов на её пути к становлению зрелой демократией. В свою очередь, особенности реакции государственных органов Монголии на протесты 2022 г. и ограниченность политического инструментария в потенциальной борьбе с коррупцией возвращают в монгольский общественный и политический дискурс тему развития национальной демократии и совершенствования конституционного законодательства. Новости о новых деталях коррупционного скандала всё активнее вытесняются дискуссией о выборе Монголии между парламентской и президентской республикой, исход которой, при условии его одобрения народным большинством, будет способен вывести проект строительства монгольской национальной демократии на новый, более зрелый этап. Учитывая живой и искренний отклик граждан Монголии, протестующих против коррупционных схем, можно с уверенностью говорить о сохранении, если даже не об увеличении «социального запроса» на развитие собственной демократической модели. Такова обнадеживающая сторона не самых благоприятных событий декабря 2022 г. в Монголии.

Литература / References

1. Гусманов И. И., Миннибаев, Б. И. Особенности системы государственного управления Республики Монголия // Молодой ученый. 2014. № 1.1 (60.1). С. 14–16. [Gusmanov I. I., Minibayev B. I. The Peculiarities of Mongolian State System // *Molodoi Ucheniy*. 2014. № 1.1 (60.1). Pp. 14–16. (In Russian)].

2. Родионов В. А. Партийные фракции в политическом процессе современной Монголии // Власть. 2017. № 1. С. 72–76. [Rodionov V. A. Party Fraction in the Contemporary Political Process of Modern Mongolia // Vlast. 2017. № 1. Pp. 72–76. (in Russian)].
3. У. Хүрэлсүх: Нүүрсний хэргийн асуудлыг ард түмэнд ил тод мэдээлэх ёстой // Eagle.mn [U. Khurelsukh: the Coal Issue Should be More Transparent to Citizen]. URL: <http://eagle.mn/r/108724> (accessed: 18.12.2022). На монг. яз.
4. Нүүрсний асуудлаар 15 орчим албан тушаалтан АТГ – т шалгагдаж байна // Montsame Medee [About 15 Officials were Mentioned by Anticorruptional Center Regarding the Coal Issue]. URL: <https://montsame.mn/mn/read/309263> (accessed: 18.12.2022). На монг. яз.
5. Л. Оюун – Эрдэнэ: Засгийн газрыг огцруулах, УИХ – ыг тараах асуудал яригдаагүй // Eagle.mn [Oyун-Erdene: We are Not Talking About the Resignation of the Government of State Khural] URL: <http://eagle.mn/r/108714> (accessed: 18.12.2022). На монг. яз.
6. О. Цогтгэрэл: Эрх баригчид ард иргэдийн жагсаж, цуглах эрхэнд халдлаа // Eagle.mn [O. Tsogtgerel: the Officials Have Protected the Right of the People to Hold Demonstrations]. URL: <http://eagle.mn/r/108719> (accessed: 18.12.2022). На монг. яз.
7. Г. Занданшатар: Нүүрсний асуудлаар нээлттэй сонсгол явуулна // Montsame Medee [G. Zandanshaatar: An Opened Hearings Will be Held on the Coal Issue]. URL: <https://montsame.mn/mn/read/309269> (accessed: 18.12.2022). На монг. яз.
8. Иргэдийн жагсаал цуглаан хяналтад байна гэж үзэв // Montsame Medee [The Demonstration is Taken Under Control]. URL: <https://montsame.mn/mn/read/309296> (accessed: 18.12.2022). На монг. яз.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кушхов Борис Хабижевич – лаборант-исследователь Отдела Кореи и Монголии, Институт востоковедения Российской Академии Наук, Москва, Россия

Kushkhov Boris Kh. – laboratory researcher of the Department of Korea and Mongolia, Institute of oriental studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 11.01.23. Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 27.02.2023. Опубликована: 28.04.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 11.01.23. Approved after peer reviewing and accepted for publication: 27.02.2023. Published: 28.04.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Original article. Politics studies

УДК 355

<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-112-124>

CONSTRUCTING THE IMAGE OF THE PAKISTAN ARMED FORCES IN THE 21st CENTURY

Artur Makhlaiuk

St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia
amah366@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-0498-8274>

Abstract. This article examines the image of the armed forces of Pakistan in the XXI century. It was revealed that in the 21st century the armed forces of Pakistan and, in particular, a special unit (Inter-Services Public Relations), responsible for public relations, are actively working on constructing the necessary image of the Armed Forces. We see that the strategy of Inter-Services Public Relations covers a large number of channels (social networks, magazines, and so on). The article examines the historical context and various channels of communication: primarily the presence in social networks (both in video and in text format). The construction of the image after the conflict in Kargil in 1999 and the coming to power of P. Musharraf is considered. After these events, an active process was launched to work on the image of the armed forces both in the media and in the ISPR materials. It was revealed that the video materials are primarily aimed at the widest possible audience, also covering various ethnic groups; various problems related to the armed forces (for example, counter-terrorism operations). It is shown that two main directions of image construction can be distinguished: positive-aggressive, that is, armed forces equipped with the most advanced types of weapons that defeat the enemy; emotional – the armed forces value and honor the heroes who gave their lives for their homeland. A special place is occupied by the emotional involvement of the population, as a result of which the image of the armed forces is constructed as a force that protects the Motherland from any enemies, and the hero-soldier turns out to be the object of the nation's love. Much attention is paid to the personality of the Chief of the Army Staff, whose image, similar to the hero soldier, can be seen as the image of the armed forces as a whole.

Keywords: Pakistan, Pakistan Armed Forces, image of the armed forces, image, image construction

For citation: Makhlaiuk A. N. Constructing the image of the Pakistan armed forces in the 21st century. *Vostochnaâ analitika = Eastern Analytics*. 2023;14(1):112-124.2023;14(1):112-124. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-112-124>.

Научная статья. Политические науки

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИМИДЖА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ПАКИСТАНА В XXI в.

Артур Николаевич Махлаюк

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
amah366@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-0498-8274>

Аннотация. В данной статье рассматривается имидж вооруженных сил Пакистана в XXI веке. Показано, что в 21 веке вооруженные силы Пакистана и, в частности, специ-

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Makhlaiuk A. N., 2023

© Eastern Analytics, 2023

альное подразделение (Объединенное управление по связям с общественностью), ответственное за связи с общественностью, активно работают над конструированием необходимого имиджа ВС. Мы видим, что стратегия Объединенного управления по связям с общественностью охватывает большое количество каналов (социальные сети, журналы и так далее). В статье рассматриваются исторический контекст и различные каналы коммуникации: в первую очередь присутствие в социальных сетях (как в видео, так и в текстовом формате). Рассматривается конструирование имиджа после конфликта в Каргиле в 1999 г. и прихода к власти П. Мушаррафа. После этих событий был запущен активный процесс работы над имиджем вооруженных сил как в СМИ, так и со стороны Объединенного управления по связям с общественностью. Выявлено, что видеоматериалы прежде всего направлены на максимально широкую аудиторию, охватывая также различные этнические группы; различные проблемы, связанные с вооруженными силами (например, контртеррористические операции). Можно выделить два основных направления конструирования имиджа: позитивно-агрессивный, то есть вооруженные силы, оснащенные наиболее передовыми типами вооружений, которые побеждают врага; эмоциональный – вооруженные силы ценят и чтят героев, отдавших жизнь за родину. Особое место занимает эмоциональное вовлечение населения, в результате которого конструируется имидж вооруженных сил как силы, которая защищает Родину от любых врагов, а солдат-герой оказывается объектом любви нации. Большое внимание уделяется личности начальника штаба, имидж которого, аналогично солдату-герою, можно рассматривать как имидж вооруженных сил в целом.

Ключевые слова: Пакистан, вооруженные силы Пакистана, имидж вооруженных сил, имидж, конструирование имиджа

Для цитирования: Махлаюк А. Н. Конструирование имиджа вооруженных сил Пакистана в XXI в. *Восточная аналитика. 2023;14(1):112-124.* [https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-112-124.](https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-112-124)

The well-known Russian researcher of Pakistan V. Y. Belokrenitsky wrote: “Thanks to skillful propaganda, the army in the eyes of Pakistanis is the guarantor of independence, which is threatened by India” [Belokrenitsky, 2013, p. 138]. Indeed, in the 21st century, the armed forces (AF) of Pakistan have been meticulously working on constructing their own image. This is evidenced by the active work of a separate unit called the Directorate of Inter-Services Public Relations (ISPR), which is engaged in the preparation and dissemination of all official information and materials related to the Pakistan Armed Forces. An important activity of this unit is the creation of various kinds of entertainment products (video clips for musical compositions, documentaries and feature films, magazines for women and children, etc.).

Despite the fact that the ISPR has been so actively engaged in constructing the image of the AF for a long time, there are practically no research into the strategies and ways of representing the AF in their public relations materials. There are just a few Pakistani studies devoted to the image of Pakistan as a whole, but not the image of the armed forces [Hussain, Bilal, Chodhry, 2019], or to countering the narratives of terrorist organizations by means of the ISPR’s

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

materials [Khan, Pratt, 2020]. In addition, Indian researchers have published several articles [Malhotra, 2020] on the activities of the ISPR, but they seem to be more politicized and aimed to “debunk” Pakistani propaganda rather than study the features of image construction.

The image of the Pakistan Armed Forces is being formed not only by the ISPR’s activities, but also through processes in which the military are involved. This article attempts to trace the main trends in changing the image of the Armed Forces in the 21st century. First of all, it will discuss the key events that have significantly influenced the image of the Armed Forces in the period after General Pervez Musharraf came to power. In addition, the main channels used by the ISPR to construct the necessary image of the Armed Forces are described. Furthermore, the main types of content are characterized, and Pakistani regional specifics are defined.

It should also be noted that this study relies on the definition of the image of the Armed Forces as a formed phenomenon, which is being created in accordance with current political processes and interests [Lastovenko, 2011, p. 9].

Analysis of video and text materials of the ISPR should account for definition of the AF image as a relatively stable perception and representation by the population and its social groups, including military personnel, of the social nature, purpose and functions of the Armed Forces, as well as their condition, compliance with their purpose in specific historical conditions [Prudnikov, 2004, p. 10].

The image of the Armed Forces under General Pervez Musharraf

The armed forces of Pakistan have played a special role throughout the existence of the state. For 75 years the military have been involved in many unique political and social processes. Representatives of the Armed Forces came to power in the country several times and in total led the state for over 20 years. In 1999, General Pervez Musharraf came to power in Pakistan as a result of a coup, under whose rule a radical change in the approach to the positioning of the Armed Forces began.

This change occurred mostly due to the problems that Pakistan faced during and after the Kargil conflict in 1999. As a result of the confrontation, the establishment believed that Pakistan lost the war to India not only on the real battlefield, but also in the media.

The reaction of the population to the events in Kargil was mixed, which was due to the situation similar to other Indo-Pakistani wars. The Pakistani press did not disclose the losses and actually did not cover the real situation on the battlefield [Belokrenitsky, Moskalenko, 2018, p. 402]. This obviously had a great impact on the image of the Pakistan Armed Forces.

There were several consequences of these processes. First, it is the gradual liberalization of the media, which was implemented through the abolition of a number of regulations that severely restricted the work of journalists and publishers: in 2002, the Press and Publications Ordinance was officially repealed. It was replaced by acts that regulated various areas of activity of the media and provided for the creation of separate regulators [Between radicalization..., 2009]. Secondly, the military realized that it was necessary to enlist the support of a certain stratum of society. Therefore, work with civilians began to be actively carried out.

Thus, seminars on national security for politicians, journalists, civil servants and businessmen were organized at the National Defense College, and the possibility of opening a so-called “political school” even for women parliamentarians was considered [Siddiqa, 2007, p. 110]. Pakistani military researcher Ayesha Siddiqa writes that the main purpose of creating such events was the indoctrination of civilians who would not only be loyal to the military, but also, if necessary, contribute to maintaining the idea of the invincibility of the Pakistani Armed Forces both institutionally and ideologically [Siddiqa, 2007, p. 332].

Toward the end of Musharraf’s presidential term, the media, which had been liberalized earlier, intensified their campaign to criticize the AF. The fall in the prestige of the AF was probably due to the unpopularity of Musharraf. As a result of the bad moves that Pervez Musharraf made in office, approval ratings plummeted from 63% in September 2006 to 21% a year later, while the army’s approval rating fell from 82% to 70% over the same period, although as noted the percentage of approval of the activities of political parties ranged from 55% to 41% [Cloughley, 2016, p. 449].

In the early 2000s the war against terrorism began, which also affected Pakistan to a large extent. The country’s armed forces needed to fight against terrorist organizations in some regions of the country, and major anti-terrorist operations were carried out. It is clear that the majority of the population of Pakistan was concerned about the increase in terrorist activity, however, only a minority reportedly supported the fighting [Cloughley, 2016, p. 482]. As we know, anti-war sentiments later manifested themselves in the creation of various social movements (for example, the Pashtun Tahafuz Movement). Accordingly, this formed the need to prove not only the effectiveness of military operations, but also their necessity in general. During the active phase of the fight against terrorist organizations, a larger budget was allocated to the ISPR. The task of counteracting radical narratives and generalizing the anti-terrorist discourse was so important that the Directorate was reorganized almost into a separate army corps. As a result, for the first time in the history of the unit, Major General Asim Salim Bajwa was promoted to the rank of Lieuten-

ant General. This was done for greater efficiency and speed of decision-making within the ISPR without unnecessary approvals. The problem of combating terrorist organizations, along with the confrontation with India, remains one of the most important aspects of all ISPR's products. This issue will be covered in more detail later in the article.

Years after Musharraf

Since the image of the military has been badly shaken in the last years of Musharraf's rule, one of the priorities of the new military leadership has been to restore a positive attitude towards the armed forces among the population. Along with the appointment of Generals Athar Abbas (January 2008 – June 2012), Asim Bajwa (June 2012 – December 2016) and then Asif Ghafoor (December 2016 – January 2020) to the post of Director General of the ISPR, a phased and thoughtful work began to create the necessary image for the Armed Forces. Completely new approaches were implemented, new channels of communication began to be used.

As part of the overall image of the Armed Forces, new directions began to appear, which are still preserved in its image. We see an appeal to the construction of the image of the personality of the Chief of the Army Staff. He becomes one of the main figures, which turns out to be a representation of the armed forces as a whole. Ayesha Siddiqa confirms this thesis, stating that one of the central elements of the new image was the image of General Kayani, Musharraf's successor as commander [Siddiqa, 2007, p. 320]. In the media and in official army materials, Kayani was portrayed as a thoughtful general who put the country ahead of personal interests and restored the military's morale. This was also facilitated by successful counter-terrorism operations against Pakistani Taliban militants, as well as their frequent visits to the frontline, for example, to Swat [After Kayani, 2013]. On one of the memorable dates, the image constructed for General Kayani even made it possible to link civil society and the army: "The army is the nation <...> and the nation is with the army" [Kayani's quiet coup, 2010].

However, the reputation of the Chief of the Army Staff suffered due to the extension of his powers. Representatives of the Armed Forces began to perceive him not as a thoughtful general, but as a villain. He was succeeded by Raheel Sharif, who quickly gained a reputation as "the only savior of the nation" [Siddiqa, 2007, p. 320]. The change of generals is a very remarkable event, as it shows that the media has become used by the highest ranks to criticize each other. Probably, at a certain stage, this changed the public perception of the military for the worse, since already under Raheel Sharif, the media were focusing on the personal image of individual soldiers, and only then on the image of the Armed Forces as a whole.

The aforementioned Major General Asim Bajwa was the first to take the course to develop the activities of ISPR in social networks. As Indian scholar Akshat Upadhyay writes, “ISPR was used by him [Asim Bajwa] to idolise General Raheel Sharif’s role in eradicating militancy through Operation Zarb-e Azb” [How Pak army uses..., 2019]. This seems to have had a great effect, as posters of him can reportedly be seen all over the country as a “nation builder” with an impeccable reputation. Some of his supporters on social media have even advocated for him to run in elections in the future to take control of the state. This image also contributed to the formation of another aspect of the image of the military, which is especially important in the context of Pakistan: the military has become increasingly seen as a counterbalance to the “corrupt, irresponsible and ineffective image of the political class” [Siddiq, 2007, p. 321].

Another particularly important event, from the point of view of constructing the image of the Pakistan Armed Forces, in my opinion, is the appointment of General Asif Ghafoor to the post of head of ISPR. Since 2016, the most active development of the media presence of the armed forces in social networks begins. For example, the channel of ISPR on “YouTube” was created in 2016 and after that all official materials were actively published on it. This shows a rethinking of the approach, as well as the fact that ISPR is likely to receive more budgetary funds at this stage.

Thus, the armed forces after 2008 began to pay more and more attention to neutralizing criticism and competition with key actors in domestic politics, not only for control of the state, but also for influence on society. Since 2012, the most active presence of the armed forces in social networks begins – primarily on “YouTube”. Starting from Major General Asif Ghafoor, social networks acquired a strategy that is still being implemented today. This concept, as will be shown below, is the “broadness” of content produced by ISPR. Starting from videos for the widest audience and ending with official press releases for journalists, which are then reprinted in the media.

ISPR and its content

ISPR was founded shortly after independence: in 1949 it was headed by Colonel Shabaz Khan. Little information is publicly available on the activities of this unit in the 20th century. This is due to several factors: first of all, during this period, ISPR did not play such an important role as in the last decade of the 20th – early 21st centuries; in addition, the capabilities of the ISPR were limited – the heyday is associated to a greater extent with the advent of the Internet and new opportunities for communication and dissemination of information.

The main products of ISPR in the twentieth century: Since 1948, printed magazines have been published: “Mujahid” – magazine (Urdu “Mujāhid”, lit.

“fighter”), which was published monthly; in 1951, it was renamed to “Hilal” (Urdu “Hilāl”, lit. “crescent”). For half a century, this magazine has published news and analytical materials, the authors of which are both military and civilian experts in their respective fields. According to the magazine's webpage, “the magazine allows its readers to get an idea of the security conditions in which Pakistan exists” [Hilal: About us].

The “Hilal” magazine was published without interruption throughout the second half of the 20th century and continues to this day. Since the very first issue, it has played the role of a kind of liaison between the Pakistani military and civilians, including families of soldiers, as evidenced by the launch of “Hilal” magazines for women and children. This magazine contained key elements for constructing the image of the army, navy and air force of the country.

To date, the publication of magazines has rather faded into the background. Gradually, the ISPR has mastered all possible areas of work with the population within the Pakistan, from sponsoring the production of films to regular events in the form of military parades that attract the attention of the population of all ages. One of the most popular and effective areas are video materials.

They are created mainly in two languages. First of all, it is the Urdu language, in which series, films and other products are created, as well as the lyrics of the songs used in the video clips are written. In addition, English is used less frequently – mainly in press releases, in other cases English subtitles are used.

All videos created by the ISPR are published on the official channel of the department on “YouTube”. Below is a list of the key types of products presented on the channel:

1. Press releases and press conferences – these are video materials for a narrow audience. Most likely they are intended for journalists who are not able to be present in person at the press conferences, so that they can quote speakers and publish official information. It is also likely that press releases are used to record events happening in the armed forces, as they are often not accompanied by audio.
2. Documentaries are devoted to various aspects of the functioning of the AF from participation in peacekeeping operations to the service of women in the ranks of the Armed Forces. A total of 15 documentaries have been released since 2011.
3. Feature films are also produced by the ISPR. Two of them are dedicated to women in the service of the Pakistani AF. The latest film “The Only Nigar” (Urdu “Ek hai Nigār”, 9.6 million views) is a story about the first female general of the Pakistan Armed Forces, the film “Ghazi Shaheed” (Urdu “ghāzī śāhīd”), as well as the film “One was Mariam” (Urdu “Ek thī Marium”), which tells the story of a Pakistani Air Force pilot who died in a plane crash.

4. Series are another very popular category of video products is ISPR. The ISPR has been creating popular series since the early 1990s. 12 series released from 1991 to 2022.
5. Video clips for patriotic songs of various well-known Pakistani artists. Most popular category on the ISPR Channel. It is especially important to emphasize that the most popular stars of Pakistan are involved in producing video clips, which significantly increases the coverage of videos, and also indicates the high budget available to ISPR.
6. Commemorative videos – The Pakistani Armed Forces and ISPR pay great attention to the heroes of the past and present, therefore, separate materials are sometimes created in their honor during various memorable days.

In its products the ISPR tries to reach the widest possible audience. So, for example, patriotic songs are aimed at the widest audience, documentaries about war heroes are aimed at young people and military personnel who need motivation, and at their families who need confidence that their relatives are doing the work to protect the Motherland. Films and series about women in the army are an example of the trends of recent years and aim to, firstly, highlight the problem of negative perceptions of female military personnel in Pakistan, and secondly, to attract more female recruits.

Let's take a closer look at the video clips that incorporate most of the most important aspects of the image of the armed forces and present them in a generalized and metaphorical form. It should be noted that according to their content, video clips can be divided into two main types:

- 1) Video clips for patriotic songs aimed at raising morale, an attempt to awaken the self-consciousness of citizens and pride in their country. The key characteristics of such materials are: demonstration of various modern military equipment in service with Pakistan; a demonstration of the “unity” of the population of Pakistan (groups of people are shown, often holding hands, belonging to various ethnic groups of the country), often a demonstration of victory over the enemy [Pakistan Zindabad, 2019].
- 2) Video clips for patriotic songs, created to honor the memory of the heroes who fell for their homeland. Such materials most often have a certain plot, often associated with the story of the deceased soldier-son and the emotions of his family (farewell, crying, and so on) [Kabhi Percham Mein ..., 2017]. In most cases, such video clips are timed to coincide with an important day for the Pakistan Armed Forces – Day of Defense).

In songs and video clips dedicated to the heroes, there are a large number of appeals to emotions. It is worthwhile to look here for a retrospective of the

patriotic song genre in Pakistan, since the ISPR's current production is in many ways a continuation of the genre referred to as “*millī naghmā*” (Urdu “*millī naghmā*”, lit. national song). This genre of songs implies an appeal to national identity, praising the further development and protection of the nation. Speaking about this genre, the researcher Shenila Hoja-Mulji in the book “Sovereign Attachments: masculinity, muslimness and affective politics in Pakistan” notes that the songs were dedicated to the soldiers, depicting them as “an object of intense love” and establishing a kind of relationship of kinship between the soldiers and those who enjoy songs [Hoja-Mulji, 2021, p. 55]. The broadcasts were often accompanied by images of martyr soldiers who gave their lives for their Motherland during the war. Thus, many elements of patriotic songs, where the image of heroes played an important role, and the heroes of the martyrs, have survived to this day. The author of the book believes that the current media products of ISPR represent a new iteration of this “*millī nagma*” genre, since video clips and short films unite viewers and listeners into “an imaginary collective called the nation and turn soldiers into the object of the nation’s love” [Hoja-Mulji, 2021, p. 55].

The construction of the image of the Pakistan armed forces has been especially actively developing in the 21st century, yet many aspects specific to the ISPR's materials have their roots in social and cultural phenomena of the 20th century. This refers not only to the “*millī nagma*” genre, but also to many images that appear to be firmly entrenched in the minds of Pakistanis and are a kind of “contact point” with the emotional experiences of the audience. Modern image construction is based on a number of recognizable features. Great attention is paid to martyrs – of course, here we can see not only a direct appeal to Islamic concepts of *shahadat* (“martyrdom”), but also a great respect to heroes and the dead throughout the years of Pakistan's existence and especially in the Indo-Pakistani wars. A large number of video materials portrays real heroes of the past, as well as fictional heroes of the present, between which a parallel is drawn.

According to Maria Rashid, who studied the issue of glorification and martyrdom in the context of the Pakistani Armed Forces, such moments in films evoke an emotional connection between the audience, whose family members could have died on the battlefield, and the characters of the films [Rashid, 2020, p. 41]. A similar idea is embedded in the concept of the Day of Defense and Martyrs – the Armed Forces greatly emphasize the emotional connection with families, demonstrating that fallen heroes are the heroes of the motherland and the motherland honors them and will not forget them.

A similar deeper connection can be observed through the prism of Islam. We see not only the constant use of various terms in relation to the military (*ghazi*, *shaheed*, and so on), but in all official events and films, the defense

of the motherland is shown as a religious duty and “the claim that Pakistan is an ideology and not just a geographical state is often repeated” [Rashid, 2020, p. 33]. It is worth mentioning, that islamization affected the armed forces already in the 20th century under Zia ul-Haq. He relayed the idea that the military is also the defender of Pakistan's “ideological borders” [Rizvi, 2000, p. 181].

During the period of active counter-terrorist operations in the north-eastern regions of the country, thanks to films and other materials published on the official YouTube channel, the ISPR apparently managed to convince a large number of the population of the need for a military operation in the north-east of the country against terrorist organizations. As for video materials, several characteristic features can be observed in them: of course, the armed forces of Pakistan provide the necessary counteraction to terrorist organizations, the images of martyr soldiers are used to appeal to the emotions of the audience, but a particularly unique characteristic is the linguistic opposition. Pakistani military personnel use either Urdu or English in their dialogues, while supporters of terrorist organizations can use Pashto. In addition, the real names of the leaders of terrorist organizations and elements of the narratives of radical organizations are implemented into the script. Accordingly, the armed forces are shown as the saviors of the population of Pakistan from the threat of terrorism and the threat of radicalization [Glorious Resolve, 2018].

Another important activity of the ISPR in the Internet space, as mentioned above, is the popular social network for posting text messages. The official ISPR account on this network has 5.4 million readers. It is used to promptly inform about all current events taking place in the Armed Forces, such as military operations; international military exercises; humanitarian operations; testing of the latest types of weapons; negotiations between the Chief of Army Staff and foreign delegations, and so on.

The vast majority of publications are in English. It is obvious that the goals of ISPR on various platforms are different, however, it can be assumed that publications on this network are aimed at a slightly different audience, for which, accordingly, a slightly different image of the Armed Forces will be constructed. This is due to the fact that in Pakistan English is still the language of the elites. Urdu is the national and official language of the country, while English has official status. Both languages are widely used for oral and written communication in various contexts. At the same time, in some areas there is clearly a linguistic division. For example, in Pakistan there is a “two-stream” education system, that is, Urdu-taught secondary schools and English-taught schools coexist simultaneously [Shamim, Rashid, 2019, p. 43]. Accordingly, in the country there is a division of strata of society not only on a financial basis, but also on the basis of language. Thus, within the country, society is heterogeneous in a large number of ways. In the context of the media, this, of course,

determines the numerous features of creating texts in different languages. This fact is confirmed by numerous studies, but all of them show that these textual features can vary in different periods and in different contexts [Shah, 2010].

The publications of ISPR in the social network for posting text messages do not differ in great thematic diversity. In fact, there are only a few main blocks:

- 1) Informing about the conduct of any military operation or exercises.
- 2) Visit of the Chief of Army Staff or a meeting of representatives of the Pakistani Armed Forces with foreign colleagues.
- 3) Condolences over the death of military personnel, as well as a tribute to the fallen heroes of the past.

This channel of communication is an important element in constructing the image of the Pakistan AF. It allows to demonstrate not only to the population of Pakistan, but to the whole world the achievements of the AF in the form of testing the latest types of weapons, victories over the enemy, and so on. A special place in the publications on the social network for posting text messages is occupied by the Chief of the Army Staff, whose image, in fact, is the image of the Pakistan Armed Forces, therefore, ISPR carefully covers his activities. Similar to the video production, a lot of attention is paid to soldiers who died while performing combat missions.

Conclusion

Many elements of the image of the Pakistan armed forces are used in parallel in both text and video materials of the ISPR. Each channel of communication with the population, as well as certain types of content, have, in my opinion, their own goal.

Video clips for patriotic songs and feature films are aimed at a wider audience and largely influence the creation of a positive image of the country's armed forces. Such content incorporates, first of all, elements that are understandable to the population – Islamic values, family, soldier-hero, and so on.

On the other hand, there are text materials, as well as press releases on “YouTube”. They are used not only for the purpose of propaganda, but also for prompt reporting of current news. Journalists and interested audiences (not only Pakistani ones) can get up-to-date information about the processes in which the armed forces are involved. Such materials are characterized by the following elements – constructing the positive image of the Chief of Army Staff; demonstration of the active participation of the Armed Forces in the life of the country, informing about more special processes (military exercises, visits of delegations, and so on).

Ultimately, the combination of different approaches to the presentation of material and the use of various sources of information make it possible to build an image of the Armed Forces as a institution striving for greater open-

ness. Today we see that ISPR has done a great job of researching the audience and, in accordance with this, has built a clear concept, on the basis of which it built a strategy of communication. Judging by the popularity of some products, this strategy and its elements are well implemented.

Литература / References

1. Belokrenitskiy V. Y. Center of power or source of instability? Dialectics of modern Pakistan // *Russia in Global Affairs*. 2013. Vol. 11. No. 2. Pp. 138–150. (in Russian).
2. Belokrenitskiy V. Y., Moskalenko V. N. *History of Pakistan. 20th Century*. M.: IOS RAS: Kraft+, 2018 (in Russian).
3. Cloughley B. *A history of the Pakistan army: wars and insurrections*. Carrel Books, 2016. 696 p.
4. Hoja-Mulji S. *Sovereign Attachments: Masculinity, Muslimness and Affective Politics in Pakistan*. University of California Press, 2021. 288 p.
5. Hussain S. M. Bilal M. Z., Chodhry S. ISPR'S Visual Contents' Role in Image Building of Pakistan // *Orient Research Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 24. No. 2. Pp. 280–294.
6. Khan M. K., Pratt C. B. Strategic communications: The Pakistan military's use of social media against terrorism // *Media, War & Conflict*. 2020. Pp. 1–36.
7. Lastovenko N. S. *Image of the Armed Forces as a factor in the security of the Russian Federation*. Extended Abstract of Dissertation, Moscow, 2011. (In Russian).
8. Malhotra D. Inter-Services Public Relations (ISPR): Assessment of Pakistan Military's Discreet Propaganda Factory Post-1990 // *Journal of Defence Studies and Analyses*. 2020. Vol. 14. No. 4. Pp. 37–57.
9. Prudnikov L. A. *Political technologies as a factor in shaping the image of the Armed Forces of the Russian Federation*. Extended Abstract of Dissertation, Moscow, 2004. (In Russian).
10. Rashid M. *Dying to Serve: Militarism, Affect, and the Politics of Sacrifice in the Pakistan Army*. Stanford University Press, 2020. 288 p.
11. Rizvi, H. *Military, State and Society in Pakistan*. Palgrave Macmillan UK, 2000. 326 p.
12. Shah H. *The Inside Pages: An Analysis of the Pakistani Press* // *South Asia Monitor*. 2010. Vol. 148. Pp. 1–5.
13. Shamim F., Rashid U. *The English/Urdu-Medium Divide in Pakistan: Consequences for Learner Identity and Future Life Chances* // *Journal of Education and Educational Development*. 2019. Vol. 6. No. 1. Pp. 43–61.
14. Siddiq A. *Military Inc. Inside Pakistan's Military Economy*. Pluto Press, 2007. 400 p.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

1. *Between radicalization and democratization in an unfolding conflict: Media in Pakistan* // *International Media Support*. 2009. URL: <https://www.mediasupport.org/wp-content/uploads/2012/11/ims-media-pakistan-radicalisation-2009.pdf> (accessed 23.09.2022).

- 124 Makhlaiuk A. N. Constructing the image of the Pakistan armed forces...
Eastern Analytics. 2023;14(1):112–124
2. Glorious Resolve – (ISPR Official Documentary) // YouTube. 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gw4KQmFYezE> (accessed 23.12.2021).
 3. Hilal: About Us // Hilal. URL: <https://www.hilal.gov.pk/hilal-english/about-us> (accessed 20.09.2022).
 4. Kabhi Percham Mein Lipte Hain | Atif Aslam | Defence and Martyrs Day 2017 (ISPR Official Video) // YouTube. 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Hg-BFtoiEsh4> (accessed 23.12.2021).
 5. Pakistan Zindabad – 23 Mar 2019 | Sahir Ali Bagga | Pakistan Day 2019 (ISPR Official Song) // YouTube. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MjxGwfa5lx-w&t=85s> (accessed 23.12.2021).
 6. Rafiq A. After Kayani // Middle East Institute. 18.10.2013. URL: <https://mei.edu/publications/after-kayani> (accessed 24.09.2022).
 7. Swami P. Kayani's Quiet Coup // The Hindu. 03.08.2010. URL: <https://www.thehindu.com/opinion/lead/General-Kayanis-quiet-coup/article16120868.ece> (accessed 24.09.2022).
 8. Upadhyay A. How Pak army uses media to spin narrative // Tribune India. 07.07.2019. URL: <https://www.tribuneindia.com/news/archive/comment/how-pak-army-uses-media-to-spin-narrative-784214> (accessed 24.09.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Махлаюк Артур Николаевич – магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Makhlaiuk Artur N. – MA student, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16.01.2023. Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 17.02.2023. Опубликована: 28.04.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 16.01.2023. Approved after peer reviewing and accepted for publication: 17.02.2023. Published: 28.04.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 339.91
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-125-142>

«БРАТСКИЕ» ТРУДОВЫЕ МИГРАЦИИ: СКАНДИНАВСКИЙ ОПЫТ*

Алексей Викторович Сарабьев

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
alsaraby@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9796-2411>

Аннотация. Анализируется феномен трудовой иммиграции из стран внутри одного и того же региона – Скандинавии, где проживают близкие по историческому происхождению народы. В литературе такие лица характеризуются как «не совсем» мигранты, и автор предлагает ввести понятие «братских миграций». Наряду с иммиграцией разных видов из стран Глобального Юга и Востока, такие миграции имеют мощное экономическое воздействие на принимающее общество, а набор проблем социокультурной адаптации таких трудовых иммигрантов имеет свои особенности, связанные со сходной языковой и историко-культурной идентичностью. Объектом анализа выступают три страны Скандинавии. Их миграционный опыт может быть востребован при выявлении проблем адаптации, а также степени экономического воздействия на города России, особенно в последние годы, когда многие жители Донбасса выезжали в российские районы с целью краткосрочного заработка или на долгое время – в том числе руководствуясь и вопросом безопасности. Вопросы адаптации таких мигрантов остаются и после присоединения новых российских территорий, поскольку «братские» миграции (например, белорусов, молдаван, украинцев), очевидно, продолжаться. Опыт, который накоплен скандинавскими странами в отношении такого рода «братских» миграций, может пригодиться как в плане влияния на экономику городов, так и в плане разрешения вопросов, возникающих в ходе социально-экономической интеграции иммигрантов – как «явных» (с сильно выраженными «восточными» и «южными» чертами), так и неотличимых фенотипически от местного населения.

Ключевые слова: трудовая миграция, адаптация иммигрантов, мигранты с Глобального Юга, мигранты с Востока, скандинавские страны, «братские» трудовые миграции

Для цитирования: Сарабьев А. В. «Братские» трудовые миграции: скандинавский опыт. *Восточная аналитика*. 2023;14(1):125-142. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-125-142>.

Original article. Politics studies

"FRATERNAL" LABOR MIGRATIONS: THE SCANDINAVIAN EXPERIENCE

Aleksei Sarabiev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
alsaraby@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9796-2411>

Abstract. The phenomenon of labor immigration from countries within the same region – Scandinavia, where peoples of similar historical origin live is analyzed. In the literature, such

* Статья написана по гранту РФ: проект 19-18-00251, «Социально-экономическое развитие крупных городов Европы: влияние иностранных капиталовложений и трудовых миграций», МГИМО МИД России.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

persons are characterized as "not quite" migrants, and the author proposes to introduce the concept of "fraternal migrations". Along with immigration of various types from the countries of the Global South and East, such migrations have a powerful economic impact on the host society, and the set of problems of sociocultural adaptation of such labor immigrants has its own characteristics associated with a similar linguistic and historical and cultural identity. The object of analysis is the three Scandinavian countries. Their migration experience can be in demand in identifying adaptation problems, as well as the degree of economic impact on Russian cities, especially in recent years, when many residents of Donbass traveled to Russian regions for the purpose of short-term earnings or for a long time, including being guided by the security issue. The issues of adaptation of such migrants remain even after the annexation of new Russian territories, since "fraternal" migrations (for example, Belarusians, Moldovans, Ukrainians) will obviously continue. The experience that the Scandinavian countries have accumulated with regard to this kind of "fraternal" migrations can be useful both in terms of influencing the economy of cities and in terms of resolving issues that arise during the socio-economic integration of immigrants – both "obvious" (with strongly pronounced "eastern" and "southern" features), and phenotypically indistinguishable from the local population.

Keywords: labor migration, adaptation of immigrants, migrants from the Global South, migrants from the East, Scandinavian countries, "fraternal" labor migrations

For citation: Sarabiev A. V. "Fraternal" Labor Migrations: The Scandinavian Experience. *Vostochnâ analitika = Eastern Analytics*. 2023;14(1):125–142. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-125-142>.

Введение

Исследования иммиграции с целью заработка (временных или долгосрочных трудовых миграций) в европейские страны включают в себя огромный блок разных аспектов миграций с Востока и Африканского континента. Это объяснимо не только ввиду социально-экономического воздействия наплыва таких приезжих работников, но и ввиду их «заметности» в принимающем обществе – отличий в языковом, культурно-бытовом и мировоззренческом планах. В то же время не иссякают потоки и внутриевропейских трудовых миграций – даже в пределах субрегионов (и в фокусе нашего внимания это Скандинавия). Нередко миграции с Востока и внутриевропейские миграции изучаются отдельно, изолировано друг от друга, и автор этих строк также может уличить себя в этом недочете [Сарабьев, 2020; Сарабьев, 2021]. Однако в условиях скандинавских обществ с их свободой трансграничных перемещений и динамичной трудовой миграцией разных типов изучать отдельно «небелые» миграции затруднительно: нередко социальная интеграция как приезжих, так и, тем более, иммигрантов второго и следующих поколений относительно глубока. В свою очередь, уже эти «небелые» шведы, норвежцы, датчане переезжают из страны в страну с целью заработка (временная трудовая миграция), и в этом случае основой их идентификации

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

в принимающем обществе становится далеко не культура и язык исторической родины их или их родителей, а бытовой уклад и язык, соответственно Швеции, Норвегии, Дании. В этом моменте обе большие группы мигрантов сливаются в единый объект изучения, и дифференцировать их проблематику достаточно сложно – за исключением сугубо специфических проблем.

Постановка проблемы

С учетом сказанного, выделяются мигранты «явные», которые обращают на себя внимание отличием от «нордического» большинства скандинавских стран, и «не совсем» мигранты (так их называют иногда в научной литературе), отличия которых сводятся в основном к языковым особенностям. И те, и другие – типичные трудовые мигранты, но более заметны мигранты из стран с сильно отличающейся культурой, происхождением и национальными особенностями облика, звукового состава языка, общих поведенческих привычек. Тем временем, временная трудовая иммиграция из стран внутри одного и того же макрорегиона, где проживают близкие по историческому происхождению народы, имеет экономическое воздействие едва ли не большее, чем иные. Достаточно сказать, что основной приток иммигрантов, например, в Норвегию, где они составляют 13,6% населения, приходится (в порядке уменьшения доли) на Польшу, Швецию, Литву, Германию, Сомали, Данию, и уже затем идут такие страны, как Ирак, Филиппины, Пакистан [KNOMAD – Migration Data – Norway – Immigration].

Набор проблем, с которыми сталкиваются такого рода трудовые иммигранты, особый, и связан он с близкой социокультурной идентичностью к принимающему обществу, и одновременно вполне уловимыми «соседскими» отличиями. Такие миграции допустимо называть «братскими», поскольку речь идет о кровно близких народах. Вот в отношении таких мигрантов и предполагается выявить факторы выбора в пользу переезда и определить трудности адаптации в принимающем обществе.

Представляется, что такая постановка вопроса весьма актуальна. Одним из показательных макрорегионов выступает Скандинавия, миграционный опыт которой может быть востребован и у нас. При анализе экономического эффекта на города России в фокус внимания исследователей могут и должны входить трудовые мигранты, а также трудоустроенные беженцы из соседних славянских стран. Этот вопрос приобрел особую актуальность в последние годы, когда многие жители Донбасса выезжали в крупные российские города с целью краткосрочного заработка или на долгое время – в том числе руководствуясь и вопросом безопасности (после первого референдума). В период ведения Россией СВО

особое значение получил приток рабочих рук и квалифицированных кадров как из числа беженцев, устраивающихся на работу, так и граждан из разных районов вновь присоединенных территорий. Сходные по своему языку и бытовым привычкам, по внешнему виду, вероисповеданию и мировоззрению, этот человеческий ресурс нелегко поддается анализу в экономическом плане, несмотря на его явно немалый вклад в хозяйственную жизнь и экономические показатели городов. Остается существенным и приток в российские города рабочей силы из Беларуси. Опыт, который накоплен скандинавскими странами в отношении такого рода «братских» миграций, может пригодиться как в плане влияния на экономику, так и в плане разрешения вопросов, возникающих в ходе социально-экономической интеграции иммигрантов.

Историография темы

Проблематика адаптации и социально-экономического эффекта трансграничных трудовых миграций в регионах с высокой трудовой мобильностью¹ звучит в работах ученых, использующих разные подходы и имеющих перед собой разные объекты изучения. В последние годы большое внимание уделяется проблемам адаптации, имеющих расово-национальный оттенок: с ними сталкиваются иногда потомки смешанных семей, дети от межнациональных или межрасовых браков, выезжающие ради заработка в пределах Скандинавии [Omolo, 2022; Rysst, 2022; Tolgensbakk 2022]. Исследуются и проблемы, возникающие при трудоустройстве «небелых» иммигрантов [McKowen, 2022]. Вообще, анализ вопросов трудовых миграций сквозь призму разности культур и языков, бытовых обычаев и трудовой дисциплины в настоящее время очень востребован, подтверждением чего можно назвать вышедший в этом году целый сборник «Миграции и мультикультурализм в Скандинавии» [Migration, 2022].

Интересны и работы, выполненные в сравнительном ключе, когда в качестве основного пул-фактора привлечения рабочей силы из-за рубежа выступает богатство ресурсов и развитость добывающей отрасли принимающей страны [Valenta et al., 2022]. Чисто экономический аспект обозначенного круга вопросов прослеживается в публикациях официальных международных структур, например Организации экономического сотрудничества и развития [OECD, 2019]. Богатый статистический материал дают порталы специализированных организаций, таких как Международная организация труда с ее докладами [ILO, 2022], Между-

¹ Это понятие развивал в ряде своих работ, например, лауреат Нобелевской премии по экономике за 2008 год Пол Кругман.

народная организация по миграциям [ИОМ], официальные сайты ОЭСР [OECD.Stat], Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединённых Наций [FAO, 2022], а также материалы и статистика Глобального партнерства знаний по миграциям и развитию [KNOMAD].

На русском языке актуальные публикации на смежные темы можно встретить в ряде периодических изданий, и в первую очередь это такие издания, как специализированные научный журналы «Балтийский регион», «Контуры глобальной трансформации», «Современная Европа» (ИЕ РАН), «Мировая экономика и международные отношения» (ИМЭМО РАН) и др. В них освещаются отдельные аспекты заявленной темы, позволяющие опереться на выводы авторов при подтверждении основных положений нашего исследования.

Некоторые акценты понятийного аппарата

Предложенная тема несет с собой необходимость внимания к определенным аспектам социологической терминологии или даже заставляет выделять отдельные акценты, казалось бы, привычных понятий. Весьма характерно для стремительно меняющихся характеров миграций, что на уровне глобальных организаций потребовалось уточнение ряда определений. Еще в 2011 г. созданное по решению Еврокомиссии Европейское миграционное сообщество (European Migration Network, EMN) запустило исследовательский проект «Временная и циркулирующая миграция» (“Temporary and Circular Migration”). Его целью стало, в том числе, установление четких определений этих понятий, а также их свойств. В итоге, в «Глоссарии по миграциям», изданном в 2019 г. Международной организацией по миграции (ИОМ), появилось определение временной миграции: «Миграция с определенной мотивацией и целью с намерением вернуться в страну происхождения или обычного проживания через ограниченный период времени или совершить дальнейшее перемещение» [Glossary on Migration, 2019, p. 213]. При этом временный мигрант определяется как «лицо, чей статус на момент въезда не позволяет ему или ей оставаться в принимающей стране без изменения статуса при соблюдении дополнительных условий» [OECD, 2019, p. 121].

Кстати, миграция в некоторые страны носит преимущественно временный характер именно в силу этих «дополнительных условий»: например, в Нидерландах пребывание в стране для мигранта ограничено одним годом, после чего необходимо продление разрешения, а во Франции – при всей ее политике поощрения трудовой иммиграции – на деле наиболее доступной остается ее временная форма, опять же в силу необходимости продления документов на пребывание [Temporary Labour Migration, 2022, p. 7].

Изданный в нынешнем году Международной организацией труда «сводный отчет» по методологии кратковременных трудовых миграций содержит следующий важный для нашей темы момент. Проводится различие между программами, конкретной целью которых является привлечение мигрантов на определенный период времени и для определенного хозяйственного сектора, и миграционной политикой в отношении временной иммиграции. При этом программы могут быть более или менее узконаправленными и принимаются либо в одностороннем порядке, «без каких-либо переговоров и/или обсуждений с другим правительством» (особенно касательно типа виз), либо во многостороннем. Во втором случае это могут быть «различные более или менее юридически обязывающие формы – от международных договоров до меморандумов о взаимопонимании между органами, занимающимися вопросами труда» [Temporary Labour Migration, 2022, p. 8]. Это касается и европейских стран, формально не входящих в Евросоюз. «Партнерства в области мобильности, подпадающие под действие Глобального подхода ЕС к миграции и мобильности, в основном заключаются с соседними странами ЕС и охватывают краткосрочную и долгосрочную мобильность, иногда включая формы цикличности. Временная трудовая миграция также может иметь место в рамках региональных схем экономической интеграции и, таким образом, основывается на многостороннем решении» [Temporary Labour Migration, 2022, p. 8].

Таким образом, миграции в пределах Скандинавских стран имеют свои особенности в плане более широкого спектра целей, юридических оснований и формата трудовых миграций. Та свобода трансграничных перемещений, которой пользуются граждане стран этого региона, дает основание определять их особым образом (свободные «братские» трудовые миграции) и обнаруживать сходную типологическую модель в отношении других регионов мира. В данном случае существует региональное «соглашение о свободном передвижении», в соответствии с которым «человек имеет право мигрировать по работе (или по другой причине) в другую страну из своей страны, являющейся стороной соглашения. Перемещение может быть временным, но также с возможностью оседлости, ведущей к постоянной миграции». Важно, что это «не считается (им)миграционной политикой как таковой, но такое передвижение людей является частью более широкого спектра политик, таких как свободная торговля, инвестиции и т. д.». При этом мигранты могут временно въезжать для учебы, оказания определенных услуг, работы на некоторый период или для поселения на неопределенный срок – им не требуется разрешение или виза для трансграничного передвижения в пределах такой «зоны свободного передвижения» [Temporary Labour Migration, 2022, p. 8].

Обстоятельства трудовых миграций

Общий внешний миграционный поток Швеции оценивался на 2020 г. в 2 млн 4 тыс. чел, из которого беженцы и лица, ищущие убежища, составляли лишь 304 тыс. чел. По Норвегии эти показатели были 852 тыс. и 50 тыс., а для Дании – 718 тыс. и 48 тыс., соответственно [Statistical Yearbook, 2022, pp. 75, 71, 63]. При этом из скандинавских стран Швеция, по данным на 2020 г., входит в первую 20-ку стран мира с наиболее высоким уровнем внешней миграции, причем доля иммиграции достигает до 20% от общего числа населения и почти в пять раз превышает эмиграцию [World Migration Report, 2022, p. 89]. Это может означать, что на поле региональных миграций Скандинавии Швеция, испытывающая сильное иммиграционное давление извне, является главным донором «небелых» мигрантов.

«Явные» мигранты. Ближний Восток, Малая Азия, Северная Африка и другие территории Востока и Глобального Юга являются родиной для большинства иммигрантов в странах Скандинавии. Как правило, эти иммигранты внешне очень отличаются от коренного скандинавского населения. Если в Дании или южной части Швеции такие иммигранты – явление привычное, и среди крупных восточных и африканских диаспор уже многие имеют вид на жительство или даже гражданство, то в Норвегии их гораздо меньше, и по фенотипическим признакам они однозначно выделяются как «приезжие» или даже «чужаки». Соответственно, и отношение к людям, выглядящим иначе, чем местное население, колеблется – от полной терпимости к «несвоим» и готовности видеть их в числе работников у себя в стране до отчуждения и неприятия их стиля жизни и намерения занимать рабочие места коренных скандинавов. Насколько существенна проблема высокого уровня иммиграции «небелого» населения, свидетельствуют данные о масштабе иммиграции, что можно видеть из следующей сводной таблицы.

Таблица 1

Иммигранты в скандинавских странах – по некоторым странам Востока и Юга (по данным на 2017 г.²; тыс. чел.)

	Швеция	Норвегия	Дания
Ирак	131 888	22 186	21 249
Сирия	98 216	9 720	24 143
Иран	69 067	16 535	15 550
Китай	28 410	11 520	10 611

² По необъяснимым причинам Всемирный Банк не публикует более свежих данных по «двусторонним миграционным показателям» (Bilateral Migration Matrix).

Окончание табл. 1

	Швеция	Норвегия	Дания
Турция	46 373	11 280	32 488
Таиланд	38 792	18 940	19 910
Сомали	60 623	28 321	11 790
Пакистан	11 469	19 722	13 779
Афганистан	31 267	14 235	12 794
Ливан	26 159	1970	12 555

Составлено по: [WB2018].

Для сравнения приведем данные по иммиграции из западных стран. Ясно, что среди этих приезжих число беженцев стремится к нулю и что большинство из них составляют именно трудовые мигранты.

Таблица 2

Иммигранты в скандинавских странах – по некоторым западным странам исхода (по данным на 2017 г.; тыс. чел.)

	Швеция	Норвегия	Дания
Польша	85 517	96 066	37 090
Германия	49 586	28 239	29 110
Финляндия	156 045	6 864	3 446
Литва	11 345	37 422	10 564
Босния и Герцеговина	57 705	13 487	17 176
Соединенное Королевство	25 226	19 476	13 429
Соединенные Штаты	19 515	17 578	8 492

Таблица 3

Иммигранты из скандинавских же стран – «братские» миграции (по данным на 2017 г.; тыс. чел.)

	Швеция	Норвегия	Дания
Швеция	–	49 122	13 614
Норвегия	42 074	–	15 556
Дания	41 870	25 055	–

Составлено по: [WB2018]. (В примечании указано, что все данные «основаны на оценках сотрудников Всемирного Банка»).

Приведенные данные могут означать, что приезжие с Востока и Юга – «небелые», «явные» иммигранты – в экономическом отношении оказывают значительно меньшее воздействие на принимающие общества скандинавских стран, нежели в социально-психологическом. Это следует уже из чисто количественных показателей. Конечно, можно

допустить, что среди иммигрантов из Германии, например, есть значительное число реэмигрантов, движущихся «транзитом» далее на север. Однако это допущение не меняет существенно общей картины: подавляющее большинство иммигрантов из приведенных стран – все же этнические европейцы. Если учесть соотношение численности диаспор с численностью населения стран исхода (например, Литвы, Финляндии), то проблематика трудовых иммигрантов-европейцев в этих странах выглядит еще более приоритетной. К тому же, например, диаспора финнов в Швеции превосходит диаспору иракцев – при том, что среди первых нет беженцев, а вторые в большинстве своем были вынуждены искать убежища под угрозой истребления, то есть эмигрировали совсем не только по материальным соображениям.

Что касается «братских» миграций, то в этом отношении видны явные «фавориты», причем они (Швеция и Норвегия) неодинаково привлекательны для остальных, например, в Швецию едут гораздо охотнее, чем в Данию. При этом сами шведы составляют в Норвегии большую диаспору, чем норвежцы в Швеции, а датчане явно предпочитают Швецию Норвегии. Некоторые основания для этого явления будут приведены ниже.

Второе наблюдение из приведенных данных Всемирного Банка сводится к притяжению сильных диаспор новых иммигрантов, к «проторенным путям» миграций. Это происходит ради облегчения собственной первичной социальной адаптации мигрантов и более широких возможностей для их долгосрочных предпринимательских планов в странах с развитой диаспорой. Иначе трудно объяснить, например, мощные потоки иммигрантов (арабов, курдов и ассирийцев) из Ирака, Сирии и Ливана в Швецию, где существуют целые анклавные выходцев из этих стран (в городах Нючэппинг, Мэрста, Сёдертелье и др.), есть национальные клубы, общества, культурные организации и проч.

Соответственно этим двум наблюдениям, на передний план повестки выдвигаются две широкие темы – (1) первостепенное экономическое влияние европейских, в том числе «братских» миграций; (2) социальная и социально-психологическая проблематика интеграции трудовых иммигрантов.

Уровень урбанизации. При анализе факторов и контекста трудовых миграций следует учитывать и разницу в уровне урбанизации стран исхода и принимающих стран. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций на 2018 г., доля городского населения Норвегии медленно, но неуклонно повышалась на протяжении трех десятилетий и составляла 82,2% – по сравнению с 17,8% сельского населения [ФАО-Стат, Норвегия]. В Швеции урбани-

зация, судя по тем же данным, шла менее высокими темпами, но доля горожан все же намного выше – 87,4% [ФАО-Стат, Швеция], а в Дании – еще выше – 87,9% [ФАО-Стат, Дания]. Несколько больше доля сельского населения в Финляндии – 14,6% к 85,4% горожан [ФАО-Стат, Финляндия]. С Норвегией, как известно, имеет общую границу и Россия, где доля сельского населения составляет более четверти (25,6% к 74,4%, соответственно), хотя степень урбанизации страны с 1990 г., по этим данным, не повысилась [ФАО-Стат, Российская Федерация].

Высокая динамика урбанизации может означать широкие возможности для трудовых мигрантов. Они включают в себя как увеличение круга вакансий в сельской местности и пригородах (в том числе сезонные с/х работы), так и увеличение потребностей в обслуживании инфраструктуры стремительно растущих городов.

О высоком уровне урбанизации свидетельствуют и данные об основных секторах экономики по занятым в них.

Таблица 4

Общая структура трудовой занятости населения на 2021 г., тыс. чел.

	Швеция	Норвегия	Дания	Финляндия
Всего трудозанятых	5120,3	2796	2900,1	2573,4
В сфере услуг и управления	4104,7	2197,7	2285,6	1922,8
В промышленности	916,1	533	555,5	545,8
В сельском хозяйстве и промысле	99,5	65,4	59	104,7

Составлено по: [OECD.Stat: Employment by activities and status].

Показательно, что сфера услуг и управления многократно превосходит остальные – промышленность, сельское хозяйство и промысел. Это, без сомнения, экономическое следствие одного из типов урбанизации: оно свидетельствует о высокой степени доминирования инфраструктурной сферы над сферой производства в целом, что характерно для неиндустриальной (или уже постиндустриальной?) урбанизации.

Особенности демографии. Скандинавские страны – это страны со сравнительно небольшим населением и низкой плотностью проживания. На начало 2022 г., по данным проекта *Countrymeters*, население Швеции составляло 10 млн 307 тыс. человек, Норвегии – 5 млн 538 тыс., Дании – 5 млн 852 тыс., Финляндии – 5 млн 615 тыс. человек. Тем самым, приведенные показатели численности диаспор в пересчете на доли от всего населения оказываются весьма значительными.

Попробуем оценить и долю молодежи от 20 до 30 лет в этих странах. Воспользовавшись данными демографической статистики ОЭСР по численности молодежи от 20 до 24 и от 25 до 29 лет [OECD.Stat: Historical population], получаем следующие приблизительные процентные пока-

затели: Швеция – 12,4%, Норвегия – 12,7%, Дания – 13,2%, Финляндия – 11,8%. Молодежь до 30 лет представляет собой наиболее мобильную часть населения, менее всего связанную семьей и потенциально готовую к трудовой миграции или переезду в более комфортные условия жизни в пределах относительно привычного социокультурного ареала. Эти показатели оказались сравнительно невелики. И все же миграции между этими тремя странами весьма активны: очевидно, значительную роль тут играет все та же интенсивная трудовая мобильность – качество, обеспеченное действующей на протяжении десятилетий «зоной свободного передвижения». Она дает возможность максимально быстро и с минимальной бюрократической нагрузкой принимать решение о переезде, то есть откликаться на самые тонкие пуш- и пул-факторы миграции.

Различия в уровне жизни. Ряд показателей свидетельствует о разнице в условиях труда, материальном балансе домохозяйств и отношении к действительности у жителей разных скандинавских стран. Для сравнения приведем некоторые из них, предоставленные официальным интернет-порталом ОЭСР, включив сюда и Финляндию как соседку трех рассматриваемых стран по Скандинавскому полуострову.

Таблица 5

Комплексные показатели уровня жизни

	Швеция	Норвегия	Дания	Финляндия
Риски на рынке занятости ¹	4,4	2,8	4,5	2,2
Уровень трудовой занятости	75	75	74	72
Уровень долгосрочной безработицы	1	0,9	0,9	1,2
Среднегодовой заработок, долл.	47 020	55 780	58 430	46 230
Превышение нормальной продолжительности трудовой недели ² , %	0,9	1,4	1,1	3,6
Уровень потребления домохозяйств, долл.	33 730	39 144	33 774	33 471
Уровень благосостояния домохозяйств, долл.	–	268 358	149 864	230 032
Качество соцобеспечения, балл. из 100	94	96	95	96
Проживание без удобств, %	0	0	0,5	0,4
Расходы на проживание, %	20,1	17,7	23,3	23,1
Комнат на человека	1,7	2,1	1,9	1,9
Уровень образованности ³ , %	84	82	82	91
Избирательная активность, %	87	78	85	69

Окончание табл. 5

	Швеция	Норвегия	Дания	Финляндия
Продолжительность жизни, лет	83,2	83	81,5	82,1
Самооценка здоровья, балл. из 100	76	75	70	68
Удовлетворенность жизнью, балл. из 10	7,3	7,3	7,5	7,9
Безопасность ⁴ , балл. из 100	79	93	85	88
Доля убийств	1,1	0,6	0,5	1,2

¹ Показатель определяется как ожидаемая потеря заработка от безработицы в отношении к предыдущему заработку. Сюда включены риски остаться без работы, ожидаемая продолжительность безработицы и степень смягчения этих потерь, обеспечиваемая государственными пособиями по соцстрахованию.

² Трудовая занятость 50 ч/нед. и более.

³ Количество взрослых в возрасте от 25 до 64 лет, имеющих как минимум полное среднее образование, в отношении к остальному населению того же возраста.

⁴ Оценка безопасности на улице в ночное время.

Составлено по: [OECD.Stat: Better Life Index].

Приведенные данные свидетельствуют о более благоприятном климате для иммиграции в Норвегии, нежели в соседних странах. Наивысшие показатели благосостояния, соцобеспечения и безопасности, самые низкие расходы на проживание, а главное – высокий уровень трудовой занятости и наименьшие риски на рынке труда, делают эту страну привлекательной для трудовых мигрантов.

Впрочем, по некоторым социальным показателям (продолжительность жизни, уровень образованности населения, политическая активность, непревышение нормальной продолжительности трудовой недели) незначительно вперед выходит Швеция, а по некоторым (например, среднегодовой заработок) – Дания. К тому же показатели меняют свои значения с течением времени, так что волны этих «братских» трудовых миграций могут как менять свою амплитуду, так и принимать обратные направления. В качестве примера такого рода изменений приведем сравнительный график ежегодных миграций шведов в Норвегию и норвежцев в Швецию за два десятилетия (рис. 1).

Из сравнения двух графиков видно, что за некоторые годы отмечалось превышение потока трудовых мигрантов из Норвегии в Швецию, хотя в основном иммиграция шведов в Норвегии – идет интенсивнее (а в 2011 г. фиксировалось даже более чем четырехкратное превышение). Спад миграций в 2020 г. связан, без сомнения, с карантинными мерами и волной «локдауна», которые пережили в разной степени все страны мира. А вот пиковый приток в Европу мигрантов с Востока и Юга в 2015 г., как ни странно, не вызвал подъема показателя иммиграции в Норвегии

из соседней Швеции, традиционно принимающей больше «небелых» мигрантов и беженцев. Можно предположить, что этот факт свидетельствует о высокой самостоятельности феномена «братских» трудовых миграций как социально-экономического явления, а также традиционности этого феномена, обладающего сравнительной устойчивостью для субрегиона перед лицом резких изменений глобальной повестки (имеется в виду европейский миграционный кризис).

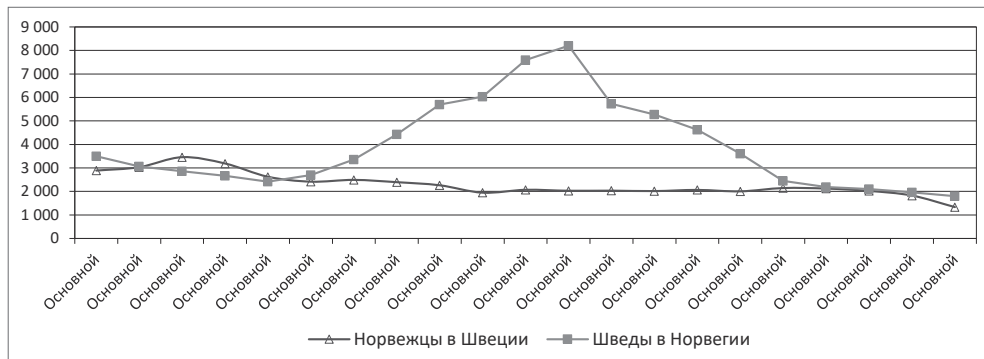

Рис. 1. Графики ежегодных миграций шведов в Норвегию и норвежцев в Швецию (2000–2020 гг.)

Составлено по: [OECD.Stat: International Migration Database Inflows...]

Аспекты проблематики трудовых иммигрантов в Норвегии

Трудовые мигранты сталкиваются с рядом проблем, большинство из которых можно признать общими на долгом пути интеграции мигрантов в принимающее общество. В качестве частного случая рассмотрим некоторые вопросы социокультурной адаптации трудовых иммигрантов в Норвегии – стране в целом вполне благоприятной для них, как свидетельствуют приведенные выше данные.

Феномен свободного перемещения рабочей силы между странами Скандинавии определяет особый характер трудовых миграций в Норвегии и социокультурной адаптации иммигрантов из североевропейских стран. «Трудовую миграцию в Норвегию можно частично понять в свете исторических и культурных связей Норвегии с другими скандинавскими странами, а частично в свете ее связей внутри ЕС. Существует давняя традиция миграции между странами Северной Европы. С 1950-х годов в странах Северной Европы существует общий рынок труда и свободное трансграничное перемещение людей» [Valenta et al., 2017, p. 155].

Как страна богатая природными ресурсами, энергодобывающая и обладающая широким предложением рабочих мест, «Норвегия является не только частью скандинавской миграционной системы, но и частью

более крупной европейской миграционной системы, поскольку страна интегрирована в общий европейский рынок труда. ... В последние годы Норвегия была крупнейшим получателем трудовых мигрантов из ЕС среди стран Северной Европы» [Valenta et al., 2017, p. 156]. Кроме того, эта страна за последние 7–8 лет стала пунктом назначения трудовых мигрантов из таких стран Балтийского региона, как Литва, Польша и др.

Общая численность граждан этой сравнительно малонаселенной страны, по данным Ежемесячного статистического бюллетеня ООН, постепенно, но неуклонно повышалась на протяжении последних двух десятилетий (от 4491 тыс. в 2000 г. до 5391 тыс. чел. в начале 2021 г.) [MBS Online – Estimates of mid-year population – Norway]. Возможно, тому способствовал не только приток иммигрантов, получающих со временем норвежское гражданство, но и несколько более высокая среди скандинавских стран рождаемость (только в последний год по этому показателю стала лидировать Швеция) [MBS Online – Crude birth rates – Norway; Sweden].

Отмечалось, что одной из черт трудовой миграции в Норвегию является привлечение потенциальной трудовой силы из стран с низким уровнем рождаемости. Так, результаты специального исследования 2020 г. показывают, что «женщины из стран с низкой рождаемостью часто имеют более высокие показатели рождаемости в первые годы после иммиграции в Норвегию, что подтверждает гипотезу о взаимосвязанных событиях» [Tønnessen, Mussino, 2020, p. 861], причем повышение показателя рождаемости связано с миграционным событием иногда с учетом временного лага – периодом адаптации и устройства личной жизни. Ученые приходят к выводу, что «это может быть также признаком адаптации снизу (особенно для женщин из Германии), когда нормы фертильности и поведение женщин из стран с низкой рождаемостью меняются по мере того, как они оказываются под воздействием окружения, где рождаемость более высока» [Tønnessen, Mussino, 2020, p. 869–870].

Для трех стран Скандинавии характерна относительная культурно-языковая общность. Финляндия, конечно, стоит в этом отношении особняком ввиду иной языковой группы, хотя многие финны и владеют шведским. Но три страны в языковом отношении весьма близки на уровне понимания смысла разговорной или письменной речи. В Норвегии практикуется и язык коренных народов – саамский (имеется даже своеобразный культурно-политический орган – Саамский парламент). При этом можно услышать и гибридную разговорную речь, своего рода «суржик», используемый приезжими, в частности из Швеции.

Исследователи придают большое значение языковому фактору в адаптации иммигрантов в Норвегии и даже их долгосрочной социально-экономической интеграции. Поскольку норвежцы привыкли соотносить

носителей говоров своих соотечественников с определенными районами страны, для них важен и диалектный маркер в отношении иммигрантов, особенно, если приезжий из Швеции или Дании не обладает явными «восточными» или «южными» чертами. Норвежцы, как правило, открыто выявляют таких «невидимых иммигрантов» по диалекту или акценту: хотя, например, шведским иммигрантам относительно легко дается общение с норвежцами, а некоторые из молодых шведов говорят почти на чистом норвежском, но в массе своей шведы в Норвегии говорят на языковом гибриде, известном в разговорной речи как *svorsk*, или «свежский». Поэтому обычно коренному норвежцу легко определить шведов как шведов – даже при фенотипическом сходстве.

Тем самым, приезжающие на заработки шведы составляют в Норвегии невидимое, но слышимое меньшинство. Видимо, в русле европейского императива крайней «социальной инклюзии», где выявление культурно-языковых особенностей характеризуется однозначно негативно как «стигматизация», исследователи проявляют обеспокоенность этим явлением. В недавно изданной работе так говорится об иммигрантах-шведах в Норвегии: «Они классифицируются как аутсайдеры не из-за фенотипических различий, а из-за лингвистической инаковости – лингвистическое профилирование акцента является обычным явлением в властных отношениях между большинством и меньшинством. Это языковое навешивание ярлыков приобретает дополнительные измерения, когда рассматриваемые отдельные мигранты фенотипически не соответствуют стереотипному представлению о шведах как воплощении североевропейской белизны. Многие шведы, прибывающие в Норвегию в качестве мигрантов, не блондины и не голубоглазые: они вполне могут оказаться или усыновленными, или иметь смешанное расовое происхождение, или же иметь ближневосточные, азиатские или африканские корни» [Tolgensbakk, 2022, p. 77]. Цитируемая автор негодует, что «хотя они не страдают от того, что не включены в состав нации, все же проблематично, а иногда и утомительно это постоянное напоминание о том, что они иностранцы, что они другие» [Tolgensbakk, 2022, p. 77].

Если такое явление не просто имеет место, а остро беспокоит самих иммигрантов, то оно может сказываться на их интеграции в норвежское общество (если это только необходимо мигрантам с высокой степенью трудовой мобильности). Возможно даже, что имеют место случаи предпочтения «своих» при устройстве на работу и на конкурсах вакансий. Однако, во-первых, это явление неспецифическое для норвежского общества и имеющее свои механизмы и резоны, а во-вторых, как уже говорилось, норвежцам вообще свойственно интересоваться местом происхождения собеседника и ассоциировать такую информацию со своим

опытом – в данном случае в качестве работодателя. Так что необязательно проигранный конкурс на вакансию будет означать протекционизм работодателя или проявление его ксенофобского настроения.

Заключение

Трудовая иммиграция как комплексное явление предполагает учет разных ее аспектов при анализе. Помимо собственно факторов (притягивающих и выталкивающих), экономических и социально-исторических причин, в последнее время исследуются и особенности социально-психологической адаптации мигрантов в тесной связи с их типологией. Нередко такой угол зрения обусловлен повышенным (а зачастую – болезненно-острым) вниманием к национально-расовым и гендерным особенностям трудовых мигрантов, связанных якобы напрямую с их дискриминацией или нетерпимостью к ним. Представляется, что эта проблематика заслоняет для многих исследователей более существенную, связанную с тем же вопросом происхождения мигрантов. В частности, недостаточная дифференцированность факторов миграции, как и слишком укрупненная типология трудовой миграции как раз и препятствуют выявлению приоритетной проблематики их адаптации на местах. Сезонные трудовые мигранты, лица, переезжающие в другую страну на длительный срок, лица, предпринимающие попытку реализовать в другой стране свой стартап, лица, совмещающие учебу с работой за рубежом, те, кто недоволен социальными условиями на родине и собирается создать семью и работать в другой стране и многие другие категории мигрантов почти не оговариваются в исследованиях как отдельные группы, заслуживающие особых методологических подходов. То же относится и к большой группе «лиц, ищущих убежища» и «беженцев», которые зачастую не столько спасаются от угроз на родине, сколько используют ситуацию в целях повышения материального благосостояния за счет привлекательных условий соцобеспечения в европейских странах.

Отдельной темой, вынесенной в заглавие, автор считает беспрепятственные перемещения в соседние страны с целью заработка – «братские» миграции. Дальнейшая разработка этой темы может, как представляется, принести свои плоды и в сфере миграционной политики, и при решении ряда вопросов адаптации и социально-экономической интеграции иммигрантов в том числе в нашей стране.

Список литературы/References

1. Сарабьев А. В. Вопросы адаптации трудовых мигрантов с арабского Востока в ЕС // *Современная Европа*, 2020, № 7, с. 113–123. / Sarabiev A. V. [Issues of adaptation of labor migrants from the Arab East to the EU]. *Sovremennaya Evropa [Modern Europe]*, 2020. No. 7. Pp. 113–123. DOI: 10.15211/soveurope72020113123.

2. Сарабьев А. В. Трудовые мигранты с арабского Востока в Швеции: изменение парадигмы // *Балтийский регион*. 2021. Т. 13, № 4. С. 95–110. / Sarabiev A. V. [Labor migrants from the Arab East in Sweden: a paradigm shift]. *Baltiyskiy Region [Baltic region]*. 2021. Vol. 13. No. 4. Pp. 95–110. DOI: 10.5922/2079–8555–2021–4–6.
3. ILO (2022). Temporary Labour Migration: Unpacking complexities – Synthesis Report. International Labour Organization 2022 (17–10–2022). URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—ed_protect/—protrav/—migrant/documents/publication/wcms_858541.pdf.
4. IOM (2019). Glossary on Migration, International Migration Law, IOM: Geneva, available at: https://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_34_glossary.pdf.
5. McKowen, Kelly. Coming to Terms with Belonging: Unemployed Migrants and Sociocultural Incorporation in Norway // *Migration and Multiculturalism in Scandinavia*. University of Wisconsin Press (2022). Pp. 115–132.
6. *Migration and Multiculturalism in Scandinavia* / Eric Einhorn, Sherrill Harbison, Markus Huss (Eds.). University of Wisconsin Press, 2022. 323 p.
7. OECD (2019). ‘Capturing the ephemeral: How much labour do temporary migrants contribute in OECD countries?’ // *International Migration Outlook 2019*, OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2019_c13aacc1-en.
8. Omolo, James. Crossing the Colorline: Biracial Identity in Sweden and Denmark // *Journal of Critical Mixed Race Studies*, Vol. 1, No. 2, Mixed Race in Nordic Europe (2022). Pp. 181–196.
9. Rysst, Mari. “Stuck in Their Skin”: Challenges of Ethnic Identity Construction among Children and Youth of Mixed-Race Heritage in Norway // *Journal of Critical Mixed Race Studies*, Vol. 1, No. 2, Mixed Race in Nordic Europe (2022). Pp. 50–75.
10. Statistical Yearbook, 2022 edition, Issue 65 / Department of Economic and Social Affairs, United Nations, New York, 2022. 544 p.
11. Tolgensbakk, Ida. Speaking Swedish While Black in Norway // *Journal of Critical Mixed Race Studies*, Vol. 1, No. 2, Mixed Race in Nordic Europe (2022). Pp. 76–91.
12. Tønnessen, Marianne; Mussino, Eleonora. Fertility patterns of migrants from low-fertility countries in Norway // *Demographic Research*, Vol. 42, January–June 2020. Pp. 859–874.
13. Valenta, Marko; Strabac, Zan; Jakobsen, Jo; Reitz, Jeffrey; Al Awad, Mouawiya. Labour Migrations to Resource-rich Countries: Comparative Perspectives on Migrants’ Rights in Canada, Norway and the United Arab Emirates // *International Journal on Minority and Group Rights*, Vol. 24, No. 2 (May 2017). Pp. 150–173.
14. WB (2018). Bilateral Migration Matrix – 2017. The World Bank, April 2018. Available at: <https://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data>
15. World Migration Report 2022 / International Organization for Migration, Geneva, 2022. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/WMR-2022_0.pdf. 524 p.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. ФАО-Стат, Норвегия. <https://www.fao.org/faostat/ru/#country/162>.
2. ФАО-Стат, Швеция. <https://www.fao.org/faostat/ru/#country/210>.

3. ФАО-Стат, Дания. <https://www.fao.org/faostat/ru/#country/54>.
4. ФАО-Стат, Финляндия. <https://www.fao.org/faostat/ru/#country/67>.
5. ФАО-Стат, Российская Федерация. <https://www.fao.org/faostat/ru/#country/185>.
6. KNOMAD (The Global Knowledge Partnership on Migration and Development) – Migration Data – Norway – Immigration. URL: <https://www.knomad.org/data/migration/emigration> (дата обращения 15.11.2022).
7. MBS Online (Monthly Bulletin of Statistics Online). Population – Estimates of mid-year population – Norway. URL: <https://unstats.un.org/unsd/mbs/app/DataView.aspx?tid=2&cid=578&yearfrom=2000&year=2022&p=M> (updated: 4 November 2022).
8. MBS Online. Population – Crude birth rates – Sweden. URL: <https://unstats.un.org/unsd/mbs/app/DataView.aspx?tid=2&cid=752&yearfrom=2000&year=2022&p=M> (updated: 4 November 2022).
9. OECD.Stat (The Organisation for Economic Co-operation and Development): Better Life Index. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?QueryId=111431#>. (Data extracted on 04 Nov 2022).
10. OECD.Stat: Historical population. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?QueryId=111431#> (Data extracted on 04 Nov 2022).
11. OECD.Stat: Employment by activities and status (ALFS). URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?QueryId=111431#> (Data extracted on 04 Nov 2022).
12. OECD.Stat: International Migration Database Inflows of foreign population by nationality – from Sweden to Norway; from Norway to Sweden. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?QueryId=111431#>. (Data extracted on 04 Nov 2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Алексей Викторович Сарабьев – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Sarabiev Aleksei V. – Doctor in History, Leading Research Fellow of the Centre of Arabic and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 29.11.22. Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 20.01.2023. Опубликована: 28.04.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 29.11.22. Approved after peer reviewing and accepted for publication: 20.01.2023. Published: 28.04.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

EASTERN ANALYTICS
Peer-reviewed academic journal

Computer layout *Nadezhda V. Makeeva*

Languages in which articles in the journal can be printed: Russian, English,
Arabic, Yiddish, Chinese, Korean, Turkish, Farsi, Hindi, Japanese

Signed in the press on 28.04.2023. Format 70×100/16.
Typeface Noto Serif. Circulation 500 copies. Order No.
Website: <https://analitika.ivran.ru>

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.
The Science Publishing Centre, head of A. O. *Zakharov*
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031. Website: www.ivran.ru

Printed in the publishing house of LLC "White Wind"
in accord with provided materials.
28, Shchipok st., Moscow, 115093, Russian Federation
Phone: +7 (495) 651-84-56
E-mail: wwprint@mail.ru. Website: <https://wwprint.ru>

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Научный рецензируемый журнал

Верстальщик *Н. В. Макеева*

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский, арабский, идиш, китайский, корейский, турецкий, фарси, хинди, японский

Подписано в печать 28.04.2023. Формат 70×100/16. Гарнитура Noto Serif.
Усл. печ. л. 11,7. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 500 экз. Заказ №
Веб-сайт: <https://analitika.ivran.ru>

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Веб-сайт: www.ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Белый Ветер»
115093, г. Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: +7 (495) 651-84-56
E-mail: wwprint@mail.ru. Вебсайт: <https://wwprint.ru>